

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Коми региональное отделение Российского исторического общества

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 2 (26)

Сыктывкар, 2020

ISSN 2304–5922

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2020. № 2 (26).

HISTORICAL DEMOGRAPHY. Science magazine. 2020. № 2 (26).

Основан в 2008 г.

Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Редакционная коллегия:

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), В.А. Исупов (зам. главного редактора, Санкт-Петербург), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Н.М. Игнатова (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), А.Е. Загребин (Ижевск), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), Т.С. Садыков (Нур-Султан), М.С. Черкасова (Вологда), М. Шмигель (Банска-Быстрица)

Редакционно-издательская группа:

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар),
Н.К. Забоева (Сыктывкар), С.А. Попов (Сыктывкар)

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2020

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН,
журнал «Историческая демография».

Тел. (8212)245564 (гл. ред.), факс (8212)245564

E-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru (гл. редактор), ignatova.hist@mail.komisc.ru (отв. секретарь, рук.
редакционно-издательской группы)

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения автора.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Семенов В.А., Вишнякова Д.В. (Сыктывкар). Демографические аспекты истории коми крестьянских родов Налимовых и Жаковых в конце XVIII – начале XX века 4 DOI: 10.19110/2304-5922-2020-2-4-7	
Игнатова Н.М. (Сыктывкар). Численность и половозрастной состав спецпереселенцев-«бывших кулаков» в Республике Коми в 1930-е годы 8 DOI: 10.19110/2304-5922-2020-2-8-14	
Обедков А.П. (Сыктывкар). Средние города в системе расселения населения России..... 15 DOI: 10.19110/2304-5922-2020-2-15-24	
Алексеева Л.В. (Нижневартовск). Формирование населения города Нижневартовска (середина 1960-х – начало 1990-х годов) 25 DOI: 10.19110/2304-5922-2020-2-25-29	
Обедков А.П. (Сыктывкар). Вековая динамика численности и источников формирования населения Республики Коми в 1920–2020 годах: этапы и типы демографического развития 30 DOI: 10.19110/2304-5922-2020-2-30-38	

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Смирнов А.В. (Сыктывкар). Население арктических столиц: роль административных центров в демографическом развитии регионов Арктики..... 39 DOI: 10.19110/2304-5922-2020-2-39-45	
--	--

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Силин В.И. (Сыктывкар). Атлас Архангельской епархии как демографический источник..... 46 DOI: 10.19110/2304-5922-2020-2-46-48	
Куратов О.А. (Сыктывкар). Обзор делопроизводственных и статистических источников изучения миграционных процессов на территории Европейского Севера во второй половине XIX века 49 DOI: 10.19110/2304-5922-2020-2-49-51	

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Лашук Л.П., Жеребцов Л.Н. (Сыктывкар). Материалы к этнической истории сысольских коми. (Из отчета Сысольской этнографической экспедиции Коми филиала АН СССР 1958 года) 52	
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография» 71	

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 930.2:314.148:929.52(=511.132)"1792/1914"

DOI: 10.19110/2304-5922-2020-2-4-7

В.А. Семенов, Д.В. Вишнякова*

Демографические аспекты истории коми крестьянских родов Налимовых и Жаковых в конце XVIII – начале XX века**

В статье рассматриваются демографические процессы в бассейне нижней Сысолы в конце XVIII – начале XX в. Прослежены динамика численности и семейная структура населения. В исследовании привлечены материалы исповедных ведомостей, метрических книг, ревизской сказки, посемейного списка.

Ключевые слова: Коми край, демография, крестьянский род

V.A. Semenov, D.V. Vishnyakova

Demographic aspects of the history of Komi peasant families Nalimovs and Zhakovs in the late XVIII – early XX centuries

The article deals with demographic processes in the lower Sysola basin in the late XVIII – early XX century. The dynamics of the number and family structure of the population are traced. The study involved the materials of the confessional statements, registers of births, revision lists, family list.

Key words: Komi region, demography, peasant family

В настоящей статье представлены архивные материалы по крестьянским родам Налимовых и Жаковых, так как они достаточно фундированы и соответствуют довольно полному раскрытию изучаемого вопроса. В то же время имеются некоторые субъективные предпосылки, известны несколько представителей этих родов, которые внесли значительный вклад в историю, развитие культуры и науки России: Василий Петрович Налимов – этнограф, географ, профессор Московского университета, умерший в тюрьме предварительного заключения г. Сыктывкара, Семен Иванович Налимов – создатель струнных музыкальных инструментов в оркестре В.В. Андреева, Калистрат Фалалеевич Жаков – философ, писатель, его племянник Александр Жаков – член Совета солдатских депутатов Финляндского полка, командир ЧОН, герой разгрома Антонова, Врангеля и Махно.

Для получения необходимых сведений были привлечены архивные материалы XVIII – начала XX в.: исповедные ведомости, ревизская сказка, метрические книги, посемейный список Вильгортской волости

* **Семенов Виктор Анатольевич** (Сыктывкар, 1945–2020) – доктор исторических наук, профессор Сыктывкарского государственного университета. **Вишнякова Дарья Викторовна** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. При анализе в рассматриваемом аспекте были взяты данные по родовым группам Налимовых и Жаковых. Первые исторические данные о селениях нынешнего Присыктывкарья сообщаются в «Сотной писцовой книги 1585–1586 гг. по Сысольской волости Вымского уезда в переписи Ивана Огарева и подьячего Филиппа Юрьева». В ней упоминаются погост Шошка и погост в устье Сысолы реки. Несколько деревень, относившихся к погосту Шошка, образовали в 1678 г. самостоятельный погост Вильгорт. Рост населения и поиск более плодородных почв для ведения хозяйства послужили причиной быстрого заселения и освоения этой местности, прежде всего, выходцами из Шошки, что подтверждается результатами исследований фамилий первых жителей деревень Вильгорта [1].

Дальнейший прирост населения на Сыsole привел к образованию там в XVIII в. новых волостей. Среди них был и погост Вильгорт, преобразованный в волость в 1719–1720 гг. [2]. В том же 1720 г. впервые упоминаются Жаковы. В то время они проживали в Вильгорте в трех дворах, это были главы семей Михайло Михайлов 60 лет, Стефан Васильев 65 лет и бобыль Иван Михайлов 60 лет [3].

По мнению М.И. Ельсовой, сведения о Налимовых относятся ко второй половине XVI в., в которых упоминается некий Афонька Прокопьевич, от которого якобы пошел род Налимовых [4]. К сожалению, сведения о родоначальнике не подкреплены в публикации ни архивными, ни иными источниками. Нами за начальный период исследования взяты материалы исповедных ведомостей 1792 г. Сретенского прихода по Вильгортской волости.

Таблица 1

**Динамика численности родовых групп
Налимовых и Жаковых (конец XVIII – начало XX в.),
Вильгортская волость, Усть-Сысольский уезд**

Годы	Количество дворов	Численность, чел.		
		Мужчины	Женщины	Всего
1792	26	56	65	121
1804	32	76	94	170
1812	32	75	96	171
1825	31	74	80	154
1840	35	87	103	190
1858	32	116	111	227
1865	40	130	109	239
1886	57	180	180	360
1914	72	203	224	427

Источники: ГУРК «НАРК». Ф. 44. Оп. 1. Д. 16. Л. 27 об.–312; Ф. 230. Оп. 1. Д. 389. Л. 71–84 об.; Д. 400. Л. 71–87; Д. 408. Л. 64–84 об.; 421. Л. 97–122 об.; Д. 436. Л. 141–163; Д. 22. Л. 6 об.–71; Д. 459. Л. 167–199; Д. 461. Л. 2 об.–56.

промышленной деятельности. Такими районами являлись, в частности, Приуралье и Вятская губерния. Отрицательную роль могли сыграть и правительственные мобилизации на военную службу и работы. По данным, приводимым И.Л. Жеребцовым, из Вильгорта было направлено на военную службу в 1811 г. 21 чел., а в 1816 г. – 30 чел. [7]. Высокий показатель прироста был между 1825 и 1840 гг., в период постепенной демографической стабилизации. Заметно выросла численность населения и в период с 1865 по 1886 г., что явилось следствием социально-экономических преобразований 60–70-х гг. XIX в. Земства вели активную деятельность по обеспечению населения хлебом, а также пропагандировали более прогрессивные методы земледелия и животноводства [8]. Общий рост количества дворов был связан с увеличением численности населения. Число дворов с 1792 по 1914 г. возросло примерно в 2,7 раза, а численность населения – в 3,5 раза.

Соотношение полов в изучаемый период в большинстве случаев оставалось в пользу превалирования женского населения. Сопоставляя данные количества детей с численностью взрослых, мы можем говорить, что, с одной стороны, они отражают высокую детскую смертность, а с другой – освещают условия воспитания детей, их близость к миру взрослых и как следствие раннее возмужание. В среднем же на одну женщину приходилось 3–5 детей. Однако в некоторых семьях число детей достигало 7–9 человек.

За рассматриваемое время численность изучаемых родовых групп с 1792 по 1914 г. увеличилась на 253%. Темпы прироста были нестабильными. Довольно высокие темпы прироста населения наблюдались в самом начале XIX в. Здесь большую роль сыграл климатический фактор. В первой половине XIX в. климат стал ощутимо теплее, малый ледниковый период окончательно остался позади [5]. Улучшение климата соответственно вело к сокращению заморозков и неурожаев. Однако в дальнейшем темпы прироста значительно замедлились. Так, прирост численности исследуемой группы с 1804 по 1812 г. составил всего 0,6%. А между 1812 и 1825 гг. численный состав населения резко пошел на убыль, это совпадал с тяжелыми для жизни годами (неурожаи, эпидемии и др.). За этот период «исчезли» целые семьи (по исповедальным ведомостям 1812 г. – это дворы № 22, 23, 26, 129, 133, 135, 141, 143) [6]. Очевидно, они переселились на пустые земли или же мигрировали в другие губернии. Потребность в дополнительных денежных средствах, которые не могло дать коми крестьянину свое хозяйство, ставило его перед необходимостью миграций в те районы, где имелся спрос на рабочую силу или существовала возможность

Таблица 2

**Семейное положение представителей крестьянских родов Налимовых и Жаковых
(конец XVIII – начало XX в.), Вьльгортская волость, Усть-Сысольский уезд**

Годы	Всего супружеских пар	Вдовы обоого пола (муж. и жен.)	Супружеские пары без детей	Холостые обоого пола (муж. и жен.)	Общее число детей в семьях (муж. и жен.)
1792	26	9 (3–6)	7	13 (6–7)	50 (22–28)
1804	41	3 (0–3)	10	13 (7–6)	70(26–44)
1812	36	13 (2–11)	6	15 (4–11)	73 (34–39)
1825	36	12 (4–8)	15	11 (4–7)	61 (30–31)
1840	36	12 (3–9)	10	23 (8–15)	85(41–44)
1858	46	14 (0–14)	9	37 (21–16)	88 (51–37)
1865	42	17 (5–12)	8	35 (19–16)	104 (64–40)
1886	67	23 (7–16)	11	42 (20–22)	147 (67–80)
1914	79	34 (6–28)	20	67 (32–35)	170 (78–92)

Источники: См. табл. 1.

На материалах представителей данных родов отчетливо прослеживается брачно-семейная структура населения, характерная для коми крестьянства (табл. 2). По материалам метрических книг, был выявлен довольно зрелый брачный возраст, характерный также и для населения других районов Коми края [9]. У женщин он составлял 18–24 года, у мужчин – в среднем от 20 до 27 лет. Для населения Вьльгортской волости было характерно несколько более позднее вступление в брак, чем для Усть-Сысольского уезда в целом. Особенно эта черта усилилась к концу XIX в. Более высокий брачный возраст в определенных районах Коми края был вызван, по нашему мнению, отсутствием значительной части мужского населения. Здесь играли свою роль и половозрастная структура населения того или иного района, и динамика народонаселения, и степень распространенности отхожих промыслов. По материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. для Вьльгортской волости были характерны довольно низкие показатели соотношения численности полов в возрастных группах 20–29 лет и 30–39 лет. Так, численность женщин в этих возрастах превышала численность мужчин в тех же возрастных группах почти в 2 раза [10].

Данные источников позволяют говорить о том, что среди вдовых большую часть составляли женщины (табл. 2). Такое положение было связано не только с высокой смертностью мужчин. Повторные браки во всех районах Коми края заключались преимущественно вдовцами. Вторично женившись, мужчины выбирали себе в жены женщин значительно моложе их на 5–10, а иногда и 20 лет. Повторные же замужества вдов были единичными.

Весьма важный вопрос представляет собой структура семейно-родственных связей. В зависимости от нее выделяется простой тип семьи (супружеская пара с детьми, не состоящими в браке) и расширенный. На всем протяжении XIX в. существовали неразделенные (расширенные) семьи. Такие семьи насчитывали несколько видов: братские, отцовские и др. Некоторые из них могли иметь в своем составе до 20 чел. В первой половине изучаемого периода соотношение разделенных и неразделенных семей среди исследуемых родовых групп было примерно равным: в 1792 г. – 13 разделенных и 13 неразделенных, в 1840 г. – 20 и 16 соответственно. Однако во второй половине XIX в. неразделенные семьи стали преобладать. Так, по данным посемейного списка за 1886 г., разделенных семей было 11, неразделенных же – 51. В 1914 г. соотношение малых и расширенных семей примерно выровнялось и составило 35 и 33 соответственно. Наиболее распространенными среди неразделенных семей были отцовские: супруги с женатыми сыновьями и внуками. Чуть менее были распространены братские семьи. В пореформенный период в Коми крае наблюдался рост семейных разделов [11]. Однако на примере родовых групп Налимовых и Жаковых подобное явление не было зафиксировано, скорее, наоборот шла тенденция увеличения числа неразделённых семей. Возможно, это было связано с экономическими условиями Вьльгортской волости, так как организация семьи с индивидуальным хозяйством была сопряжена с определенными трудностями: нехваткой земельных угодий и отпускаемого лесного материала для строительства новых домов и хозяйственных построек. В условиях Вьльгорты особенно остро чувствовалась нехватка лесного материала. Так, в крестьянском прошении-приговоре от 1895 г. говорится, что «со времени генерального размежевания земель в 1784 г., несмотря на увеличение населения и уменьшение строевого леса, правительство не увеличивало лесного массива для нужды населения до 1888 г.». Далее сообщается, что «стоимость леса дороже, чем в других волостях», что «лесничество запретило отпускать строевой лес из казенных лесничеств» [12].

В целом на материалах истории крестьянских родов мы можем проследить основные демографические и социальные процессы, протекавшие в Коми крае, расширить изучение общеисторических явлений через историю семьи.

Источники и литература

1. *Жеребцов И.Л.* Населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. Сыктывкар, 2001. С. 97.
2. *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н., Сметанин А.Ф.* Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001. С. 20.
3. *Плесовский Ф.В.* Комиын овъяс. Сыктывкар, 1997. С. 37.
4. *Ельсова М.И.* Родословная роспись уроженцев села Выльгорт за XVI–XX века, Сыктывкар, 2004. 290 с.
5. *Жеребцов И.Л., Королев К.С.* Климатический фактор в истории коми. Сыктывкар, 2000. С. 12.
6. ГУРК «НАРК». Ф. 230. Оп. 1. Д. 408. Л. 64–84 об.
7. *Жеребцов И.Л.* Коми край в XVIII – середине XIX в.: территория и население. Сыктывкар, 1998. С. 83.
8. *Вайровская С.В.* Земство Коми края (1869–1918 гг.). Сыктывкар, 2001. С. 51.
9. ГУРК «НАРК». Ф. 230. Оп. 1. Д. 470. Л. 759; Д. 523. Л. 713; Д. 476. Л. 1176; Д. 493. Л. 815; Ф. 254. Оп. 1. Д. 223. Л. 202.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Вологодская губерния. Тетр. 1. СПб., 1901. С. 14–15.
11. *Соловьёв В.В.* Брачно-семейные отношения коми крестьян в конце XIX в. – начале XX в. // Вопросы этнографии народа коми. Сыктывкар, 1985. Вып. 32. С. 145.
12. Цит. по кн.: *Налимов С.И.* Преображённое село. Сыктывкар, 1977. С. 9.

Н.М. Игнатова*

Численность и половозрастной состав спецпереселенцев-«бывших кулаков» в Республике Коми в 1930-е годы**

В статье анализируются численность и половозрастной состав спецпереселенцев-«бывших кулаков» в Республике Коми в 1930-е гг. Рассматриваются особенности учета половозрастного состава населения спец(труд)поселков и принципы учета общей численности спецпереселенцев. Показана доля спецпереселенцев в составе постоянного населения региона.

Ключевые слова: спецпереселенцы, трудпереселенцы, «бывшие кулаки», половозрастной состав, постоянное население

N.M. Ignatova

The number and age and sex composition of forced migrants-“former kulaks” in the Komi Republic in the 1930s

The article analyzes the number and gender and age composition of forced migrants-“former kulaks” in the Komi Republic in the 1930s. The features of accounting for the age and sex composition of the population of special (labor) settlements and the principles of accounting for the total number of special settlers are considered. The share of forced migrants in the permanent population of the region is shown.

Key words: forced migrants, labor settlers, “former kulaks”, age and sex composition, permanent population

Спецпереселенцы были репрессированной категорией населения, лишенными избирательных прав и свободного передвижения, они выслались в отдаленные районы страны, где пределы проживания были ограничены спец(труд)поселками. Первыми массовыми административными принудительными переселениями с ограничением прав граждан стали спецпереселения в рамках коллективизации и раскулачивания. В 1930–1931 гг. было выселено из районов сплошной коллективизации с отправкой в отдаленные и малонаселенные районы страны 381 026 семей, общей численностью 1 803 392 чел., которые определялись как спецпереселенцы (граждане, выселенные в административном порядке) [1]. В районах проживания в режиме спецпоселения, где спецпереселенцы-«бывшие кулаки» были переданы различным наркоматам для трудового использования на предприятиях, органы НКВД осуществляли административное обслуживание спецпоселков, борьбу с побегами и наблюдение за хозяйственным освоением спецпереселенцев; на региональные наркоматы, учреждения, а также предприятия, использовавшие труд спецпереселенцев, возлагались строительство, сельскохозяйственное устройство, медицинское обслуживание, организация торговых сетей, культурно-просветительских учреждений и кустарно-промысловых артелей [2].

В Северный край, в состав которого входила в 1929–1936 гг. Коми автономная область, в 1930 г. был самым крупным районом вселения раскулаченных крестьян. С февраля по апрель 1930 г. в край было вселено 46 562 семьи в количестве 230 065 чел. из Украины, Нижневолжского и Средневолжского краев, Центрально-Черноземной области, Крыма, Белоруссии. В этот же период на Урал было выселено 85 134 чел. из Северного Кавказа, Белоруссии и Крыма, в Сибирь прибыло 20 176 чел. из Украины, в Казахстан был вселен 281 чел. из Средней Азии. К августу 1930 г. по 11 районам СССР было расселено 51 889 кулацких семей, примерно четверть миллиона человек [3].

В Коми область в 1930 г. было переселено около 17 тыс. чел. и организовано 23 спецпоселка, которые строили сами высланные [4]. Объяснительная записка по переселенческим мероприятиям лесозаготовительного треста Комилес за 1930 г. включала следующие данные: «Количество водворенных семей составило 4 682 семьи– 16 808 человек (7700 трудоспособных). Построено в 1930 г. жилых домов – 213, хозяйственных

* Игнатова Надежда Максимовна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, зав. сектором историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

построек 106. Обеспечение жилой площадью в среднем составило 1 кв. метр. Водворение спецпереселенцев производилось в лесные массивы, удаленные от населенных пунктов коренного населения. Интересы местного населения были затронуты лишь в части луговых угодий» [5].

В 1931 г. в Северный край было выслано на спецпоселения еще около 12 тыс. семей [6]. Всего в течение 1930–1931 гг. в край были высланы 58 271 семья спецпереселенцев [7]. В 1931 г. численность спецпереселенцев в крае составила 285 609 чел. [8], было организовано 189 спецпоселков [9].

В 1931 г. численность спецпереселенцев в Коми Автономной области составила 40 325 чел. – максимальное учтенное число «бывших кулаков» 1930-е гг. Расселены они были по Сыктывдинскому району – 4 233 чел., Сторожевскому – 3 428, Усть-Вымскому – 7 237, Усть-Куломскому – 8 496, Визингскому – 5 944, Троицко-Печорскому – 4 510, Прилузскому – 3 645, Кожвинскому – 1 342 и Усть-Цилемскому – 2 тыс. чел. [10]. В 1930–1931 гг. было организовано всего 46 спецпоселков. Все спецпоселки относились к тресту Комилес в производственном отношении, за исключением спецпоселка Новый Бор в Усть-Цилемском районе, который входил в состав Ухтпечлага, затем в состав Воркутлага.

Политбюро ЦК ВКП(б) 20 июля 1931 г. отмечало, что задание о массовом выселении кулацких хозяйств в основном выполнено. Дальнейшее выселение из районов сплошной коллективизации рекомендовалось проводить в индивидуальном порядке. Масштабы спецпереселения резко сократились, но выселения не прекратились. В 1932 г., не считая внутрикраевого расселения, было выселено на спецпоселения по стране 71 236 чел. В 1933 г. были произведены выселения под предлогом чистки колхозов от кулацких элементов и выселения «саботажников» хлебозаготовок и налоговых платежей [11]. По данным исследователя В.Н. Шашкова, в декабре 1932 г. – январе 1933 г. в Северный край было переселено 4 615 «саботажников» [12].

В 1932 г. в СССР было 22 района спецпоселений, общая численность спецпереселенцев СССР составляла 1,4 млн. чел., в Северном крае к этому времени было учтено 131 313 спецпереселенцев [13]. Сокращение численности спецпереселенцев по стране на 400 тыс. чел. произошло, прежде всего, за счет высокой смертности, а также побегов спецпереселенцев. В 1932 г. умерли почти 90 тыс., за четыре года (1932–1935 гг.) – более 300 тыс. Смертность во много раз превышала рождаемость (в 1932 г. – в 5 раз, в 1933 г. – в 9 раз) [14].

В Коми области с 1931 по 1934 г. численность спецпереселенцев упала с 40 тыс. до 17 тыс. чел. Также сокращалось число спецпоселков. В январе 1932 г. спецпереселенцев насчитывалось 39 184 чел. [15]. В начале 1932 г. из 38 902 чел. было учтено русских – 35 149, немцев – 2 359, татар – 505, поляков – 31, чувашей – 265, представителей мордвы – 283, армян – 39, евреев – 9, киргизов – 143, чехов – 83 чел. [16]. К 1933 г. число «бывших кулаков» сократилось до 24 932 чел. [17]. В 1934 г. спецпереселенцев было уже 17 859 чел. [18], к концу 1935 г. – 16 954 чел. [19] (табл. 1).

Таблица 1

Численность спецпереселенцев в Коми АССР в 1931–1933 гг.

Район	1931 г.		1932 г.		1933 г.	
	Спецпоселков	Человек	Спецпоселков	Человек	Спецпоселков	Человек
1. Усть-Куломский	10	8 496	10	8 235	10	4 512
2. Сыктывдинский	8	4 233	8	5 075	8	3 430
3. Сторожевский	6	3 428	6	3 318	5	1 107
4. Усть-Вымский	6	7 237	6	6 815	6	4 149
5. Визингский	5	5 944	5	5 561	5	4 673
6. Троицко-Печорский	4	4 510	4	4 459	3	2 326
7. Прилузский	5	3 645	5	2 843	5	2 581
8. Усть-Усинский	1	1 342	1	1 358	1	857
9. Усть-Цилемский	1	2 000	1	1 580	1	
Всего	46	40 325	46	39 184	44	23 635

Составлено по: НАРК. Ф.Р.-136. Он. 1. Д. 389. Л. 72; Ф.Р.-3. Он. 1. Д. 2375. Л. 163; Ф.Р.-148. Он. 1. Д. 576. Л. 121.

Спецпереселенцы являлись постоянным населением и учитывались при переписях вместе с местным населением. Спецпереселенцы выслались с учетом «закрепления на местах», в отличие от заключенных ИТЛ ГУЛАГа и ссыльных. Во многих спецпереселенческих регионах, в том числе и в Коми Автономной области (Коми АССР), они составляли значительную часть в составе населения (табл. 2).

Таблица 2

Постоянное население в Коми области в 1932–1933 гг., чел.

1932 г.				1933 г.			
Местное население	Спецпереселенцы	Постоянное население	% с/п-ев в постоянном населении	Местное население	Спецпереселенцы	Постоянное население	% с/п-ев в постоянном населении
244 408	39 184	283 592	16,0	253 179	23 635	276 814	9,3

Подсчитано по: НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2334. Л. 203.

По данным Коми областного комитета ВКП(б), в Коми области в начале 1932 г. проживало 233 513 чел. местного населения, 38 612 спецпереселенцев, также было размещено 10 447 административновысланных [20]. Под категорией «административновысланные» в 1932 г. учитывались как высланные в порядке исполнения особых указов высших органов власти, т. е. непосредственно административновысланные, так и ссыльные – высланные в места ограниченного режима проживания по решению суда, среди них были высланные на срок или без указания срока.

В отличие от спецпереселенцев административновысланные и ссыльные выслались не семьями, а поодиночке. Часть ссыльных заселялась в уже имеющиеся поселки спецпереселенцев, остальные расселялись в местных населенных пунктах [21]. К концу 1932 г. из 9 517 чел. ссыльных наибольшее количество составляли высланные «без постановления», «кулаки и помещики», «духовенство и сектанты», «участники контрреволюционных организаций», «административноссыльные интеллигенция и молодежь», «спекулянты, валютчики», «социально-вредный элемент» и др. [22]. К 1940 г. численность ссыльных в трудпоселках Коми АССР сократилась до 647 чел., в том числе 643 высланных без сроков и 4 высланных на определенный срок, административновысланные к этому периоду уже не учитывались. В целом по стране в режиме спецпоселения в 1940 г. проживало 21 666 чел. ссыльных [23].

В 1932 г. спецпереселенцев и административновысланных (в том числе ссыльных) насчитывалось всего 48 244 чел., по отношению к местному населению (233 513 чел.) составляли 21 %, в Троицко-Печорском районе количество вселяемых почти соответствовало числу местного населения. Около 20 % населения составляли спецпереселенцы в Усть-Куломском, Сторожевском, Усть-Вымском и Сысольском районах [24]. При этом и один поселок в районе мог достаточно сильно влиять на состав населения. В частности, в Усть-Цилемском районе был один спецпоселок «Новый Бор», численность которого составила 12 % по отношению к местному населению (табл. 3).

Таблица 3

Спецпереселенцы и административновысланные в Коми Автономной области в 1932 г., чел.

Районы	Местное население	Спецпереселенцы	Постоянное население	% (с/п-цы к общему числу постоянн. насел.)*	Административно-высланные	Общее число (местное насел, сп-цы, а/высл.)	% (а/высланных к общему числу)**
1. г. Сыктывкар	11000	0	11000	0	1414	12414	11,4
2. Сыктывдинский	37769	4987	42756	11,7	1180	43936	2,6
3. Сысольский	24026	5559	29585	18,8	1410	30995	4,5
4. Усть-Куломский	29264	8195	37459	21,9	1869	39328	4,7
5. Удорский	13366	0	13366	0	278	13644	2,0
6. Троицко-Печорский	4901	4372	9273	47,1	278	9551	2,9
7. Усть-Цилемский	13038	1573	14611	10,8	1083	15694	6,9
8. Усть-Вымский	27801	6772	34573	19,6	1374	35947	3,8
9. Сторожевский	14999	3277	18276	17,9	1441	19717	7,3
10. Ижемский	27772	1319	29091	4,5	25	29091	0,1
11. Прилузский	29577	1823	31400	5,8	15	31415	0,05
Всего	233513	37877	271390	14,0	10367	281757	3,7

* Соотношение числа спецпереселенцев к общему числу постоянного населения (местное население и спецпереселенцы).

** Соотношение числа административновысланных к общему числу регистрируемых категорий населения (местное население, спецпереселенцы, административноссыльные).

Составлено и подсчитано по: НАРК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 892. Л. 52.

Половозрастной состав спецпереселенцев специально не учитывался. Основные пункты учета спецпереселенцев включали количество семей, число мужчин, женщин, детей и число трудоспособных. Возрастные данные среди мужчин, женщин и детей фиксировались крайне редко. При учете спецпереселенцев был введен показатель «коэффициент семейственности», который высчитывался на протяжении 1930-х гг. Важность не только общей численности спецпереселенцев, но и числа семей состояла в том, что сохранение семей позволяло строить долгосрочные планы по «освоению и закреплению» раскулаченных в местах высылки. На примере Сыктывдинского района в 1933 г. можно говорить о почти равном соотношении мужчин, женщин и детей в семьях. Средний коэффициент семейственности соответствовал 3,9, это говорит о том, что в среднем семья состояла из четырех человек, учитывая соотношение взрослых и детей, вероятнее, семья состояла из трех взрослых и одного ребенка. К взрослым относились подростки 16–18 лет, также в семьях были престарелые (табл. 4).

Таблица 4

**Размещение и численность спецпереселенцев
в Сыктывдинском районе Коми Автономной области. 1 февраля 1933 г.**

№ п/п	Спецпоселок	Мужчины	Женщины	Семьи	Дети до 16 лет			Всего	k
					Муж.	Жен.	Всего		
1	Ворью	212	232	131	77	80	157	601	4,6
2	Расью	249	235	179	49	99	148	632	3,5
3	Певк	172	166	151	97	132	229	567	3,8
4	Сапыч	201	211	142	125	125	250	662	4,7
5	Емельстан	105	118	95	50	58	108	331	3,5
6	Веж	198	156	160	97	63	160	514	3,2
7	Вуктыль	225	216	160	127	118	245	686	4,3
8	Соль	145	155	107	69	66	135	435	4,1
	Итого	1507	1489	1125	691	741	1432	4428	3,9
	%	34	34				32	100	

k – коэффициент семейственности.

Подсчитано по: НАРК. Ф.Р.–374. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

Данные по половозрастному составу формировались в зависимости от потребностей ведомства, составлявшего статистику. В частности, для предприятий, использовавших труд спецпереселенцев, необходимы были данные по лицам, достигшим 16 лет, так как они полноценно использовались на лесозаготовительных работах, также выделялась возрастная группа подростков 14–16 лет, которая считалась малотрудоспособной рабочей силой, которую могли привлечь к нетяжелым работам. Учреждения здравоохранения в свою очередь вели учет по маловозрастным группам детей, так как в их обязанности входило контролировать ситуацию с младенческой и детской смертностью в спецпоселках, прежде всего, среди детей в спецпоселковых детяслях и детсадах. Например, Коми Облздравотдел в отчете о медико-санитарном обслуживании спецпереселенцев по Коми Области за второй квартал 1934 г. указывал, что в 36 спецпоселковых яслях числятся 840 детей. Также указывалось, что за отчетный период умерло 183 ребенка, в том числе 15 – в возрасте до одного года, 29 – от 1 до 3 лет, 34 – от 3 до 8 лет и 20 детей – от 8 до 16 лет [25].

Общий учет спецпереселенцев проводился учреждениями НКВД. Учет спецпереселенцев велся по карточной системе, составлялись алфавитные семейные карточки, карточка на семью. Отмечалось прибытие, убытие, трудоспособность, браки, рождения, смерти [26]. Учетно-регистрационная деятельность в спецпоселках в 1930-е гг. осуществлялась также ЗАГСами. Органы ЗАГС были единственными учреждениями, фиксировавшими не только рождения и смерти, но также браки и разводы в спецпоселках. С 1933 по 1940 г. в спецпоселках было зарегистрировано 988 браков и расторгнуто 56. При этом за восемь лет в 25 спецпоселках из существовавших не было зарегистрировано ни одного развода [27].

Всего в 1937 г. в Коми АССР работало 180 органов ЗАГС, в том числе 39 в спецпоселках [28]. Сведения о составе населения спецпоселков поступали в органы ЗАГС на официальных бланках, либо рукописно, но в соответствии с установленной формой. Прежде всего фиксировались рождения и смерти, а также браки и разводы. Например, по данным ЗАГС, среди спецпереселенцев Сысольского района в 1932 г. было зарегистрировано пять браков, 85 рождений и 125 смертей, в Усть-Куломском районе – шесть браков, 80 рождений, 199 смертей, в Сыктывдинском районе – один брак, 19 рождений, 47 смертей [29].

Во второй половине 1930-х гг. число раскулаченных на спецпоселениях Коми АССР остается стабильным – около 17 тыс. чел. В середине 1930-х гг. принимались решения о дополнительном вселении спецпе-

реселенцев, но о том, сколько человек прибыло в итоге в спецпоселки в документах не отражается. В частности, 2 августа 1935 г. между УНКВД и трестом Комилес был заключен договор о приеме Комилесом 680 семей спецпереселенцев (2 380 чел.) со следующим размещением: в Сыктывдинском районе – 200 семей (700 чел.), в Усть-Вымском – 200 (700 чел.), Усть-Куломском – 280 (980 чел.) [31]. На основании этого договора в дальнейшем были приняты решения Райисполкомов о распределении спецпереселенцев непосредственно по спецпоселкам. В частности, в Усть-Вымском «прибывающий контингент трудпереселенцев* в количестве 200 семей числом до 900 членов» было решено расселить в спецпоселках Ветью (50 семей), Божьюдор (100 семей), Усть-Коин (50 семей) [32]. В Сыктывдинском районе прибывающие 200 семей определили заселить по следующим поселкам района: Веж – 50, Сапыч – 40, Ворью – 20, Расью – 30, Емельстан – 20, Соль – 40 [33].

В 1935 г. в целом в спецпоселках по стране наблюдалась ситуация с **понижением смертности и увеличением** рождаемости. По данным 1935 г. по Коми области можно говорить о росте числа детей в общем составе спецпереселенцев, что говорит о повышении уровня рождаемости в сравнении с началом 1930-х гг. (табл. 4).

Таблица 4

Численность спецпереселенцев в декабре 1935 г.

№ п/п	Районы	Семей	Людей	Мужчин	Женщин	Дети до 16 лет
1	Сыктывдинский	882	3 117	1 015	1 000	1 102
2	Сторожевский	237	715	196	255	264
3	Сысольский	784	2 948	803	909	1 236
4	Усть-Вымский	1 063	3 732	1 150	1 104	1 478
5	Усть-Куломский	1 167	3 764	1 067	1 258	1 439
6	Троицко-Печорский	586	1 887	548	609	1 330
7	Усть-Усинский	255	791	254	273	264
8	Усть-Цилемский	Нет сведений				
	Всего	4 974	16 954	5 033	5 408	6 513
	%			29,7	31,9	38,4

Подсчитано по: НАРК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 137. Л. 10.

По официальным данным население Коми АССР на январь 1936 г. составляло 233 561 чел. [34]. Основными национальными группами были коми, русские, украинцы, белорусы и немцы [35]. В 1936 г. при регистрации национальности жителей спецпоселков было учтено по области русских – 11 954 чел., белорусов – 2 549, немцев – 1 911, украинцев – 1 209, поляков – 361, татар – 185, армян – 28, евреев – девять, латышей – 14, киргизов – 16, башкир – 16, мордовцев – 149, чувашей – 96 и молдаван – 96 чел. [36].

Нередко при учете различных групп населения, в частности во время переписей, возникала путаница, которая вела к искажению данных. В частности, в 1937 г. от начальника УНХУ Коми АССР в управление народно-хозяйственного учета РСФСР (сектор учета населения и здравоохранения) на запрос № 13/2 от 21 мая 1937 г. из Москвы был отправлен следующий ответ: «В связи с Вашими замечаниями к годовой разработке естественного движения населения 1936 г., УНХУ Коми АССР сообщает, что в Коми АССР проживает значительное количество немцев, имеются также и ненцы. Ввиду этого карточки 1936 г. были вновь пересмотрены, в результате чего в карточках по сельской местности нашлись карточки, в которых отмечены национальность «ненцы», последние были включены к немцам». Письмо было сопровождено исправленной таблицей, с просьбой ранее высланные таблицы аннулировать [37].

По стране в целом на 1 ноября 1937 г. было расселено в 1 711 трудпоселках 249 157 семей – 1 020 588 чел. спецпереселенцев-«бывших кулаков» [38]. По данным НКВД СССР в сентябре 1938 г. проживало в Коми АССР в 37 спецпоселках 20 172 чел. (с учетом спецпоселка Новый Бор в Усть-Цилемском районе, численность спецпереселенцев в котором на этот период составляла около 1 500 чел.) [39]. Без учета сп. Новый Бор на 1 октября 1938 г. в Коми АССР в 1938 г. всего было учтено 17 852 спецпереселенца, из них наибольшее число проживало в трех районах: Усть-Куломском – 3 387 чел., Усть-Вымском – 3 384 и Сыктывдинском – 3 188 (табл. 5).

* С 1933 г. спецпереселенцы-«бывшие кулаки» в документах начинают именоваться «трудпоселенцы» или «трудпереселенцы», спецпоселки – «трудпоселки». Категория учета «трудпоселенцы» сохранится за спецпереселенцами-«бывшими кулаками» до конца 1940-х гг.

Численность спецпереселенцев по Коми АССР на 1 октября 1938 г.

№ п/п	Поселки	Человек	Взрослых	Детей до 16 лет
1	Прилузский район	1 556	963	593
2	Сысольский район	2 619	1 417	1 202
3	Сыктывдинский район	3 188	2 078	1 110
4	Усть-Вымский район	3 384	2 002	1 382
5	Сторожевский район	452	289	163
6	Усть-Куломский район	3 387	2 014	1 373
7	Троицко-Печорский район	1 728	1 066	662
8	Усть-Усинский район	1 538	1 087	451
	Всего	17 852	10 916	6 936
	%	100	61 %	39 %

Подсчитано по: НАРК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 461. Л. 37.

В заключение следует сказать, что отсутствие систематических данных о половозрастном составе населения спец(труд)поселков в 1930-е гг. объясняется разным форматом ведомственного учета спецпереселенцев и формирования статистических данных. Ограниченность источников не позволяет сделать полный анализ половозрастного состава спецпереселенцев-«бывших кулаков», при этом имеющиеся отрывочные данные об увеличении доли детей в общем составе спецпереселенцев с 32 % в 1933 г. до 39 % в 1938 г. подтверждают общую тенденцию улучшения демографической ситуации среди спецпереселенцев во второй половине 1930-х гг., снижения высокого уровня смертности и увеличения рождаемости.

Литература и источники

1. Зеленин И.Е. Ликвидация кулачества как класса // История СССР. 1990. № 6. С. 31.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.
3. Доброноженко Г.Ф., Ивницкий Н.А., Шабалова М.С. «Кулацкая ссылка» в первой половине 1930-х годов // Спецпоселки в Коми Области. Сборник документов. Сыктывкар, 1997. С. 5–7, 233, 234.
4. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 1575. Л. 8.
5. НАРК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 1571. Л. 5.
6. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов). М., 1996. С. 242.
7. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 205.
8. Коротаев В.И. На пороге демографической катастрофы: Принудительная колонизация и демографический кризис в Северном Крае в 30-е годы XX века. Архангельск, 2004. С. 37.
9. Ивницкий Н.А. Указ. соч. С. 242.
10. НАРК. Ф.Р.-148. Оп. 1. Д. 576. Л. 121.
11. Ивницкий Н.А. Указ. соч. С. 196.
12. Шашков В.Н. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Северный край. 1930–33 г. // Отечественная история. 1996. № 1. С. 151.
13. Ивницкий Н.А. Указ. соч. С. 231, 242.
14. Ивницкий Н.А. Указ. соч. С. 270–271.
15. Спецпоселки в Коми области. Сборник документов. Сыктывкар, 1997. С. 252.
16. НАРК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 911. Л. 3.
17. Ивницкий Н.А. Указ. соч. С. 217.
18. НАРК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 3192. Л. 15.
19. НАРК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 137. Л. 24.
20. НАРК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 892. Л. 52.
21. НАРК. Ф.Р.-701. Оп. 1. Д. 71. Л. 15.
22. Игнатова Н.М. Ссылные и ссыльнопоселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е годы // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. М.; Сыктывкар, 2005. Вып. 3, ч. 3. С. 95.
23. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 62. Л. 13.
24. НАРК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 892. Л. 52.
25. НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 2455. Л. 89.
26. НАРК. Ф.Р.-374. Оп. 1. Д. 8. Л. 28.
27. Управление ЗАГС Республики Коми. Отдел учета, обработки и хранения документов. Дело № 06-23.
28. НАРК. Ф.Р.-140. Оп. 2. Д. 279. Л. 41.
29. НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 2419. Л. 117.

30. НАРК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 3192. Л. 15.
31. НАРК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 3192. Л. 40.
32. НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 2508. Л. 65.
33. НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 2469. Л. 39.
34. НАРК. Ф.Р.-140. Оп. 2. Д. 280. Л. 13.
35. НАРК. Ф.Р.-140. Оп. 2. Д. 279. Л. 24, 25.
36. НАРК. Ф.Р.-366. Оп. 1. Д. 40. Л. 1, 2.
37. НАРК. Ф.Р.-140. Оп. 2. Д. 279. Л. 42.
38. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.
39. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 1, 9.

А.П. Обедков*

Средние города в системе расселения населения России**

Раскрыты особенности средних городов и их место в классификации городов. Показана эволюция сети средних городов в 1897–2019 гг. и её роль в системе расселения населения России. Дается генетическая типология средних городов. Раскрыты особенности демографического развития и типы динамики населения средних городов.

Ключевые слова: *средний город, классификация и типология городов, людность, типы динамики населения, география городов, сеть городов, система расселения населения России*

A.P. Obedkov

Middle town in the Russian population settlement system

The features of medium-sized cities and their place in the classification of cities are revealed. The paper shows the evolution of the network of medium-sized cities in 1897–2019 and its role in the system of population settlement in Russia. The genetic typology of medium-sized cities is given. The features of demographic development and types of population dynamics in medium-sized cities are revealed.

Key words: *middle town, classification and typology of cities, population, types of population dynamics, the geography of cities, city network, the settlement of the population of Russia*

В большинстве известных классификаций городов по людности выделяют категорию статистически средних городов, людность которых варьируется в пределах от 50 до 100 тыс. чел. Они занимают промежуточное положение между категориями малых и больших городов. В зависимости от численности постоянного населения средние города могут иметь черты малых или больших городов.

С точки зрения потенциала и перспектив развития в составе средних городов можно выделить две подгруппы с противоположными трендами демографического развития. Наиболее значительным потенциалом социально-экономического и демографического развития обладают средние города с растущим населением, преодолевшие отметку в 75–80 тыс. чел. и продолжающие наращивать свою людность. Средние города этой подгруппы являются наиболее вероятными кандидатами для перехода в вышестоящую категорию больших городов. Противоположностью этой подгруппы преуспевающих городов являются средние города с нисходящей траекторией социально-экономического и демографического развития, которым грозит понижение в классе и переход в нижестоящую категорию малых городов.

Средние города являются важнейшим связующим элементом региональных систем расселения. Между тем в ряде российских регионов они вообще отсутствуют. Чаще всего средние города являются ядрами протоягломераций – формирующихся агломераций, представляющих собой скопление близко расположенных городских населённых пунктов, которые со временем могут обрести черты зрелой городской агломерации. От полноценной городской агломерации протоягломерация отличается недостаточной общей людностью (менее 100 тыс. чел.), преобладанием производственных и трудовых связей между ядром и поселениями пригородной зоны, отсутствием единого рынка труда, земли и недвижимости.

С учётом хронического дефицита средних городов в стране и их важной роли в региональных системах расселения населения, категория средних городов может быть расширена за счёт включения в их состав группы полусредних городов (20–50 тыс. чел.), необходимость выделения которой в своё время впервые обосновал нижегородский экономико-географ Л.Л. Трубе [1]. Полусредние города, сочетающие в себе черты малых и средних по людности городов, играют важную роль в региональных системах расселения [2]. При этом по ряду качественных характеристик и особенностей функционирования эта группа городов намного ближе к категории средних, чем малых городов [3].

* Обедков Анатолий Павлович (Сыктывкар) – кандидат географических наук, старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических проблем Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, ObedkovAP@gmail.com.

** Публикация подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Средние города в классификации городов

Классификация городов является одним из важнейших вопросов теории расселения населения. Большинство научных публикаций по вопросам классификации городов появилось в 60–80-е гг. XX в. В эти годы были опубликованы научные работы Н.Т. Агафонова, Н.И. Блажко, В.Г. Давидовича, Э.В. Кнобельсдорфа, А.М. Колотиевского, Г.М. Лаппо, Ф.М. Листенгурта, И.М. Маергойза, Ю.Г. Саушкина, И.М. Смоляра, Л.Л. Трубе, Б.С. Хорева и других географов-обществоведов, которые уделяли большое внимание географическому изучению городов. Среди классификационных схем городов по величине чаще всего использовалась систематизация городов В.Г. Давидовича, которая в последующие годы уточнялась и дополнялась другими авторами [4].

В постсоветский период вопросы систематизации городов вновь приобрели актуальность в связи с трансформацией городов в результате рыночных реформ и постиндустриального перехода. Среди немногих авторов публикаций по вопросам классификации и типологии городов в новых условиях следует отметить А.П. Обедкова. Им опубликован ряд работ, посвященных как теоретическим вопросам систематизации городов, так и проблемам социально-экономического и демографического развития всех основных классов и типов городов Российской Федерации, Российского Севера и его регионов [5, 6, 7, 8, 9].

Большинство авторов классификаций городов исходят из того, что количественные градации конкретных категорий и групп городов отражают закономерные качественные изменения, которые происходят по мере роста людности городов и усложнения характера его устройства. При этом в зависимости от конкретных целей исследования внутри каждой из вышеназванных категорий (больших групп) городов можно выделить более дифференцированные группы городов с разными параметрами количественных градаций.

За последние полвека произошло некоторое усложнение терминологии и подходов к систематизации городов. Примерно до середины прошлого столетия для обозначения различных группировок населённых пунктов чаще всего использовался термин «классификация». В последующие десятилетия этот термин зачастую рассматривался как синоним термина «типология». Между тем некоторые исследователи справедливо советовали не смешивать эти термины, вкладывая в них разное содержание. На необходимость различать классификацию и типологию как соответствующие группировки объектов преимущественно количественных или качественных признаков последовательно обращал внимание Э.Б. Алаев – автор авторитетного понятийно-терминологического словаря по социально-экономической географии, выдержавшего два издания в 1977 и 1983 гг. [10]. Классификация трактуется им как преддверие типологии и низший уровень систематизации, представляющий собой такую группировку объектов, при которой их совокупности (классы) различаются преимущественно количественными характеристиками. В качестве таковых может рассматриваться распределение городов по одному из отдельных признаков – людности, экономико-географическому положению, времени возникновения или основания населенного пункта, утверждения статуса поселка городского типа или города. В отличие от классификации, типология предусматривает группировку объектов, устойчиво различающихся между собой по совокупности качественных признаков. В этой связи в геоурбанистике получили распространение генетическая и функциональная типология, а также типология, учитывающая степень развитости специализированных функций, возможности и потенциал перспективного развития городских населённых пунктов.

Классификация городов отражает объективные закономерности и тенденции развития городов и поселенческой сети, городских агломераций и систем расселения населения. Она всегда подчинена определённым целям, от которых зависит выбор ведущих признаков и их количественных градаций. В геоурбанистике одним из ключевых вопросов изучения городов является их классификация на основе людности. Величина города определяет его место в системе расселения, параметры основных подсистем и круг проблем, которые можно дифференцировать в зависимости от людности. В настоящее время не существует признанной общенаучной классификации городов по численности постоянного населения. Как правило, каждая градоведческая дисциплина пользуется собственной классификацией городов по людности исходя из своих исследовательских задач. Большой опыт классификации городов по величине накоплен в геоурбанистике (географии городов), градостроительстве и статистике. До недавнего времени разработанные и принятые в этих науках подходы к группировке городов и их количественные градации во многом совпадали. Однако с принятием нового Градостроительного кодекса Российской Федерации (№ 73-ФЗ от 7 мая 1998 г.; № 190-ФЗ от 29 декабря 2004 г.) ранее сложившаяся в градостроительстве классификация городов по людности претерпела довольно существенные изменения. Причём, корректировке подверглись градации больших городов верхнего эшелона людности, а количественные параметры средних и малых городов остались без изменений.

Классификация городов отражает объективные закономерности и тенденции развития городов и поселенческой сети, городских агломераций и систем расселения населения. Она всегда подчинена определённым целям, от которых зависит выбор ведущих признаков и их количественных градаций. В геоурбанистике одним из ключевых вопросов изучения городов является их классификация на основе людности. Величина города

определяет его место в системе расселения, параметры основных подсистем и круг проблем, которые можно дифференцировать в зависимости от людности.

В соответствии с новыми критериями людности, представленными в Градостроительном кодексе Российской Федерации (№ 73-ФЗ от 7 мая 1998 г., статья 5, пункт 1), города с численностью постоянного населения свыше 100 тыс. чел. подразделяются на сверхкрупные (свыше 3 млн. чел.), крупнейшие (от 1 млн. до 3 млн. чел.), крупные (250–1000 тыс. чел.) и большие (100–250 тыс. чел.). За исключением последней градации, все остальные идут в разрез с ранее принятыми параметрами людности и их терминологическими обозначениями в градостроительстве и географии городов. Официальное утверждение изменений в классификационной схеме городов в градостроительстве является поводом для корректировки критериев и параметров людности городов, принятых в отечественной геоурбанистике.

В первые послевоенные десятилетия в научной литературе по географии городов получила распространение трёхчленная группировка городов на малые, средние и большие города с различной степенью дифференциации каждой из этих категорий на группы людности. Однако ускорение процесса урбанизации в 60–70-е гг. XX в., которое привело к существенному усложнению сетей городских населённых пунктов и систем расселения, вызвало необходимость большей детализации классификационных схем городов по численности постоянного населения. В связи с этим в последние годы стала широко использоваться четырёхчленная группировка городов по людности с выделением малых (до 50 тыс. чел.), средних (50–100 тыс. чел.), больших (100–500 тыс. чел.) и крупнейших (свыше 500 тыс. чел.) городов с вполне устоявшимися группами внутри выделённых категорий городов. Эта классификация городов, сложившаяся в советское время, вполне пригодна для изучения закономерностей и особенностей развития сети городских населённых пунктов Российской Федерации.

Формирование сети средних городов России в 1897–2019 гг.

По данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в границах современной Российской Федерации только 19 городов, или 4,4% от их общего числа, имели людность в пределах от 50 до 100 тыс. чел., что позволяло отнести их к группе статистически средних городов. Во всех городах этой группы людности проживало 1200,5 тыс. чел., что составило 12,1% всего городского населения и 15,4% численности проживающих в городах России. Подавляющее большинство (17 из 19, или 89,5%) тогдашних средних городов располагалось в пределах наиболее освоенной и обжитой территории европейской части страны. В их числе – города Нижний Новгород (95,1 тыс. чел.), Самара (91,7 тыс. чел.), Воронеж (84,1 тыс. чел.), Оренбург (72,6 тыс. чел.), Ярославль (70,6 тыс. чел.), Орёл (69,9 тыс. чел.), Екатеринбург (65,7 тыс. чел.), Пенза (61,9 тыс. чел.), Кронштадт (59,6 тыс. чел.), Царицын (56,0 тыс. чел.), Екатеринбург (55,5 тыс. чел.), Иваново-Вознесенск (53,9 тыс. чел.), Тверь (53,5 тыс. чел.), Курск (52,9 тыс. чел.), Новочеркасск (52,0 тыс. чел.), Таганрог (52,0 тыс. чел.) и Уфа (50,0 тыс. чел.). В азиатской части России было только два статистически средних города – Томск (52,4 тыс. чел.) и Иркутск (51,1 тыс. чел.). Развитие и функционирование большинства средних городов в дореволюционный период было связано главным образом с выполнением административных, а также промышленных и транспортных функций. В советский период подавляющее большинство дореволюционных средних городов, за исключением Кронштадта и Таганрога, непрерывно наращивали свой демографический потенциал и со временем стали региональными центрами.

На протяжении всего XX века сеть средних городов непрерывно расширялась. В период с 1926 по 1999 г. число средних городов увеличилось в 4,7 раза (с 37 до 174), а их доля в городской сети Российской Федерации в 2 раза (с 8,0 до 16%) (табл. 1).

Таблица 1

**Средние города в сети городов Российской Федерации в 1926–2019 гг.
(по данным всеобщих переписей и текущего учёта населения)**

Годы	Число городов		Доля средних городов, %	Людность городов, тыс. чел.		Доля средних городов в численности городов, %	Средний размер, тыс. чел.	
	Всего	Средние города		Всего	Средние города		Город РФ	Средний город РФ
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1926	461	37	8	13928	2567	18,4	30,2	69,4
1939	574	58	10,1	31012	4092	13,2	54	70,1
1959	877	97	11,1	52164	6721	12,9	59,5	69,3
1970	969	114	11,8	69998	7908	11,3	72,2	69,4
1979	999	138	13,8	82948	9296	11,2	83	67,4

Годы	Число городов		Доля средних городов, %	Людность городов, тыс. чел.		Доля средних городов в численности городов, %	Средний размер, тыс. чел.	
	Всего	Средние города		Всего	Средние города		Город РФ	Средний город РФ
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1989	1037	163	15,7	94450	11169	11,8	91,1	68,5
1991	1052	166	15,8	96010	11300	11,8	91,3	68,1
1999	1086	174	16	95159	11972	12,6	87,6	68,8
2002	1098	163	14,8	95916	11083	11,6	87,4	68
2005	1099	158	14,4	96039	10831	11,3	87,4	68,6
2007	1095	154	14,1	95565	10672	11,2	87,3	69,3
2010	1100	155	14,1	97527	10854	11,1	88,7	70
2018	1113	153	13,7	102387	10595	10,3	92	69,2
2019	1115	151	13,5	102311	10451	10,2	91,8	69,2

Составлено по данным ЦСУ СССР и Росстата.

С 1999 по 2019 г. число средних городов непрерывно сокращалось и уменьшилось до 151, а их удельный вес в сети российских городов – до 13,5%. Изменение числа средних городов практически не повлияло на их среднюю людность, которая на протяжении всего советского и постсоветского периодов варьировалась в пределах 67–70 тыс. чел. и в последнее десятилетие стабилизировалась на уровне 69 тыс. чел.

Генетическая типология средних городов

Абсолютное большинство (99, или 65,6%) существующих статистически средних городов получили городской статус в советский период с 1918 по 1991 г. включительно, из них 28 (28,3%) – в довоенное десятилетие с 1931 по 1940 г. и 32 (32,3%) – в послевоенный период с 1946 по 1960 г. Меньше всего из числа нынешних средних городов было образовано в последние 20 лет накануне распада СССР – всего четыре города с 1971 по 1980 г. и пять городов – с 1981 по 1991 г. При этом даже в годы войны появилось девять городов, которые ныне относятся к статистически средним городам.

Только 48 статистически средних города были основаны и получили городской статус в дореволюционный период до 1917 г. Половина (24) из них получила городской статус в XVIII в. во многом благодаря административной реформе 1775–1785 гг., четверть (12) была основана до 1700 г. и всего по шесть стали городами в XIX в. и с 1901 по 1917 г. включительно. Самый старый из дореволюционных городов этой группы людности – город Дмитров Московской области, основанный в 1154 г. При этом накануне распада Российской империи в 1917 г. городской статус получили сразу три нынешних средних города – Ессентуки, Котлас и Черемхово.

После распада СССР в Российской Федерации были образованы всего четыре города, вошедших в постсоветский период в группу статистически средних городов – Михайловск (Ставропольский край), Сертолово (Ленинградская область), Снежинск (Челябинская область) и Сунжа (Республика Ингушетия). Последний из этих городов стал самым молодым из числа существующих по состоянию на начало 2019 г. средних городов. Город Сунжа получил городской статус в 2016 г., а годом ранее стал посёлком городского типа. Между тем как населённый пункт он был основан в 1845 г. как станица Сунженская и под этим названием просуществовал до 1852 г. В последующие годы название этого населённого пункта менялось трижды. С 1852 по 1939 г. он назывался станица Слепцовская, с 1939 по 2015 г. – станица Орджоникидзе́вская, в 2015–2016 г. – пгт. Сунжа и с 2016 г. по настоящее время – город Сунжа. В течение 170 лет своего существования поселение было сельским населённым пунктом, который в конце XX в. преодолел отметку людности в 50 тыс. чел. В год получения статуса города численность постоянного населения Сунжы составило 64,5 тыс. чел., а на 1 января 2019 г. – 66,3 тыс. чел. (табл. 2).

Таблица 2

Распределение статистически средних городов Российской Федерации по году получения городского статуса

Группировка городов по году получения статуса	Название города (год получения им городского статуса)
До 1700 г.	Дмитров (1154), Великие Луки (1166), Ржев (1216), Вязьма (1239), Клин (1317), Кунгур (1663), Алексин (1348), Соликамск (1430), Выборг (1493), Шуя (1539), Тобольск (1590), Сарапул (1596)

Группировка городов по году получения статуса	Название города (год получения им городского статуса)
1701–1800 гг.	Азов (1708), Шадринск (1737), Тихвин (1773), Кинешма (1777), Александров (1778), Егорьевск (1778), Борисоглебск (1779), Мичуринск (1779), Балашов (1780), Вольск (1780), Глазов (1780), Елабуга (1780), Кузнецк (1780), Белебей (1781), Бугульма (1781), Бузулук (1781), Чистополь (1781), Ишим (1782), Канск (1782), Троицк (1784), Георгиевск (1786), Феодосия (1787), Гатчина (1796), Будённовск (1799)
1801–1900 гг.	Минусинск (1822), Ялта (1838), Павловский Посад (1844), Анапа (1846), Ейск (1848), Буйнакск (1866)
1901–1917 г.	Свободный (1912), Геленджик (1915), Туапсе (1916), Ессентуки (1917), Котлас (1917), Черемхово (1917)
1918–1930 гг.	Павлово (1919), Минеральные Воды (1920), Кропоткин (1921), Белорецк (1923), Россось (1923), Клинцы (1925), Пушкино (1925), Усолье-Сибирское (1925), Белогорск (1926), Лысьва (1926), Наро-Фоминск (1926), Сальск (1926), Серов (1926), Тихорецк (1926), Каменск-Шахтинский (1927), Чапаевск (1927), Горно-Алтайск (1928)
1931–1940 гг.	Анжеро-Судженск (1931), Гусь-Хрустальный (1931), Зеленодольск (1932), Асбест (1933), Выкса (1934), Воткинск (1935), Ревда (1935), Киселёвск (1936), Черногорск (1936), Биробиджан (1937), Лиски (1937), Прохладный (1937), Белово (1938), Берёзовский (1938), Бор (1938), Воскресенск (1938), Ивантеевка (1938), Искитим (1938), Краснокамск (1938), Салехард (1938), Солнечногорск (1938), Ступино (1938), Узловая (1938), Щёкино (1938), Донской (1939), Магадан (1939), Волжск (1940), Ишимбай (1940)
1941–1945 гг.	Гудермес (1941), Новоалтайск (1942), Полевской (1942), Воркута (1943), Ухта (1943), Бердск (1944), Красноурьинск (1944), Ленинск-Кузнецкий (1945), Новотроицк (1945)
1946–1960 гг.	Верхняя Пышма (1946), Лабинск (1947), Михайловка (1948), Избербаш (1949), Юрга (1949), Ханты-Мансийск (1950), Североморск (1951), Фрязино (1951), Арсеньев (1952), Жигулёвск (1952), Кумертау (1953), Железнодорожный Красноярского края (1954), Новоуральск (1954), Озёрск Челябинской области (1954), Саров (1954), Чехов (1954), Губкин (1955), Гуково (1955), Кирово-Чепецк (1955), Лениногорск (1955), Междуреченск (1955), Дубна (1956), Зеленогорск Красноярского края (1956), Кстово (1957), Лыткарино (1957), Белореченск (1958), Заречный Пензенской области (1958), Крымск (1958), Мелеуз (1958), Сибай (1958), Славянск-на-Кубани (1958), Туймазы (1960)
1961–1970 г.	Лобня (1961), Железнодорожный Курской области (1962), Чайковский (1962), Всеволожск (1963), Видное (1965), Кириши (1965), Апатиты (1966), Тимашевск (1966), Краснокаменск (1969)
1971–1980	Сосновый Бор (1973), Усть-Илимск (1973), Лесосибирск (1975), Нерюнгри (1975)
1981–1991 г.	Дзержинский (1981), Когалым (1985), Нягань (1985), Урус-Мартан (1990), Шали (1990)
После 1992 г.	Снежинск (1993), Михайловск (1998), Сертолово (1998), Сунжа (2016)

Составлено по: Города России: энциклопедия / Гл. ред. Г.М. Лаппо. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 559 с.; Обедков А.П. Географическое градоведение и городская политика в России. Сыктывкар: ООО «Центр оперативной полиграфии», 2020.

Особенности демографического развития и типы динамики населения средних городов России

Состав существующих средних городов крайне неоднороден. С точки зрения потенциала и перспектив их дальнейшего развития среди них можно выделить две группы, отличающиеся трендами социально-экономического и демографического развития. Наиболее значительным потенциалом развития обладают средние города, которые преодолели важную отметку в 75–80 тыс. чел. и являются наиболее вероятными кандидатами для перехода в вышестоящую категорию больших городов. По мере расширения специализированных функций, ведущих к изменению характера городской жизни, усложнению городского хозяйства и устройства, средние города с численностью населения более 80 тыс. чел. постепенно приобретают черты больших городов. В эту же группу входят также бывшие большие города. Диаметальной противополож-

ностью бывших больших городов и средних городов с растущим населением являются средние города с нисходящей траекторией экономического и демографического развития, которым по ряду объективных причин грозит понижение в классе и переход в нижестоящую категорию малых городов. Среди статистически средних городов особое место занимают бывшие большие города, потерявшие своё население вследствие устойчивой депопуляции, но всё ещё сохраняющих основные черты больших городов. В настоящее время среди городов данной категории людности насчитывается 23 бывших больших города (табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности населения бывших статистически больших городов России, перешедших в категорию средних городов, тыс. чел.

№ п/п	Название города (субъект Российской Федерации)	Максимальные показатели людности		Численность населения на 1 января 2019 г.	
		Тыс. человек	Годы	Тыс. человек	В % от максимального показателя людности
1	2	3	4	5	6
1	Ленинск-Кузнецкий (Кемеровская область)	169	1987	95,3	56,4
2	Магадан (Магаданская область)	155	1991	91,8	59,2
2	Киселёвск (Кемеровская область)	142	1962	88,2	62,1
3	Черемхово (Иркутская область)	124	1956	50,6	40,8
4	Мичуринск (Тамбовская область)	123	1997	91,6	74,5
5	Белово (Кемеровская область)	118	1962; 1987	70,7	59,9
6	Великие Луки (Псковская область)	117,1	1999	90,5	77,3
7	Воркута (Республика Коми)	117	1991	54,2	46,3
8	Анжеро-Судженск (Кемеровская область)	116	1956; 1967	69,3	59,7
9	Усть-Илимск (Иркутская область)	114	1992	81,1	71,1
10	Ухта (Республика Коми)	112,1	1992	96	85,6
11	Сарапул (Удмуртия)	111	1987; 1990–1993	96,4	86,8
12	Новотроицк (Оренбургская область)	111	1996	84,9	76,4
13	Соликамск (Пермский край)	110,1	1989	93,1	84,6
14	Канск (Красноярский край)	110	1990–1995	89,1	81
15	Междуреченск (Кемеровская область)	108	1991–1993	96,2	89,1
16	Глазов (Удмуртия)	107	1992–1996	92,4	86,4
17	Кинешма (Ивановская область)	105	1986; 1987; 1991	82	78,1
18	Воткинск (Удмуртия)	105	1991–1993	97,3	92,7
19	Серов (Свердловская область)	104,2	1989	96,6	92,7
20	Зеленодольск (Татар- стан)	102	1995; 1996; 1998	99,7	97,7
21	Тобольск (Тюменская область)	101,1	2005	98,9	97,8

1	2	3	4	5	6
22	Кузнецк (Пензенская область)	101	1993; 1994	81	80,2
23	Кирово-Чепецк (Кировская область)	100	1994	70,7	70,7

Составлено и рассчитано по: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года. М.: Росстат, 2019. С. 124–565.

Большинство из них непрерывно теряли население после достижения максимального показателя людности. Первыми большими городами, которые вступили на нисходящую траекторию демографической динамики ещё во второй половине 1950-х гг. стали углепромышленные города Анджеро-Судженск и Черемхово Кемеровской области. В 1960-е гг. к ним присоединились ещё два города Кемеровской области – Белово и Киселёвск, а в последнее десятилетие советского периода к ним добавились Кинешма, Ленинск-Кузнецкий, Сарапул и Серов. Процесс депопуляции населения больших городов резко ускорился в 1990-е гг., когда средними городами вновь стали Великие Луки, Воркута, Воткинск, Глазов, Зеленодольск, Кирово-Чепецк, Кузнецк, Магадан, Мичуринск, Новотроицк, Усть-Илимск и Ухта. После 2000 г. в группу средних городов перешёл только один большой город – Тобольск. При этом неустойчивой динамикой было отмечено демографическое развитие пяти бывших больших городов – Анджеро-Судженска, Белово, Зеленодольска, Кинешмы и Сарапула, которые показали несколько локальных максимумов людности, но всё равно перешли в группу статистически средних городов.

Из числа бывших больших городов, перешедших в число статистически средних городов, наибольшие демографические потери понесли Черемхово и Воркута, людность которых уменьшилась соответственно в 2,5 (-59,2%) и 2,2 (-53,7%) раза по сравнению историческими максимумами людности. При этом по сравнению с максимумом людности в среднем на 40–50% сократилась численность постоянного населения городов Ленинска-Кузнецкого (-43,6%), Магадана (-40,8%), Анжеро-Судженска (-40,3%), Белово (-40,1%), на 30–40% – Киселёвска (-37,9%), на 20–30% – Кирово-Чепецка (-29,3%), Усть-Илимска (-28,9%), Мичуринска (-25,5%), Новотроицка (-23,6%), Великих Лук (-22,7%), Кинешмы (-21,9%), на 10–20% – Кузнецка (-19,8%), Канска (-19,0%), Соликамска (-15,4%), Ухты (-14,4%), Глазова (-13,6%), Сарапула (-13,6%), Междуреченска (-10,9%), на 5–10% – Воткинска (-7,3%), менее чем на 5% – Зеленодольска (-2,3%), Тобольск (-2,2%).

В составе средних городов выделяется довольно обширная группа из 38 городов с растущим населением. Среди них выделяются административные центры субъектов Российской Федерации (Биробиджан, Горно-Алтайск, Салехард, Ханты-Мансийск), бывшие губернские центры (Азов, Выборг), бывший областной центр Балашов, промышленные города (Берёзовский, Верхняя Пышма, Елабуга, Заречный, Кстово, Новоалтайск, Туймазы), города со статусом ЗАТО (Железногорск, Новоуральск, Озёрск, Снежинск), наукограды (Дубна, Саров), города Московской городской агломерации (Видное, Воскресенск, Дзержинский, Дмитров, Ивантеевка, Лобня, Лыткарино, Фрязино), города Санкт-Петербургской городской агломерации (Всеволожск, Гатчина, Сертолово, Сосновый Бор), города-курорты Черноморского побережья Кавказа (Анапа, Геленджик) и другие северо-кавказские города (Буйнакск, Гудермес, Избербаш, Крымск, Михайловск, Славянск-на-Кубани, Сунжа, Урус-Мартан, Шали), города Западно-Сибирского Севера (Когалым, Нягань).

Особо место среди растущих в демографической отношении средних городов занимают города, которые преодолели отметку в 80 тыс. чел. и в ближайшие годы имеют реальные шансы для преодоления рубежа в 100 тыс. чел. К ним относятся города Ханты-Мансийск, Саров, Гатчина, Михайловск, Воскресенск, Лобня и Анапа. В ближайшие годы в перспективную группу средних городов с населением свыше 80 тыс. чел. войдут динамично развивающиеся города Московской (Видное, Дмитров, Дубна, Ивантеевка), Ленинградской (Всеволожск, Сосновый Бор) и Свердловской (Верхняя Пышма) областей, республик Дагестан (Буйнакск), Ингушетия (Сунжа), Татарстан (Елабуга), Алтайского (Новоалтайск) и Краснодарского (Геленджик, Славянск-на-Кубани) краёв (табл. 4).

Таблица 4

Динамика людности средних городов России с растущим населением в 1939–2019 гг., тыс. чел.

№ п/п	Название города (субъект Российской Федерации)	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2003 г.	2011 г.	2019 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Ханты-Мансийск (Ханты-Мансийский АО – Югра)	7,5	20,7	24,8	28,3	34,5	54	80,2	99,4
2	Саров (Нижегородская область)	2,8	87,7	88,3	95,5

№ п/п	Название города (субъект Российской Федерации)	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2003 г.	2011 г.	2019 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
3	Гатчина (Ленинградская область)	38,2	36,7	63,3	75,2	79,7	77	92,9	93,7
4	Михайловск (Ставропольский край)	8,6	12,3	21,5	32,3	43	58,2	71	93,7
5	Воскресенск (Московская область)	17,2	44,8	66,9	76,4	80,4	77,9	91,5	93,2
6	Лобня (Московская область)	...	12,2	30,5	51,8	60,5	61,6	74,3	89,3
7	Анапа (Краснодарский край)	17,3	19,6	29,9	40,1	55	53,5	59	81,4
8	Ивантеевка (Московская область)	22,2	30,9	35,8	46,9	53,1	51,5	58,6	79,3
9	Геленджик (Краснодарский край)	10,7	14,1	29,1	36,5	47,7	50	55	77,2
10	Дубна (Московская область)	...	14	43,7	54,9	65,8	61	70,7	75
11	Всеволожск (Ленинградская область)	11,8	27,8	27	28,6	31,9	45,3	59,7	74,3
12	Елабуга (Республика Татарстан)	15	22	31,7	35,6	53,5	68,7	70,7	73,9
13	Новоалтайск (Алтайский край)	9,3	34	49,5	50	53,6	60	70,4	73,8
14	Видное (Московская область)	-	14,2	35,4	44,2	55,8	52,2	56,8	71,5
15	Верхняя Пышма (Свердловская область)	13	30,3	37,8	42,7	53,1	58	59,7	71,2
16	Дмитров (Московская область)	25	34,5	44,5	57,4	65,2	62,2	61,3	68,7
17	Туймазы (Республика Башкортостан)	9,2	23,4	37	43,7	57,9	66,7	66,8	68,6
18	Сосновый Бор (Ленинградская область)	...	1,7	14	42,2	55,8	66,1	65,8	68,3
19	Кстово (Нижегородская область)	2	27	48,3	58,8	64,2	66,9	66,7	67,4
20	Славянск-на-Кубани (Краснодарский край)	26,5	39	51,9	54,1	57,8	64,1	63,8	66,8
21	Когалым (Ханты-Мансийский АО – Югра)	-	-	-	...	44,3	55,4	58,2	66,7
22	Сунжа (Республика Ингушетия)	8,2	9,6	15,9	15,6	17,3	65,1	61,6	66
23	Буйнакск (Республика Дагестан)	22,1	33	37,9	46,6	56,8	61,4	62,6	65,5
24	Заречный (Пензенская область)	-	6,5	63	63,6	65,2
25	Горно-Алтайск (Республика Алтай)	24	27,5	34,4	40,3	46,4	53,5	56,9	63,8
26	Урус-Мартан (Чеченская Республика)	13,4	11,7	24,3	27,9	32,9	40	49,1	61,2
27	Фрязино (Московская область)	5,9	19,1	32,4	46	53,3	52,4	55,4	60
28	Избербаш (Республика Дагестан)	5,2	11,2	17,3	21,3	28,1	39,4	55,6	59,5
29	Берёзовский (Свердловская область)	25,6	30,6	38,4	42,2	47,9	46,7	51,7	58,8
30	Лыткарино (Московская область)	6,4	25,1	39,1	46,9	51	50,8	55,2	58,6
31	Нягань (Ханты-Мансийский АО – Югра)	-	4,6	54,1	52,6	54,9	58,3
32	Крымск (Краснодарский край)	19,1	32,8	41,4	48,2	50,9	56,6	57,4	57,8
33	Дзержинский (Московская область)	7,6	15,4	23,9	30,8	36,1	41,5	47,2	56,3
34	Сертолово (Ленинградская область)	-	-	-	9	17,7	38,4	47,5	54,5
35	Шали (Чеченская Республика)	10,6	11,9	18,6	21,9	25	40,4	47,7	54,2
36	Гудермес (Чеченская Республика)	10,7	18,6	32,4	34	38,1	33,8	45,6	54
37	Снежинск (Челябинская область)	-	50,5	48,8	51,5
38	Салехард (Ямало-Ненецкий АО)	12,8	16,6	21,9	24,9	32,3	36,8	42,5	50,1

Источник: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 г. М.: Росстат, 2019. С. 124–565.

В урбанистической структуре статистически средних городов России представлены 17 городов с неустойчивой демографической динамикой, которые возобновили рост численности населения после спада или стабилизировали людность после достижения пиковых показателей. Однако лишь немногие из этих городов приблизились к максимальным показателям людности. Среди них – города Зеленодольск и Тобольск, которые могут в ближайшее время вновь войти в группу статистически больших городов. Хорошие предпосылки для преодоления ранее достигнутой максимальной людности имеют города Бор, Бузулук, Губкин, Егорьевск, Краснокамск, Минеральные Воды, Павловский Посад, Россошь, Черногоorsk и Ялта (табл. 5).

Таблица 5

Динамика людности средних городов России, возобновивших рост численности населения после спада или стабилизировавших людность, тыс. чел.

№ п/п	Название города (субъект Российской Федерации)	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2003 г.	2011 г.	2019 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Зеленодольск (Республика Татарстан)	30,2	60,5	77	84,5	94,1	100,1	97,7	99,7
2	Тобольск (Тюменская область)	32,3	39	49,3	62	94,1	92,9	99,7	98,9
3	Губкин (Белгородская область)	0,4	21,3	54,1	65,1	73,8	86,1	87,6	86,4
4	Бузулук (Оренбургская область)	42,4	54,9	67,1	76	84	87,3	82,9	86,1
5	Чайковский (Пермский край)	...	12,8	48	70,3	85,8	86,7	82,9	82,7
6	Ялта (Республика Крым)	80,1	88,5	...	78	79,3
7	Бор (Нижегородская область)	25,1	42,9	55,4	62,6	64,5	61,5	78,1	77,5
8	Черногоorsk (Республика Тыва)	17,4	51,1	60	71,4	79,4	73,1	72,1	75
9	Минеральные Воды (Ставропольский край)	31,3	40,1	55,1	67,4	71	75,6	76,7	74,1
10	Егорьевск (Московская область)	56,3	59,3	67,2	72,2	73,9	68,3	70,1	72,1
11	Чехов (Московская область)	3,5	14	37,6	52,5	59,2	72,9	60,7	71,9
12	Павловский Посад (Московская область)	42,8	55	66,4	70,3	71,3	62	63,7	63,9
13	Донской (Тульская область)	13,4	30,3	33,4	35,4	36,2	32,7	64,6	63
14	Россошь (Воронежская область)	17,2	30,2	36,4	44	57	62,9	62,9	62,7
15	Ревда (Свердловская область)	32,2	54,9	59,1	62,9	65,8	62,7	61,9	62,3
16	Сибай (Республика Башкортостан)	2,4	28,8	37,7	40,3	47,3	59,1	62,8	61,3
17	Краснокамск (Пермский край)	29,7	54,7	55,1	56,2	57,7	53,7	51,9	53,2

Источник: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 г. М.: Росстат, 2019. С. 124–565.

По правилам иерархического построения расселенческих систем число средних городов, значительно уступая общему количеству малых городов, должно превышать число больших городов. По состоянию на 1 января 2019 г. в Российской Федерации насчитывалось 1115 городов, из них 794 малых города, 151 средний город и 170 больших городов с численностью населения свыше 100 тыс. чел. Анализ урбанистической структуры городов субъектов Российской Федерации показал, что статистически средние города являются наиболее дефицитной категорией российских городов, а в ряде регионов они вообще отсутствуют. Поэтому расширение и укрепление сети средних городов, прежде всего за счёт повышения людности малых городов, должно стать одним из ключевых направлений совершенствования региональных систем расселения населения России.

Источники и литература

1. Трубе Л.Л. Типы городов Центрально-промышленного района // География в школе. М., 1955. № 5. С. 10–14.
2. Трубе Л.Л. О путях развития полусредних городов // Материалы II межвузовского совещания по географии населения (1967 г.). М., 1968. Вып. 1. С. 103–105.
3. Листенгурт Ф.М., Смоляр И.М. О разграничении понятий «малые» и «средние» города (по материалам изучения городов Центрального экономического района) // Вестник Московского ун-та. Серия географическая. 1965. № 5. С. 74–76.
4. Давидович В.Г. Величина городских поселений СССР // Вопросы географии. Сб. 56. М., 1962. С. 5–30.
5. Обедков А.П. Классификация городов Российской Федерации по людности в градovedческих науках и государственной статистике // Роль государственной статистики в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 90-летию государственной статистики в Республике Коми. Сыктывкар, 2009. С. 226–233.

6. *Обедков А.П.* Классификация городов по людности и тенденции развития городской сети России // Географическое образование и наука в России: история и современное развитие. Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 90-летию создания Географического института в Петрограде и 90-летию отечественного высшего географического образования (3-4 декабря 2008 г.) / Под ред. Н.В. Каледина, В.В. Дмитриева, Т.А. Алиева. СПб.: ВВМ, 2010. С. 496–505.
7. *Обедков А.П.* Средние города как дефицитный элемент городского расселения Российского Севера // Народное хозяйство Республики Коми. Научно-технический журнал. Воркута, 2010. Т. 19. № 3. С. 302–306.
8. *Обедков А.П.* Средние и полусредние города как ядра формирующихся протоагломераций Российского Севера // Проблемы развития экономики и сферы сервиса в регионе: материалы VII Международной научно-практической конференции (1–2 февраля 2013 г., Сыктывкар) в 2 томах. Сыктывкар: Сыктывкарский филиал ФГБОУ ВПО «СПбГУСЭ», 2013. Т. 1. С. 252–254.
9. *Обедков А.П.* Эволюция городского расселения и процессы урбанизации на Российском Севере. Сыктывкар: ООО «Центр оперативной полиграфии», 2019. 221 с.
10. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.

Л.В. Алексеева*

Формирование населения города Нижневартовска (середина 1960-х – начало 1990-х годов)

Рассматриваются основные этапы и факторы формирования населения города Нижневартовска – одного из центров градостроительства в районах нового промышленного освоения. Приводится статистика численности, а также сведения о национальном и половозрастном составе населения. Автор приходит к выводу, что основными факторами роста населения стал миграционный и естественный прирост.

Ключевые слова: Нижневартовск, урбанизация, население, город, миграция, округ, Смотлор

L.V. Alexeeva

The population making of Nizhnevartovsk (mid-1960s – early 1990s)

Here we consider the main stages and factors of the population making of Nizhnevartovsk. It is one of the centers of urban development in the areas of new industrial development. The article provides population statistics, as well as information about the national and gender-age composition of the population. The author concludes that the main factors of population growth are migration and natural growth.

Key words: Nizhnevartovsk, urbanization, population, city, migration, district, Samotlor

С середины 1960-х гг. началась активная разработка месторождений нефти и газа в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском округах. Эти территории стали районами нового промышленного освоения. Одним из наиболее значимых социальных результатов модернизации на Севере Западной Сибири стала урбанизация. С 1966 по 1990 г. здесь выросло 15 городов и более 20 крупных поселков городского типа [8, с. 75]. Одним из крупных городов Ханты-Мансийского округа стал Нижневартовск – город на Оби. Изучение формирования населения города является важной научной задачей, так как сопряжено с исследованием глобальной проблемы формирования и функционирования углеводородной цивилизации.

Для подготовки статьи автор опиралась на имеющиеся исследования [5, 8, 12, 13, 14], а также архивные документы [3, 6, 7] и материалы периодической печати [4, 9, 15, 16]. Методами исследования стали: хронологический, структурный, аналитико-синтетический, историко-сравнительный, математический. Они позволили выявить и систематизировать имеющийся фактический материал, провести сопоставительный анализ и подсчеты. Основопологающим методологическим подходом в исследовании стал системный, рассматривающий фактор миграции в увеличении численности населения города с опорой на теории урбанизаций. В характере и результатах урбанизации отчетливо проявляются различия социально-экономических, политических условий, в которых протекал процесс роста населения города Нижневартовска, формировались его состав и структура.

Рост численности населения Нижневартовска обусловлен фактором экономического освоения. Население Ханты-Мансийского (ХМАО) и Ямало-Ненецкого (ЯНАО) автономных (до 1977 г. – национальных) округов в 1966–1990 гг. увеличилось в 9,2 и 7,6 раза соответственно [8, с. 75]. Одним из городов, где за короткий промежуток времени сформировалось большое по численности население, стал Нижневартовск.

Индустриальная история Нижневартовска началась с 1965 г. Открытие уникального Смотлорского месторождения и введение его в промышленную эксплуатацию 2 апреля 1969 г. определили судьбу Нижневартовска как центра нефтедобывающей промышленности на Севере Западной Сибири. В формировании населения исследуемого периода можно выделить несколько этапов:

I. Середина 1960-х гг. – до начала 1970-х гг., когда населенный пункт еще не имел статуса города.

II. С марта 1972 г. – до середины 1985 г., когда поселок получил статус города и Нижневартовск строился в рамках планируемой численности населения в 130 тыс. чел.

* Алексеева Любовь Васильевна (Нижневартовск) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартовского государственного университета, lvalexeeva@mail.ru.

III. С 1985 г. – до начала 1990-х гг., когда был разработан новый градостроительный план с учетом численности населения в 200–300 тыс. чел.; к концу этапа начался процесс замедления роста численности населения, сменившийся ее медленным сокращением.

Строительство города развернулось раньше получения им официального статуса. Оно было начато в 1964 г. и обусловлено началом разработки месторождений нефти в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г. Согласно этому документу предстояло начать подготовительные работы по промышленному освоению открытых месторождений [6. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. К этому времени уже были открыты Мегионское, Самотлорское, Ватинское и Северо-Покурское месторождения на территории Нижневартовского района [15]. Предполагалось, что в городе будет жить 45 тыс. жителей. Это была очень большая цифра для этого района (речь идет о Ларьякском районе, в котором проживало всего 5 тыс. чел.!) и села Нижневартовского (в 1962 г. в селе Нижневартовском – 1200 чел.) [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125. Л. 347].

В мае 1965 г., когда первая скважина Самотлорского месторождения дала нефть, началась плановая застройка Нижневартовска [7. Ф. 6. Оп. 1. Д. 932. Л. 43]. Город состоял из двух частей: Старый Вартовск и новая часть (Новый Вартовск), где развернулось строительство первых двухэтажных домов на новой улице, получившей имя Мусы Джалиля. Эти две части разделяли непроходимые болота, сообщение между ними осуществлялось по трубе-водоводу большого диаметра, шедшей с реки Вах в новый город [12, с. 76]. Началось строительство бетонной дороги (бетонки). В 1967 г. Тюменским облисполкомом был утвержден проект территориального развития поселка Нижневартовского, предложенный Московским институтом Гипрогор. Этот проект предусматривал перспективную численность населения в количестве 130 тыс. чел. [3. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 205. Л. 19–21]. Началась быстрая застройка нового города. Согласно «Конъюнктурному обзору за 1 квартал 1969 г.» в Нижневартовске уже шла застройка 5-а микрорайона [6. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 428. Л. 79].

Таблица 1

Население поселка Нижневартовского в 1965–1969 гг.

Год	Численность населения	Прибыло	Выбыло	Родилось	Умерло
На 1.01.1965	3 327	3 232	799	105	58
На 1.01.1966	5 700	2 470	809	113	48
На 1.01.1969	11 967	4 721	2 381	293	96

Источники: Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. 4. Оп. 1. Д. 176. Л. 19–21.

Начало работ на Самотлорском месторождении повлекло приток рабочей силы в Нижневартовск. В 1964 г. стали летать ЛИ-2, которые доставляли в Нижневартовск оборудование, одежду, продукты для нефтяников [16]. Рассмотрим динамику численности населения поселка Нижневартовского во второй половине 1960-х гг. (табл. 1). Сведения, приведенные в таблице, показывают, что за пять лет (с середины и до конца 1960-х гг.) население поселка увеличилось почти в четыре раза. При этом виден и значительный отток населения. Среди прибывших преобладали люди молодых возрастов. Так, в 1968–1969 гг. доля возрастных групп 25–39 лет составила среди прибывших 77%. В конце 1969 г. в Нижневартовске было учтено 15,7 тыс. чел. [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125. Л. 347]. В документах регионального уровня отмечались острая нехватка рабочей силы, ее текучесть, компенсировавшаяся частично и за счет спецконтингента. Возле Нижневартовска имелся ИТЛ. Администрация лагеря наиболее злостных нарушителей отправляла на работу в Нижневартовск [6. Ф. 1928. Оп. 1. Д. 884. Л. 10].

1969 год – рубежный в развитии города. Началась круглогодичная добыча нефти на Самотлоре [9]. В 1969 г. на Самотлоре добыли 1,2 млн т нефти [17, с. 16]. Строительство объектов нефтепромысла сопровождалось строительством города, которое оценивалось местными органами власти как медленное [4]. Прирост населения шел за счет миграционных потоков. Результаты переписи населения 1970 г. показали, насколько значимыми были миграционные процессы при формировании населения Ханты-Мансийского округа и его основных городов. В округе уже насчитывалось 270,8 тыс. населения, из них 80,5% проживало в ХМАО не более 9 лет. Более 85% городского населения являлись мигрантами. В округе наблюдался самый высокий миграционный оборот – более 250 тыс. чел. ежегодно [14, с. 66]. На 1 января 1971 г. численность населения Нижневартовска составляла 19,6 тыс. чел. [8, с. 150]. Таким образом, за 1969–1971 гг. население поселка возросло почти в 3 раза и к концу 1971 г. составило почти 27 тыс. чел. [12, с. 77]. Город строили тресты: Мегионгазстрой, Нижневартовскжилстрой, Нижневартовскнефтьстрой. К концу 1971 г. был построен новый аэропорт и это дало возможность принимать транспортные самолеты. Однако планы по жилищному строительству были выполнены лишь на треть [16]. Ситуация с обеспечением жильем была достаточно напряженной.

9 марта 1972 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о преобразовании рабочего поселка Нижневартовский в город окружного подчинения. Обсуждалось и название нового города. Предлагалось назвать город «Самотлор», но решили оставить прежнее название – Нижневартовск [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125. Л. 346]. Его население в 1972 г. уже составляло 40 тыс. чел. [19, с. 44]. В Нижневартовске в 1972 г. ежедневно рождалось по 3–4 ребенка. По индексу рождаемости Нижневартовск вошел в первую пятерку городов страны. В 1973 г. здесь родилось 1 197 малышей, а в 1976 г. – 2 200 [2, с. 150]. В итоге рождаемость 1970-х гг. увеличилась на 46% по сравнению с западно-сибирскими показателями, заняв первое место по ежегодному показателю прироста населения в Тюменской области.

Нижневартовск был объявлен комсомольской стройкой всесоюзного уровня (1974 г.). Для города это выразилось не только в резком увеличении численности населения, спешном возведении жилья, объектов инфраструктуры, но и в том, что произошли качественные изменения в составе населения, его социальной структуре и образовательном уровне [5, с. 282]. На 1 января 1975 г. население Нижневартовска составило 54,7 тыс. чел., а на 1 января 1976 г. – 66 тыс. чел. [7. Ф. 184. Оп. 1. Д. 412. Л. 1].

Поскольку ХМАО стал территорией интенсивного промышленного развития, постольку его население росло очень быстро за счет мигрантов. Население ХМАО в 1975 г. – 435 тыс. чел. [7. Ф. 6. Оп. 1. Д. 367. Л. 1]. Во второй половине 1970-х гг. самый большой миграционный прирост среди городов округа был именно в Нижневартовске. Он составлял более 10 тыс. чел. в год (в Сургуте, к примеру – более 6 тыс. чел.). В 1976–1977 гг. миграционный прирост по ХМАО составил 41 465 чел. Во всех городах фиксировался положительный прирост населения: в Нижневартовске – 21 265 чел. (это почти в два раза больше, чем в Сургуте). В 1976–1980 гг. механический прирост в Нижневартовске составил 57 102 чел., в Сургуте – 46 528, в Нефтеюганске – 25 689, в Мегионе – 8 632, в Урае – 3 872, Ханты-Мансийске – 942 чел. [13, с. 68].

Сохранялись высокие темпы прироста населения и в 1980-х гг. В 1980 г. население ХМАО составляло 616,7 тыс., а Нижневартовска – 122, 2 тыс. чел. На 1 января 1981 г. в Нижневартовске было учтено 135 тыс. чел. [7. Ф. 6. Оп. 1. Д. 452а. Л. 1]. Ниже приведены данные, показывающие, что механический прирост населения города за 1981 г. превышал естественный прирост более чем в три раза (табл. 2). На 1 января 1984 г. численность населения в Нижневартовске составила 179, 9 тыс. чел., т.е. увеличение произошло в 9,2 раза по сравнению с 1971 г. Ниже представлена таблица, иллюстрирующая динамику роста численности населения в городе по пятилетиям (табл. 3).

Таблица 2

Население Нижневартовска в 1981 г.

Родилось	Умерло	Естественный прирост	Прибыло	Выбыло	Механический прирост
3 158	683	2 475	24 062	13 687	10 375

Источники: КУ «ГАЮ». Ф. 6. Оп. 1. Д. 452а. Л. 3.

Таблица 3

Население Нижневартовска в 1976–1985 гг. (по состоянию на 1 января)

Год	Численность населения	Прибыло	Выбыло	Родилось	Умерло
1976	66 158	20 631	3 397	2 002	426
1980	122 200	24 100	14 600	3 200	700
1985	189 500	20 389	16 642	5 361	743

Источники: КУ «ГАЮ». Ф. 6. Оп. 1. Д. 560. Л. 9; Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 291. Л. 6; Д. 464. Л. 1; Д. 352. Л. 7.

В первой половине 1980-х гг. существенно вырос среднегодовой миграционный прирост по городам в ХМАО: в Сургуте – 14 тыс., Нижневартовске – более 11 тыс., в Нягане и Нефтеюганске – более 4 тыс. чел. В 1981–1984 гг. механический прирост составил в Сургуте 55 648, а в Нижневартовске – 44 475 чел. [13, с. 68]. Следовательно, приток населения в Сургут стал выше, чем в Нижневартовск. Численность населения Ханты-Мансийского округа приблизилась к миллиону и составила в 1985 г. 978, 9 тыс. чел. [7. Ф. 6. Оп. 1. Д. 560. Л. 9].

В 1985 г. была утверждена схема расселения в зоне Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, разработанная институтами ЛенНИИПрогростроительства и Гипрогор. Согласно этой схеме, Нижневартовск должен был стать центром с населением 200–300 тыс. чел. [12, с. 78]. Однако Нижневартовску не удалось достигнуть показателя в 300 тыс. чел. Причиной тому стали изменение социально-экономической ситуации в стране, кризис нефтяной отрасли. С 1983 г. фиксируется постепенное снижение рождаемости в Нижневартовске, достигнув в 1990 г. 19,4 родившихся на 1 тыс. населения, с последующим падением в 1991 г. до 13,8. Индекс смертности держался в Нижневартовске на уровне 3,5–3,6 смертей на 1 тыс. жителей [1, с. 87].

Ухудшение экономических условий в стране скорректировали поведение населения, но не изменили его кардинально. Рождаемость в городе Нижневартовске упала не в 1988–1989 гг., как в России в целом, а на несколько лет позже. Яркое своеобразие города проявлялось в том, что численность населения росла в исследуемый период за счет обоих демографических компонентов – положительными были естественный прирост и сальдо миграции. Повышенная рождаемость была полностью обусловлена высокой долей молодого населения. Так, в группе от 25 до 39 лет (77% населения города) мужчины составляли 68,7%, а женщины – 30–45%. На 100 мужчин приходилось 83 женщины, а средний возраст приехавших составлял меньше 26 лет. Рассмотрим численность населения Нижневартовска в 1985–1991 гг. (табл. 4).

Таблица 4

**Численность населения Нижневартовска в 1985–1992 гг.
(по состоянию на 1 января)**

1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992
189 500	199 900	212 100	220 500	240 600	246 600	248 600	244 700

Источники: КУ «ГАОУ». Ф. 184. Оп. 1. Д. 480. Л. 9; Ф. 6. Оп. 1. Д. 732. Л. 5; Д. 932. Л. 126; Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. 4. Оп. 1. Д. 646. Л. 1; Алексеева Л.В., Цысь В.В., Чореф М.М., Сапожникова Н.В., Терентьева Н.В. Нижневартовск: прошлое и настоящее: Коллективная монография / Под общ. ред. проф. Л.В. Алексеевой. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2017. 244 с. С. 92–93.

Итак, 1970–1980-е гг. – время роста города. Его руководителями в те годы являлись: председатели исполкома Нижневартовского городского совета – Н.Г. Салихов (1972–1973 гг.); с 1974 до 1980 г. – Н.А. Москаленко; в 1980-х гг. и до 1991 г. на этом посту, сменяя друг друга, работали: С.И. Денисов, И.А. Яценко, Г.Е. Черников, С.В. Селезнев. В должности первого секретаря Нижневартовского горкома КПСС трудились: В.В. Бахилев (1972–1973), С.Д. Великопольский (1973–1978), Э.Д. Бушмакин (1978–1980), В.М. Смальков (1980–1983), С.И. Денисов (1983–1987), В.В. Сидорчев (1987–1990), Ю.И. Тимошков (1990–1991 гг.) [1, с. 92–93].

К концу 1980-х гг. приток населения в Ханты-Мансийский округ замедлился. Если в 1988 г. прирост в округе был 26 487 чел., а в 1989 г. – 19 429, то в 1990 г. он значительно снизился и составил лишь 2 278 чел. [1, с. 92–93]. **Людность Нижневартовска, хотя и медленно, стала сокращаться с 1991 г.** [11, с. 178]. На 1 января 1992 г. численность населения города составила 244 700 чел. [3. Ф. 4. Оп. 1. Д. 695. Л. 121]. Начала расти людность в Нижневартовске лишь с 2003 г. При этом наблюдался самый большой в округе в 1990-х гг. отток населения из города [7. Ф. 6. Оп. 1. Д. 932. Л. 126].

В Нижневартовске, как и во всем округе, миграция носила «промывной» режим: много людей приезжало и много уезжало [11, с. 173]. **Ее отличительной чертой являлось положительное сальдо. Географическая структура миграционных потоков весьма разнообразна.** Потоки шли из Центрально-Черноземного, Волго-Вятского, Уральского, Центрального, Поволжского районов, Башкирии, Сибири, Дальневосточного региона, а также из Украины, Молдавии, Белоруссии, Азербайджана, Чечни. Они объяснялись двумя основными факторами: 1. востребованностью специалистов для нефтяной отрасли и других сфер строящегося города; 2. лучшим экономическим положением за счет северного коэффициента (доплата к зарплате) и иных социальных льгот для северян, возможностью в короткие сроки получить благоустроенное жилье.

Миграционные потоки определили национальный состав населения города и округа в целом. В конце 1980-х гг. структура населения по основным национальностям в базовых нефтяных городах Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске и Мегионе была схожей: доля русских составляла 64,8–69,0%, украинцев – 9,8–13,7, татар – 5,5–11,3, башкир – 1,6–3,7, белорусов – 1,3–2,1, чувашей – 1,0–1,4, азербайджанцев – до 1,2, молдаван – до 1,1% [14, с. 137]. В Нижневартовске наблюдалась самая низкая доля русских – 71,6% (78 400 чел.), но именно здесь ярче всего проявилось этническое многообразие. В городе жили татары, башкиры, украинцы, народы Дагестана, белорусы, азербайджанцы, белорусы, чеченцы, чуваш и др. Всего – представители 104 наций и народностей [10, с. 12].

Таким образом, строительство города Нижневартовска и формирование его населения стало возможно благодаря открытию Самотлорского месторождения – крупнейшего в стране, вызвавшего огромный приток рабочей силы, необходимой для его обустройства, а затем добычи и транспортировки нефти. Без преувеличения можно сказать, что вся страна участвовала в осуществлении этого грандиозного инвестиционного проекта [17, с. 43]. Население города формировалось за счет притока большого количества рабочей силы из разных частей СССР. Это был главный фактор формирования населения. По национальному составу город стал многонациональным. Преобладали русские, татары, башкиры, украинцы, азербайджанцы, чеченцы.

Другим фактором роста населения стал естественный прирост. Высокая рождаемость, низкая смертность населения, большие миграционные потоки привели к увеличению населения с 40 тыс. чел. в 1972 г. до

246,6 тыс. в 1990 г. (т.е. в шесть раз за 18 лет). Во второй половине 1980-х гг. механический прирост в городе стал постепенно снижаться и с 1992 г. началось сокращение численности населения в Нижневартовске в связи с ухудшением социально-экономических условий, разгосударствлением нефтяной промышленности. И хотя убыль населения имела место, но она все же была незначительной, так как нефть Самотлора была нужна стране, став одним из основных источников наполнения государственного бюджета. Город был сохранен.

На 1 января 2020 г. численность населения Нижневартовска составила 277 668 чел. В изучении темы много «белых пятен» и они ждут исследователей. Пока систематическая демографическая история города еще не создана.

Источники и литература

1. *Алексеева Л.В., Цысь В.В., Чореш М.М., Сапожникова Н.В., Терентьева Н.В.* Нижневартовск: прошлое и настоящее: Коллективная монография / Под общ. ред. проф. Л.В. Алексеевой. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2017. 244 с.
2. *Алексеева Л.В., Сапожникова Н.В., Цысь В.В.* Как становятся городами. Нижневартовск; Омск, 2017. 300 с.
3. Архивный отдел администрации г. Нижневартовска.
4. Быстрее осваивать Самотлор // Стахановец. 1970. 18 июля.
5. *Гаврилова Н.Ю.* Север Западной Сибири в контексте российской модернизации (1960–80-е гг.): урбанизационные процессы // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: Материалы Всерос. науч. конф. к 75-летию академика РАН Вениамина Васильевича Алексеева (Екатеринбург, 1–3 июля 2009 г.). Екатеринбург, 2009. С. 282–284.
6. Государственный архив Тюменской области (ГАТО).
7. Казенное учреждение «Государственный архив Югры» (КУ «ГАЮ»).
8. *Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю.* Демографическая волна тюменского индустриального взрыва // Вестник СурГУ. 2013. Вып. 1 (1). С. 75–78.
9. *Кузоваткин Р.* На новые рубежи // Стахановец. 1970. 1 января.
10. Нижневартовск – 25. М.: Изд-во «Земля и человек», 1997. 224 с.
11. Пространство, люди, экономика Югры / Науч. ред. С.С. Артоболевский, О.Б. Глезер. М.: Экономист, 2007. 415 с.
12. *Соколов С.Н.* История формирования города Нижневартовска // Северный регион: наука, образование, культура. 2017. № 2. С. 75–80.
13. *Стась И.Н.* Миграция в процессе урбанизации Ханты-Мансийского округа (1960-е – начало 1990-х гг.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Ист. науки и археология. 2015. № 11. С. 66–67.
14. *Стась И.Н.* Дрейф этничности в процессе нефтегазового освоения и урбанизации Ханты-Мансийского округа (1960–1980-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 134–140.
15. Стахановец – орган издания Ларьякского (Нижневартовского) РК КПСС и райисполкома. 1965. 1 января.
16. Строить город со всей ответственностью // Стахановец. 1971. 13 ноября.
17. *Цысь В.В., Цысь О.П., Алексеева Л.В., Сапожникова Н.В., Терентьева Н.В., Книжников В.С.* Самотлор: первые из первых (о строительстве внутрипромысловых дорог, оснований кустовых площадок и о роли транспортников в подготовительных работах на месторождении в 1960–1980-х гг.): Коллективная монография / Отв. ред. В.В. Цысь. Нижневартовск, 2015. 188 с.
18. *Шуваев Т.Д.* Нижневартовск. Город и район (история возникновения и развития). Рукопись, 1973. 170 с. // Фонды краеведческого отдела Центральной библиотеки г. Нижневартовска.

А.П. Обедков*

Вековая динамика численности и источников формирования населения Республики Коми в 1920–2020 годах: этапы и типы демографического развития**

Дается анализ вековой динамики численности населения Республики Коми в период с 1920 по 2020 г. Выделены и охарактеризованы десять этапов демографического развития региона с учётом ведущего типа динамики и соотношения источников формирования населения.

Ключевые слова: численность населения, воспроизводство населения, источники формирования населения, тип динамики населения, демографическое развитие, демографический кризис, Республика Коми

A.P. Obedkov

Age-old dynamics of the number size and sources of population formation the Komi Republic in 1920–2020: stages and types of demographic development

The analysis of the age-old dynamics of the population of the Komi Republic in the period from 1920 to 2020 is given. Ten stages of demographic development of the region are identified and characterized, taking into account the leading type of dynamics and the ratio of sources of population formation.

Key words: number of population, reproduction of population, sources of population formation, type of population dynamics, demographic development, demographic crisis, Komi Republic

Республика Коми – один из ключевых регионов Российского Севера с длительной историей освоения, сформировавшейся структурой ресурсной экономики, работоспособным трудовым потенциалом и сложившейся системой расселения населения. Решающую роль в формировании демографического потенциала региона в советский период сыграли миграционные процессы, вызвавшие кардинальные изменения в структуре населения. Роль основных источников формирования демографического потенциала республики существенно менялась на различных этапах её освоения в зависимости от мощности миграционных потоков и характера их взаимодействия с факторами естественного движения населения. История формирования демографического и трудового потенциалов региона со времени образования Коми автономии до наших дней полна драматизма и представляет большой научный интерес как опыт освоения и заселения северной территории.

Начало третьего десятилетия XX века ознаменовалось для коми-зырян созданием Коми автономии. С принятием 22 августа 1921 г. Президиумом ВЦИК Декрета об образовании автономной области (АО) Коми (зырян) в составе РСФСР коми народ впервые в своей истории получил возможность воссоединиться в рамках национально-территориального образования с единым централизованным управлением. Практически ровно за год до образования Коми АО в сложных условиях гражданской войны, голода и разрухи была проведена перепись населения по состоянию на 28 августа 1920 г., соединившая в себе не только детальный статистический учёт населения, но и сельскохозяйственную перепись и краткий учёт промышленных предприятий [1]. По данным переписи населения 1920 г., в границах территорий, вошедших в состав АО Коми (зырян), насчитывалось 179,8 тыс. чел., из которых 174,4 тыс. (97% всего населения) составляли сельские жители и 5,4 тыс. чел. (3%) горожане, проживавшие в единственном в то время городе Усть-Сысольске – будущем административном центре Коми АО [2].

Согласно официальным итогам Первой Всесоюзной переписи населения 1926 г., в пределах действовавших на момент переписи административных границ АО Коми (зырян) насчитывалось 207 314 чел. Подав-

* **Обедков Анатолий Павлович** (Сыктывкар) – кандидат географических наук, старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических проблем Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, ObedkovAP@gmail.com.

** Публикация подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

ляющее большинство жителей автономной области проживало в сельской местности, на долю которой приходилось 96,7% всего населения. Немногочисленное городское население концентрировалось в единственном городе Усть-Сысольске (6 765 чел.) и в двух фабрично-заводских посёлках Кажыме (982 чел.) и Ньючиме (715 чел.) [3].

В последующие годы итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. корректировались в связи с реформированием административно-территориального деления в 1929–1939 гг. и изменением внешних границ автономной области Коми (зырян) в результате обмена территориями с соседними Архангельской и Вятской губерниями. В результате этих административно-территориальных преобразований площадь Коми автономной области уменьшилась на 104,5 тыс. кв. км и составила 375 тыс. кв. км, а численность её населения увеличилась на 17,7 тыс. чел. Согласно данным Коми областного статистического отдела, пересчитанная численность населения автономной области Коми (зырян) в новых границах достигла 234,9 тыс. чел., из которых 13,4 тыс. чел. (5,7% всего населения) было отнесено к городскому населению и 221,5 тыс. чел. (94,3% всего населения) – к сельскому населению [4].

Несколько иные данные пересчёта представлены в статистическом сборнике, опубликованном в 1930 г. в краевом центре Северного края городе Архангельске [5]. Согласно данным архангельского статистического сборника, общая численность населения Коми АО в новых границах составила 226 357 чел., из которых городское население – 13 381 чел. (5,9% всего населения), а сельское население – 212 976 чел. (94,1% всего населения). Одной из причин разночтений с данными пересчёта усть-сысольских статистиков явилось ошибочное отнесение к числу городских населённых пунктов села Усть-Цильма (3 264 чел.), а также завышенная численность людности города Усть-Сысольска (8 420 чел.) в архангельском статистическом сборнике [6].

К идее очередного пересчёта итогов переписи населения 1926 г. вновь обратились в 1938 г., когда в ходе подготовки к проведению Всесоюзной переписи населения 1939 г. возникла необходимость разработки сопоставимых таблиц. На этот раз пересчёт населения был осуществлён с учётом новой сетки из девяти низовых административных районов Коми АССР, сложившейся к 1939 г. за счёт разукрупнения ряда низовых административных районов. По новому пересчёту, численность населения Коми автономии составила 224,9 тыс. чел., из которых подавляющее большинство (97% от общей численности населения) составляли сельские жители. Данные пересчёта 1938 г. стали считать официально утверждёнными окончательными итогами переписи населения 1926 г., хотя в них вновь была допущена ошибка, связанная с необоснованным отнесением села Усть-Цильма к категории городских населённых пунктов (табл. 1).

Таблица 1

**Численность и структура городского и сельского населения АО Коми (зырян)
по данным пересчётов итогов переписи населения 1926 г.**

Годы пересчёта итогов переписи населения	Всё население, человек	В том числе		Доля в общей численности населения, %	
		Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население
1	2	3	4	5	6
Официальные итоги, 1926 г.	207,3	6,8	200,5	3,3	96,7
Усть-Сысольск, 1929 г.	234,9	13,4	221,5	5,7	94,3
Архангельск, 1930 г.	226,4	13,4	213	5,9	94,1
Окончательные итоги, 1938 г.	224,9	6,8	218,2	3	97

Составлено и рассчитано по: НАРК, Ф.Р-140. Оп. 2, т. 2. Д. 991. Л. 81; Коми область. Статистический справочник. Сыктывкар: Коми обл. стат. отдел, 1929. С. 7; Материалы по статистике населения, народного просвещения и жилищного строительства Северного края. Архангельск, 1930. С. 8.

Открывшаяся в начале 1930-х гг. перспектива промышленной разработки нефтяных и угольных месторождений, а также расширение масштабов лесозаготовок потребовали притока трудовых ресурсов из других регионов страны. В начальный период промышленного освоения природных ресурсов Коми АО основным источником формирования трудового потенциала в новых отраслях промышленности стали заключённые. Помимо заключённых, в число подневольных граждан, принудительно переселённых в республику, вошли десятки тысяч ссыльных, включая спецпереселенцев, и депортированных из прибалтийских республик и Польши. Усилиями заключённых и ссыльных строились города и рабочие посёлки Коми АССР, сооружались угольные и нефтяные шахты, леспромхозы и предприятия деревообработки.

Активизация промышленного освоения региона в довоенный период способствовала непрерывному увеличению доли миграционной составляющей в формировании населения республики. В период с 1927

по 1938 г. общий прирост населения Коми АССР составил 94,5 тыс. чел., из которых 47,1 тыс. чел. обеспечил естественный прирост и 47,4 тыс. чел. – миграционный прирост, что составило соответственно 49,8% и 50,2% в общем приросте населения. В рассматриваемый период естественный прирост в среднем за год увеличивался на 3,9 тыс. чел., а миграционный прирост – на 4 тыс. чел.

В межпереписной период с 1926 по 1939 г. численность населения Коми АССР увеличилась в 1,4 раза (с 224,9 до 319 тыс. чел.), городского населения – в 4,3 раза (с 6,8 до 29,2 тыс. чел.), а сельского населения – 1,3 раза (с 218,2 до 289,8 тыс. чел.). Одновременно с этим изменилось соотношение городского и сельского населения. Удельный вес городского населения увеличился с 3 до 9,1%, а сельского населения уменьшился с 97 до 90,9%.

К началу 1945 г. сеть городских населённых пунктов насчитывала три города и 10 рабочих посёлков, в которых проживало 76,8 тыс. чел., что вдвое превысило численность городского населения 1941 г. При этом удельный вес городского населения в годы войны увеличился в 2,5 раза (с 11,1 до 27,7%). Столь стремительный рост численности городского населения происходил на фоне непрерывной убыли сельского населения республики, численность которого в эти годы сократилась соответственно на 103,7 тыс. чел., или в 1,5 раза. На фоне противоположных тенденций динамики городского и сельского населения численность всего населения республики только в течение 1941 г. увеличилась на 38,1 тыс. чел. (или на 11,2%), после чего происходило непрерывное снижение численности населения. С 1942 по 1945 г. население Коми АССР сократилось на 103,1 тыс. чел., или в 1,4 раза. В течение всего военного периода в республике наблюдался положительный миграционный прирост населения на фоне непрерывной естественной убыли населения [6]. Таким образом, в целом за весь период с 1941 по 1945 г. в Коми АССР произошло сокращение численности населения главным образом вследствие превышения естественной убыли населения над миграционным приростом (табл. 2).

Таблица 2

**Изменение численности и структуры городского и сельского населения Коми АССР в 1931–1945 гг.
(на начало года)**

Годы	Всё население, тыс. чел.	В том числе		Доля в общей численности населения, %	
		Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население
1	2	3	4	5	6
1931	239,1	13,7	225,4	5,7	94,3
1933	258,3	18,7	239,6	7,2	92,8
1935	285,4	24,6	260,8	8,6	91,4
1937	309,3	26,8	265,2	8,7	91,3
1939	319	29,2	289,8	9,2	90,8
1941	342,1	38	304,1	11,1	88,9
1942	380,3	58,5	321,8	15,4	84,6
1943	283,9	46,4	237,5	16,3	83,7
1944	292,5	77,3	215,2	26,4	73,6
1945	277,2	76,8	200,4	27,7	72,3

Источники: Жеребцов И.Л., Безносова Н.П. Динамика численности и источники формирования населения Республики Коми в 1926–1940 гг. // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 78; Республика Коми к 50-летию победы в Великой Отечественной войне. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. С. 57.

1950-е гг. стали десятилетием наиболее динамичного демографического развития республики за всю историю её существования. В эти годы были зафиксированы исторические максимумы общего, естественного и миграционного приростов населения. С 1951 по 1960 г. общий прирост населения в абсолютном выражении составил 387,7 тыс. чел., из которых 177,4 тыс. чел. (45,8% общего прироста) обеспечил естественный прирост и 210,3 тыс. чел. (54,2% общего прироста) – миграционный прирост. При этом исторические максимумы прироста населения был показаны также и в пятилетнем разрезе: с 1951 по 1955 г. – по общему (206,2 тыс. чел.) и миграционному (128,1 тыс. чел.) населения, а с 1956 по 1960 г. – по естественному приросту (99,3 тыс. чел.) населения. В первой половине 1950-х гг. естественный прирост населения увеличивался в среднем за год на 15,6 тыс. чел., а миграционный прирост – на 25,6 тыс. чел. Во второй половине 1950-х гг. среднегодовой естественный прирост увеличился до 19,9 тыс. чел., а среднегодовой миграционный прирост уменьшился до 16,4 тыс. чел. С 1951 по 1955 г. миграционный прирост обеспечивал 62,1% от общего прироста населения Коми АССР, а уже с 1956 по 1960 г. – 54,7% давал естественный прирост населения (табл. 3).

**Изменение численности и структуры городского и сельского населения Коми АССР
в 1950–1960 гг. (на начало года)**

Годы	Всё население, тыс. чел.	В том числе		Доля в общей численности населения, %	
		Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население
1	2	3	4	5	6
1950	423,3	172,5	250,8	40,8	59,2
1955	600,5	283,6	316,9	47,2	52,8
1959	815,8	484	331,8	59,3	40,7
1960	827,6	496,3	331,3	60	40

Составлено и рассчитано по данным Комистата.

Высокие темпы роста численности населения в 1950-е гг. вызвали увеличение общего числа жителей Коми АССР в 1,9 раза, в то время как численность городского населения возросла в 2,9 раза, а сельского населения – в 1,3 раза. Динамичный рост численности горожан сопровождался непрерывным увеличением их удельного веса в общей численности населения. В результате этих изменений во второй половине 1950-х гг. число городских жителей впервые превысило число сельчан, что позволило Коми АССР перейти в число высокоурбанизированных регионов. Если в 1950 г. удельный вес городского населения республики составлял 40,8%, а сельского – 59,2%, то 10 лет спустя в 1960 г. доля городского населения увеличилась до 60%, а сельского – уменьшилась до 40%.

В 1960-е гг. рост численности населения Коми АССР продолжился, но со второй половины этого десятилетия стал замедляться из-за резко усилившегося миграционного оттока населения. В межпереписной период с 1959 по 1970 г. численность населения Коми АССР увеличилась всего в 1,2 раза (с 815,9 до 964,8 тыс. чел.), городского населения – в 1,2 раза (с 484 до 597,4 тыс. чел.), сельского населения – в 1,1 раза (с 331,8 до 367,4 тыс. чел.). Одновременно с этим изменилось соотношение городского и сельского населения. В рассматриваемый период удельный вес городского населения увеличился с 59,3 до 61,9%, в то время как доля сельского населения снизилась с 40,7% до 38,1%. Несмотря на снижение темпов роста городского населения в регионе, они оставались одними из самых высоких в СССР.

С 1961 по 1970 г. общий абсолютный прирост населения республики составил 128,2 тыс. чел., что в 3 раза уступало уровню предыдущего десятилетия. Увеличение численности населения республики в это десятилетие обеспечивалось главным образом за счёт превышения естественного прироста (138 тыс. чел.) над миграционным оттоком (-9,8 тыс. чел.) населения. При этом соотношение основных источников формирования населения региона в первой и во второй половине 1960-х гг. стали диаметрально противоположными. Если с 1961 по 1965 г. общий прирост населения обеспечивало превышение естественного прироста населения (83,2 тыс. чел.) над миграционным приростом (15 тыс. чел.), то в период с 1966 по 1970 г. – превышение естественного прироста (54,8 тыс. чел.) над миграционным оттоком (-24,8 тыс. чел.). В первой половине 1960-х гг. естественный прирост увеличивался в среднем за год на 16,7 тыс. чел., а среднегодовой миграционный прирост – на 3 тыс. чел. Во второй половине 1960-х гг. среднегодовой естественный прирост снизился до 11 тыс. чел., а вместо миграционного прироста наблюдалась миграционная убыль, составившая в среднем 4,9 тыс. чел. в год.

В 1970-е гг. наблюдался устойчивый рост численности населения Коми АССР, который обеспечивался превышением естественного прироста над миграционным приростом населения. С 1971 по 1980 г. общий прирост населения республики превысил уровень предыдущего десятилетия в 1,3 раза и составил 168,2 тыс. чел. Доля естественного прироста в общем приросте населения республики составила 67,4%, а миграционного прироста – 32,6%. В первой половине 1970-х гг. естественный прирост увеличивался в среднем за год на 11,2 тыс. чел., а миграционный прирост – на 6,3 тыс. чел. Во второй половине 1970-х гг. естественный прирост незначительно повысился до 11,4 тыс. чел. в среднем за год, в то время как миграционный прирост понизился до 4,7 тыс. чел. в год. Вследствие этих изменений вклад естественного прироста в общий прирост населения в первой половине 1970-х гг. (1971–1975 гг.) составил 64,2%, а во второй половине (1976–1980 гг.) повысился до 89,8%.

В 1974 г. число жителей Коми АССР впервые превысило 1 млн. чел. В межпереписной период с 1970 по 1979 г. численность населения Коми АССР увеличилась на 16%, а городского населения – на 24,7%. Это вызвало повышение удельного веса городского населения до 70,9%, что ровно на 10% превысило уровень 1970 г. Между тем в эти годы впервые было зафиксировано сокращение численности сельского населения. В рассматриваемый межпереписной период абсолютная численность сельского населения снизилась на 43,1 тыс. чел., или на 11,7%, а удельный вес сельского населения – на 9,1% (табл. 4).

Таблица 4

**Изменение численности и структуры городского и сельского населения Коми АССР в 1970–1979 гг.
(на начало года)**

Годы	Всё население, тыс. чел.	В том числе		Доля в общей численности населения, %	
		Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население
1	2	3	4	5	6
1970	964,4	596,3	368,1	61,8	38,2
1975	1031,1	685,8	345,3	66,5	33,5
1979	1118,4	793,4	325	70,9	29,1

Составлено и рассчитано по данным переписей и текущего учёта населения.

80-е гг. XX века стали последним десятилетием, когда наблюдался рост численности населения региона. С 1981 по 1990 г. население Коми АССР увеличилось на 125,3 тыс. чел., что было в 1,3 раза ниже аналогичного показателя предыдущего десятилетия. Увеличение численности населения республики в 1980-е гг. обеспечивалось за счёт превышения естественного прироста (130,6 тыс. чел.) над миграционным оттоком (-5,3 тыс. чел.) населения. Если в первой половине 1980-х гг. общий прирост населения обеспечивало превышение в 8,8 раз естественного прироста населения (70,1 тыс. чел.) над миграционным приростом (8 тыс. чел.), то во второй половине общий прирост населения происходил за счёт превышения естественного прироста (60,5 тыс. чел.) над миграционным оттоком (-13,3 тыс. чел.). В первой половине 1980-х гг. естественный прирост увеличивался в среднем за год на 14 тыс. чел., а миграционный прирост – на 1,6 тыс. чел. Во второй половине 1980-х гг. среднегодовой естественный прирост снизился до 12,1 тыс. чел. При этом наблюдалась миграционная убыль, составившая в среднем за год 2,7 тыс. чел.

В период с 1980 по 1990 г. численность всего населения Коми АССР увеличилась в 1,1 раза (с 1129,4 до 1264,9 тыс. чел.), городского населения – в 1,2 раза (с 807,1 до 959,2 тыс. чел.). При этом сельских жителей стало меньше на 5,2% (с 322,3 до 305,7 тыс. чел.). Одновременно с этим изменилось соотношение городского и сельского населения. В рассматриваемый период удельный вес городского населения увеличился с 71,5 до 75,8%, в то время как доля сельского населения снизилась с 28,5 до 24,2%. В 1990 г. численность населения Республики Коми достигла исторического максимума (1264,9 тыс. чел.), после чего началось непрерывное сокращение её демографического потенциала (табл. 5).

Таблица 5

**Изменение численности и структуры городского и сельского населения Республики Коми в 1980–1990 гг.
(по данным переписей и текущего учёта населения)**

Годы	Всё население, тыс. чел.	В том числе		Доля в общей численности населения, %	
		Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население
1	2	3	4	5	6
1980	1129,4	807,1	322,3	71,5	28,5
1985	1205,5	890,3	315,2	73,9	26,1
1986	1221,2	906,7	314,5	74,2	25,8
1987	1240,9	926,5	314,4	74,7	25,3
1988	1255,6	942,7	312,9	75,1	24,9
1989	1260,7	951,7	309,0	75,5	24,5
1990	1264,9	959,2	305,7	75,8	24,2

Составлено и рассчитано по данным Комистата.

В начале 1990-х гг. были также зафиксированы максимальные показатели численности городского и сельского населения за всё время существования Коми автономии. В 1991 г. был достигнут абсолютный исторический максимум численности городского населения (961 тыс. чел.), а в 1993 г. – сельского населения (312 тыс. чел.). После достижения максимальных показателей в регионе наблюдается непрерывное падение численности всего населения, а также городского и сельского. С 1991 по 2000 г. общая убыль населения Республики Коми составила 131,1 тыс. чел. Сокращение численности населения региона в эти годы происходило за счёт превышения миграционной убыли (117,2 тыс. чел.) над естественным приростом (13,8 тыс. чел.) населения. В относительном выражении вклад миграционной убыли в общую убыль населения региона составил 89,4%, а естественной убыли – 10,6%.

В первой половине 1990-х гг. общая убыль населения Республики Коми достигла 70,8 тыс. чел., из которых миграционная убыль составила 68,6 тыс. чел., а естественная убыль – 2,2 тыс. чел. Во второй половине 1990-х гг. произошло снижение до 60,5 тыс. чел. общей убыли населения и до 48,7 тыс. чел. миграционной убыли, в то время как естественная убыль увеличилась на 11,6 тыс. чел. Если в первой половине 1990-х гг. на долю миграционной убыли приходилось 96,9% в общей убыли населения региона, то во второй половине она снизилась до 80,6%. В 1991–1995 гг. естественная убыль населения росла в среднем за год на 0,4 тыс. чел., а миграционная убыль – на 13,7 тыс. чел. В 1996–2000 гг. естественная убыль увеличивалась в среднем на 2,3 тыс. чел., а миграционная убыль снижалась до 9,7 тыс. чел.

Последнее десятилетие XX века проходило под знаком непрерывного сокращения демографического потенциала Республики Коми вследствие усиления негативных процессов депопуляции и миграционного оттока населения. За три десятилетия с 1991 по 2020 г. численность всего населения и городского населения Республики Коми уменьшились в 1,5 раза, в то время как число сельских жителей – в 1,7 раза. В абсолютном выражении снижение численности всего населения республики составило 444,2 тыс. чел., городского – 319,3 тыс. чел. и сельского населения – 124,9 тыс. чел. В относительном выражении всё население республики уменьшилось на 35,1%, городское население – на 33,2, сельское – на 41,1%. При этом удельный вес городского населения с 1991 по 2020 г. увеличился с 76,0 до 78,2%, а сельского – снизился с 24,0 до 21,8% (табл. 6).

Таблица 6

**Изменение численности и структуры городского и сельского населения Республики Коми в 1991–2020 гг.
(по данным текущего учёта населения на начало года)**

Годы	Всё население, тыс. чел.	В том числе		Доля в общей численности населения, %	
		Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население
1	2	3	4	5	6
1991	1264,7	961,0	303,7	76,0	24,0
1995	1201,6	899,6	302	74,9	25,1
2000	1134,5	841,7	292,8	74,2	25,8
2002	1117,2	828,8	288,4	74,2	25,8
2005	996,4	751,9	244,5	75,5	24,5
2010	901,2	693,4	207,8	76,9	23,1
2015	864,5	671,5	193	77,7	22,3
2020	820,5	641,7	178,8	78,2	21,8

Таблица составлена по данным Росстата и Комистата.

В 1990-е гг. практически во всех низовых административных районах республики происходило уменьшение демографического потенциала после достижения максимальной людности. В 1991 г. максимумы людности в 1990-е гг. были зафиксированы в тринадцати низовых административных районах республики, в 1993 г. – в трёх, в 1994 г. – в двух, в 1995 г. и 1999 г. – в одном. Между тем в ряде низовых административных районов убыль населения началась ещё в советский период. С начала 1960-х гг. и поныне сокращается численность населения Койгородского района, с начала 1970-х гг. – Ижемского, Корткеросского, Прилузского, Сысольского, Усть-Куломского и Усть-Цилемского районов, с 1987 г. – Троицко-Печорского района, с 1988 г. – городов республиканского значения Вуктыла и Сосногорска с подчинёнными им территориями, с 1989 г. – Удорского и Усть-Вымского районов, с 1990 г. – Княжпогостского района, с 1991 г. – городов республиканского значения Воркута и Печора с подчинёнными им территориями, с 1992 г. – в городе республиканского значения Инта с подчинёнными ему территориями, с 1993 г. – в городах республиканского значения Усинске и Ухте с подчинёнными им территориями, с 1994 г. – в Сыктывдинском районе. Дольше всех продержался город республиканского значения Сыктывкар с подчинённой ему территорией, в котором было зафиксировано небольшое сокращение людности на рубеже XX и XXI вв., после чего рост населения возобновился в течение последующих двух десятилетий.

В первые десятилетия XXI в. слабый, но устойчивый рост численности населения демонстрировал только город республиканского значения Сыктывкар с подчинённой ему территорией. Однако в 2019 г. впервые за последние 20 лет сокращение людности было зафиксировано и в Сыктывкаре. За 2019 г. численность населения незначительно увеличилась только в Сыктывдинском районе за счёт небольшого миграционного прироста на 76 чел. на фоне баланса рождений и смертей. В остальных низовых административных районах республики наблюдалась общая убыль населения, обусловленная естественной убылью и миграционным оттоком насе-

ния. Некоторым исключением стал город республиканского значения Усинск с подчинённой ему территорией, в котором естественный прирост частично компенсировал миграционные потери.

С 1991 по 2020 г. численность населения Республики Коми сократилась на 35,1%, в то время как городское население – на 33,2, а сельское – на 41,1%. При этом общая численность населения всех городов республиканского значения с подчинёнными им территориями уменьшилась на 33, а всех районов – на 40,2%. Аналогичные тенденции динамики населения наблюдались в разрезе низовых административных районов республики с преобладанием городского или сельского населения.

По сравнению с 1991 г. в 2020 г. только один низовой административный район – город республиканского значения Сыктывкар с подчинённой ему территорией – показал положительную динамику людности, увеличив численность населения на 7,5%. Все остальные низовые административные районы сократили свой демографический потенциал. За рассматриваемый 30-летний период с 1991 по 2020 г. в 3 раза сократилась численность населения города республиканского значения Воркуты с подчинённой ему территорией (-66,3%), примерно в 2,5 раза – городов республиканского значения Инта (-61,8%) и Вуктыл (-58,2%) с подчинёнными им территориями и Троицко-Печорского района (-58,9%), примерно в 2 раза – Удорского (-54,6%) и Княжпогостского (-52,6%) районов, примерно в 1,5 раза – городов республиканского значения Усинска (-40,7%) и Сосногорска (-31,9%) с подчинёнными им территориями, Прилузского (42,6%), Койгородского (-41%), Усть-Куломского (-40,7%), Усть-Вымского (-40,6%), Сысольского (36,1%), Усть-Цилемского (35,1%) и Корткеросского (33,6%) районов. Среди городов региона, сокративших свой демографический потенциал за прошедшие 30 лет, наименьшие демографические потери понёс город республиканского значения Ухта (19,9%), а среди районов – Сыктывдинский (-10,9%), в которых численность населения уменьшилась соответственно в 1,2 и 1,1 раза (табл. 7).

Таблица 7

Динамика численности населения низовых административных районов Республики Коми в 1991–2020 гг. (на начало года; тыс. чел.)

Низовые административные районы	Численность населения, тыс. чел.		Общий прирост (убыль) населения	
	01.01.1991 г.	01.01.2020 г.	Тыс. чел.	%
Республика Коми	1264,7	820,5	-444,2	-35,1
городское население	961	641,7	-319,3	-33,2
сельское население	303,7	178,8	-124,9	-41,1
Города республиканского значения с подчинёнными территориями	924,8	619,2	-305,6	-33
1. Сыктывкар	240,3	259,9	19,6	7,5
2. Воркута	216,8	73,1	-143,7	-66,3
3. Вуктыл	27,3	11,4	-15,9	-58,2
4. Инта	70,2	26,8	-43,4	-61,8
5. Печора	93,5	48,9	-44,6	-47,7
6. Сосногорск	62,6	42,6	-20	-31,9
7. Усинск	72,2	42,8	-29,4	-40,7
8. Ухта	141,9	113,7	-28,2	-19,9
Районы	339,9	201,3	-138,6	-40,8
9. Ижемский	23,8	17	-6,8	-28,6
10. Княжпогостский	39	18,5	-20,5	-52,6
11. Койгородский	12,2	7,2	-5	-41
12. Корткеросский	27,1	18	-9,1	-33,6
13. Прилузский	29,1	16,7	-12,4	-42,6
14. Сыктывдинский	27,5	24,5	-3	-10,9
15. Сысольский	19,4	12,4	-7	-36,1
16. Троицко-Печорский	25,8	10,6	-15,2	-58,9
17. Удорский	37,2	16,9	-20,3	-54,6
18. Усть-Вымский	42,1	25	-17,1	-40,6
19. Усть-Куломский	39,6	23,5	-16,1	-40,7
20. Усть-Цилемский	17,1	11,1	-6	-35,1

Таблица составлена по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики Республики Коми.

По характеру изменения удельного веса низовых административных районов в численности населения республики за последние 30 лет их можно разделить на три группы. Самая многочисленная группа охватывает 12 низовых административных районов, в которых с 1991 по 2020 г. произошло уменьшение удельного веса в населении республики. В эту группу входят города республиканского значения Воркута (с 17,1 до 8,9%), Вуктыл (с 2,2 до 1,4%), Инта (с 5,6 до 3,3%), Печора (с 7,4 до 6,0%), Усинск (с 5,7 до 5,2%) с подчинёнными им территориями, Княжпогоский (с 3,1 до 2,3%), Койгородский (с 1,0 до 0,9%), Прилузский (с 2,3 до 2,0%), Троицко-Печорский (с 2,0 до 1,3%), Удорский (с 2,9 до 2,1%), Усть-Вымский (с 3,3 до 3,1%) и Усть-Куломский (с 3,15 до 2,9%) районы. Вторая группа включает шесть низовых административных районов, население которых за прошедшие 30 лет увеличилось. В их числе – города республиканского значения Сыктывкар (с 19,0 до 31,7%), Сосногорск (с 5,0 до 5,2%) и Ухта (с 11,2 до 13,9%) с подчинёнными им территориями, Ижемский (с 1,9 до 2,1%), Корткеросский (с 2,1 до 2,2%) и Сыктывдинский (с 2,2 до 3,0%) районы. При этом совокупный удельный вес всех низовых административных районов, увеличивших свой удельный вес в населении республики, повысился в 1,4 раза с 41,4 до 58,1%. В третью группу вошли два низовых административных района (Сысольский и Усть-Цилемский) с практически неизменным удельным весом в течение всего рассматриваемого периода.

Совокупный удельный вес всех низовых административных районов, увеличивших свой удельный вес в населении республики, повысился в 1,4 раза с 41,4 до 58,1%, в то время как доля всех низовых административных районов, сокративших свой демографический потенциал, уменьшилась с 55,7 до 39,4%. При этом удельный вес проживавших во всех городах республиканского значения повысился с 73,1 до 75,5%, а доля жителей районов соответственно снизилась с 26,9 до 24,5%.

Анализ изменения роли и соотношения основных источников формирования демографического потенциала автономной области (АО) Коми (зырян), Коми АССР, Коми ССР и Республики Коми с 1920 по 2020 г. позволил выделить 10 этапов динамики демографического развития: 1) 1920–1930 гг.; 2) 1931–1940 гг.; 3) 1941–1945 гг.; 4) 1946–1955 гг.; 5) 1956–1965 гг.; 6) 1966–1970 гг.; 7) 1971–1986 гг.; 8) 1987–1992 гг.; 9) 1993–2016 гг.; 10) 2017–2020 гг. В основу выделения каждого этапа были положены ведущий тип динамики и преобладающий источник формирования населения. В качестве дополнительных признаков рассматривались темпы динамики и тип воспроизводства населения, характер миграционных процессов и особенности пространственного распределения населения.

На протяжении 87 из 100 лет рассматриваемого периода демографического развития региона наблюдался устойчивый рост численности населения за счёт превышения естественного прироста над миграционным приростом в 1920–1930-е, 1956–1965-е и 1971–1986-е гг., за счёт превышения естественного прироста над миграционным оттоком – в 1966–1970-е, 1987–1992-е гг. и за счёт превышения миграционного прироста над естественным приростом в 1931–1940-е и 1946–1955-е гг. При этом сокращение численности населения республики произошло вследствие превышения естественной убыли населения над миграционным оттоком в 1941–1945-е гг. и за счёт естественной и миграционной убыли населения в 1993–2000-е гг. (табл. 8).

Таблица 8

**Этапы и типы динамики демографического развития
Коми автономной области, Коми АССР, Коми ССР и Республики Коми с 1920 по 2020 г.**

Этапы динамики демографического развития (годы)	Ведущий тип динамики демографического развития и соотношение источников формирования населения
1	2
1) 1920–1930 гг.	Увеличение численности населения за счёт превышения естественного прироста над миграционным приростом населения
2) 1931–1940 гг.	Увеличение численности населения за счёт превышения миграционного прироста над естественным приростом населения
3) 1941–1945 гг.	Сокращение численности населения за счёт превышения естественной убыли над миграционным приростом населения
4) 1946–1955 гг.	Увеличение численности населения за счёт превышения миграционного прироста над естественным приростом населения
5) 1956–1965 гг.	Увеличение численности населения за счёт превышения естественного прироста над миграционным приростом населения
6) 1966–1970 гг.	Увеличение численности населения за счёт превышения естественного прироста над миграционным оттоком населения

Этапы динамики демографического развития (годы)	Ведущий тип динамики демографического развития и соотношение источников формирования населения
1	2
7) 1971–1986 гг.	Увеличение численности населения за счёт превышения естественного прироста над миграционным приростом населения
8) 1987–1992 гг.	Увеличение численности населения за счёт превышения естественного прироста над миграционным оттоком населения
9) 1993–2016 гг.	Сокращение численности населения за счёт естественной и миграционной убыли населения
10) 2017–2020 гг.	Сокращение численности населения за счёт превышения миграционной убыли над естественной убылью населения

Вступление Республики Коми в третье тысячелетие происходило в условиях продолжающейся депопуляции и миграционного оттока, начавшихся в конце 1980-х гг. Эти процессы сопровождались кардинальной сменой типов динамики и источников формирования населения, деградацией поселенческой сети и перераспределением населения внутри региона. Негативные тенденции динамики и воспроизводства населения, обозначившиеся в последнее десятилетие XX в., во многом определили характер демографических процессов в регионе в первые десятилетия XXI века.

Источники и литература

1. Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликян. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 310.
2. Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 215. С. 14.
3. Безносова Н.П. Численность населения Коми автономной области в 1926 году: проблема отсутствия единства данных в источниках и историографии // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2017. № 4 (32). С. 89.
4. Коми область. Статистический справочник. Сыктывкар: Коми обл. стат. отдел, 1929. С. 7.
5. Материалы по статистике населения, народного просвещения и жилищного строительства Северного края. Архангельск, 1930. С. 8.
6. Безносова Н.П. Численность населения Коми автономной области в 1926 году: проблема отсутствия единства данных в источниках и историографии // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2017. № 4 (32). С. 90.
7. Республика Коми к 50-летию победы в Великой Отечественной войне. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. С. 57.

А.В. Смирнов*

Население арктических столиц: роль административных центров в демографическом развитии регионов Арктики**

Рассматривается население административных центров 25 регионов Арктики. Анализируется динамика численности населения столиц российской и мировой Арктики в 1939–2019 гг. и их удельный вес в населении регионов. Приводится демографическая характеристика столичных городов российской Арктики, включая половозрастной и национальный состав, особенности естественного и миграционного движения, образование и структуру занятости населения. Показано, что столичные города в Арктике обладают более высокой демографической устойчивостью, чем другие поселения.

Ключевые слова: население, миграция, административные центры, столицы, города, Арктика

A.V. Smirnov

Population of Arctic capitals: the role of administrative centers in the demographic development of Arctic regions

The article considers the population of the administrative centers of 25 Arctic regions. The author analyzes the population dynamics of the capitals of the Russian and World Arctic in 1939–2019 and their share in the population of the regions. The article provides demographic characteristics of the capital cities of the Russian Arctic, including gender, age and ethnic composition, features of natural and migration movement, education and employment structure. The study showed that the administrative centers in the Arctic have a higher demographic stability than other settlements.

Key words: population, migration, administrative centers, capitals, cities, the Arctic

Введение

К демографическому развитию Арктики и арктических социумов приковано большое внимание исследователей, поскольку этот мегарегион характеризуется предельными значениями многих показателей. Крайне низкая заселенность соседствует с крупномасштабной добычей природных ресурсов [1]. Огромные расстояния между поселениями контрастируют с высокими показателями человеческого развития большинства территорий [2]. Дополнительный интерес вызывает многообразие культур коренных народов Севера [3] в сочетании с историей освоения северных пространств.

Особое значение в развитии Арктики имеют административные центры. Во-первых, они могут выступать в роли опорных поселений, городов-баз [4] при освоении ресурсных территорий благодаря выгодному географическому расположению и наличию транспортной инфраструктуры. Во-вторых, они являются источником трудовых ресурсов для вахтовых поселений, поскольку концентрируют квалифицированное население трудоспособного возраста. В-третьих, они выполняют роль культурных и научно-образовательных центров, сохраняя и передавая знания и опыт северных сообществ.

* Смирнов Андрей Владимирович (Сыктывкар) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, 167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26, av.smirnov.ru@gmail.com

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-510-00007.

В статье будет рассмотрена роль административных центров (или столиц) в демографическом развитии регионов российской и мировой Арктики в 1939–2019 гг. Источником данных о динамике численности населения арктических городов и регионов России послужили итоги переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 гг., а также бюллетень Росстата «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года». Данные о населении арктических столиц и территорий других стран получены из электронных баз данных и публикаций национальных статистических ведомств восьми арктических государств. Используется методика расчетов, изложенная в статье о динамике численности населения мировой Арктики [5]. Данные о составе населения и социально-демографических характеристиках административных центров российской Арктики получены из Базы данных показателей муниципальных образований Росстата.

Арктические регионы и их столицы

Мировая Арктика в границах, определенных Арктическим Советом для зарубежной Арктики и указом Президента Российской Федерации от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (в редакции от 13.05.2019) для российской Арктики, занимает 8,9% площади земной суши, на которой проживает всего 0,07% населения планеты [5]. В Арктику входят территории восьми государств, которые можно разделить на 25 заселенных регионов (табл. 1). Пять из девяти российских регионов входят в Арктическую зону частично.

Во всех случаях будем рассматривать центры территориальных образований самого высокого уровня. Поскольку Исландия входит в Арктику целиком, то анализировался Рейкьявик – столица государства. В других случаях анализировались столицы регионов (территорий, штатов, областей и других образований). У четырех регионов российской Арктики столицы находятся за пределами Арктической зоны. Поэтому они не будут рассматриваться в рамках последующего анализа. Кроме того, в качестве столиц не будут рассматриваться центры упраздненных в 2007 г. субъектов РФ – Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского автономных округов – Дудинка и Тура.

Таблица 1

Административные центры арктических регионов, на начало 2019 г.

Арктические страны и регионы	Население, тыс. чел.	Адм. центр (столица)	Население адм. центра, тыс. чел.	Удельный вес адм. центра в населении, %
Арктика	5438,5		1745,6	32,1
Россия	2439,2		731,5	30,0
Мурманская обл.	748,1	Мурманск	292,5	39,1
Респ. Карелия	41,6	Петрозаводск	*	–
Архангельская обл. (без НАО)	643,2	Архангельск	348,3	54,2
Ненецкий АО	43,8	Нарьян-Мар	24,8	56,6
Респ. Коми	74,8	Сыктывкар	*	–
Ямало-Ненецкий АО	541,5	Салехард	50,1	9,2
Красноярский край	228,9	Красноярск	*	–
Респ. Саха (Якутия)	67,7	Якутск	*	–
Чукотский АО	49,7	Анадырь	15,8	31,9
Финляндия	663,7		285,5	43,0
Лапландия	178,5	Рованиemi	53,4	29,9
Северная Остроботния	412,2	Оулу	202,6	49,2
Кайнуу	73,1	Каяани	29,6	40,5
Швеция	520,7		138,1	26,5
Норботтен	250,5	Лулео	48,7	19,5
Вестерботтен	270,2	Умео	89,4	33,1
Норвегия	489,2		90,2	18,4
Нурланн	243,4	Будё	41,7	17,1
Тромс	167,2	Тромсё	40,5	24,2
Финнмарк	75,9	Вадсё	5,8	7,6
Шпицберген	2,7	Лонгйир	2,3	82,8
Исландия	357,0	Рейкьявик	128,8	36,1

Окончание табл. 1

Арктические страны и регионы	Население, тыс. чел.	Адм. центр (столица)	Население адм. центра, тыс. чел.	Удельный вес адм. центра в населении, %
Дания	107,5		31,5	29,3
Фарерский о-ва	51,5	Торсхавн	13,5	26,2
Гренландия	56,0	Нуук	18,0	32,1
Канада	123,8		48,4 **	42,6 **
Юкон	40,4	Уайтхорс	21,7 **	60,6 **
Северо-Западные территории	44,6	Йеллоунайф	18,9 **	45,2 **
Нунавут	38,8	Икалуит	7,7 **	21,5 **
США	737,4		291,5	39,5
Аляска	737,4	Анкоридж	291,5	39,5

* Административный центр региона находится за пределами Арктики – не учитывается в расчетах;

** Данные на 2016 г.

Источники: базы данных и публикации национальных статистических ведомств восьми арктических государств. Россия: gks.ru, demoscope.ru/weekly/ssp/census.php; США: live.laborstats.alaska.gov/cen/hist.cfm, census.gov; Финляндия: stat.fi, pxnet2.stat.fi/pxweb/pxweb/en; Швеция: scb.se/en, statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en; Норвегия: ssb.no/en/befolkning; Исландия: px.hagstofa.is/pxen/pxweb/en; Канада: statcan.gc.ca; Дания: bank.stat.gl/pxweb/en, statbank.hagstova.fo/pxweb/en.

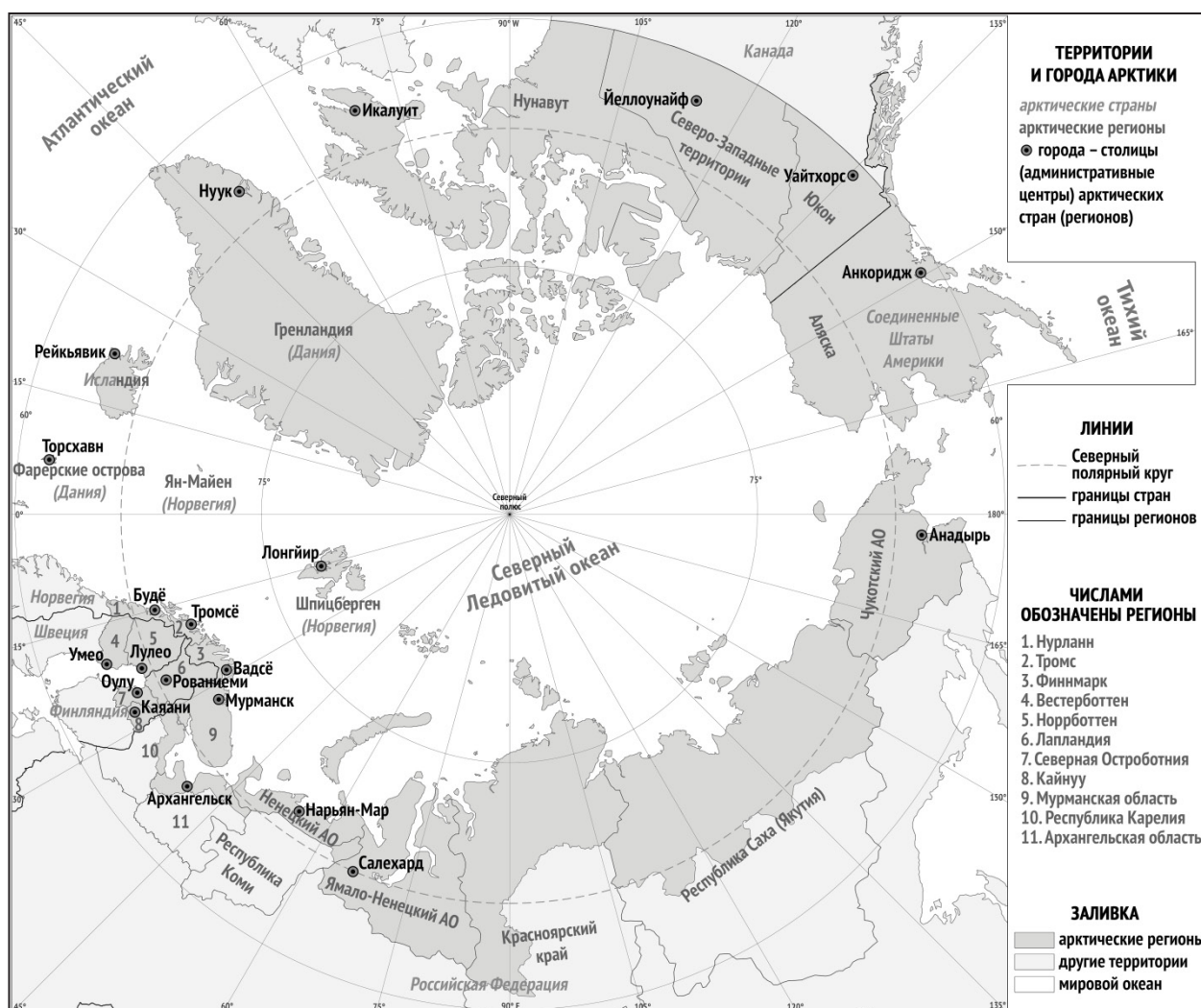

Рис. 1. Административные центры (столицы) арктических регионов.

В столичных городах проживает почти треть населения мировой Арктики (32,1%). Причем их удельный вес непрерывно растет: в 2000 г. он составлял 29,5%, а в 2010 г. – 31,3%. В течение последних двух десятилетий доля столиц в численности населения увеличивается как в российской, так и в зарубежной Арктике.

На начало 2019 г. наиболее высок удельный вес административного центра в наименьшем по численности населения регионе – Шпицбергене (82,8%). Более половины населения проживает также в столице в регионах: Юкон (60,6%), Ненецкий автономный округ (56,6%) и Архангельская область (54,2%). Последняя входит в Арктическую зону частично. Самый низкий удельный вес столицы в Финмарке (7,6%), Ямало-Ненецком автономном округе (9,2%) и в Нурланне (17,1%).

Крупнейшие по численности населения арктические столицы: Архангельск (348,3 тыс. чел.), Мурманск (292,5), Анкоридж (291,5), Оулу (202,6) и Рейкьявик (128,8). Самую низкую численность населения имеют Лонгйир (2,3 тыс. чел.), Вадсё (5,8), Икалуит (7,7), Торсхавн (13,5) и Анадырь (15,8). Из 21 арктической столицы только пять городов являются большими или крупными, то есть имеют численность населения свыше 100 тыс. жителей. Еще три города относятся к средним (от 50 до 100 тыс. жителей), а 13 – к малым (менее 50 тыс. жителей). Пространственный анализ показывает, что 10 из 25 столиц расположены на относительно небольшом участке Арктики: между Норвегией и Архангельской областью России. В огромных арктических территориях Сибирского федерального округа Российской Федерации столичные города отсутствуют (рис. 1). Отсутствие административных центров увеличивает степень периферийности этих отдаленных территорий. Крупнейший город арктической Сибири Норильск не обладает столичным статусом.

Динамика численности населения арктических столиц

Демографическая ситуация в Арктике зависит от множества факторов, среди которых стадии циклов освоения природных ресурсов, общая экономическая активность в стране, пространственные особенности системы расселения [6] и национальный состав населения [7]. Суммарная численности населения пяти столичных городов российской Арктики с 1939 по 1989 г. увеличилась в 2,2 раза: с 431,4 до 953,6 тыс. чел.; затем она сократилась к 2019 г. на 23% – до 731,5 тыс. чел. При этом удельный вес населения столиц в российской Арктике был максимальным в 1939 г. – 42,8%. Затем последовало снижение, вызванное ростом таких крупных городов, не обладающих столичным статусом, как Норильск и Северодвинск. В этот период большое влияние на демографическую динамику оказывали принудительные миграции [8]. В 1959 г. удельный вес столичных городов стабилизировался на уровне около 30%, после чего почти не изменялся (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности населения административных центров регионов российской Арктики, 1939–2019 гг.

Город	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2019 г.
Общая численность населения, тыс. чел.								
Всего	431,4	513,8	697,7	826,5	953,6	758,7	733,3	731,5
Архангельск	284,6	256,3	342,6	385,0	415,9	356,1	348,8	348,3
Мурманск	117,1	221,9	308,6	380,8	468,0	336,1	307,3	292,5
Салехард	12,8	16,6	21,9	24,9	32,3	36,8	42,5	50,1
Нарьян-Мар	13,7	13,2	16,9	23,4	20,2	18,6	21,7	24,8
Анадырь	3,3	5,9	7,7	12,2	17,1	11,0	13,0	15,8
Удельный вес в численности населения региона, %								
Всего	42,8	29,9	30,9	30,1	27,4	27,5	29,0	30,0
Архангельск	72,6	54,1	53,7	52,5	50,4	51,2	52,5	54,2
Мурманск	40,2	39,1	38,6	39,4	40,8	37,7	38,6	39,1
Салехард	27,8	26,6	27,4	15,8	6,7	7,3	8,1	9,2
Нарьян-Мар	28,7	35,9	43,1	49,9	36,8	44,8	51,5	56,6
Анадырь	15,5	12,5	7,6	9,2	10,9	20,5	25,8	31,9

Источники: Бюллетень Росстата «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года»; Итоги переписей населения СССР и России (Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php>).

Если рассматривать отдельные регионы, то можно заметить, что динамика была разнонаправленной. Удельный вес Архангельска и Салехарда в численности населения региона снижался, Нарьян-Мара и Анадыря – возрастал, а Мурманска – оставался почти неизменным. Интересно трехкратное снижение доли Салехарда в населении Ямало-Ненецкого автономного округа. Постоянный, но умеренный рост численности населения столичного города отставал от бурного роста новых городов при активной разработке газовых месторождений

Западной Сибири. Были созданы города: Новый Уренгой, Ноябрьск, Лабытнанги, Надым, Губкинский, Муравленко, Тарко-Сале. Это наиболее яркое проявление ресурсного цикла в рассматриваемый период. Вероятнее всего, после снижения объемов добычи природных ресурсов из-за сокращения спроса или истощения месторождений, новые города столкнутся со стремительным миграционным оттоком, а удельный вес Салехарда в населении региона снова увеличится. Подобные процессы происходили в других северных регионах, например, в Магаданской области и Республике Коми [9, 10].

Столичный статус может быть фактором демографической устойчивости [11] городов в условиях Арктики. Если большинство малых и средних арктических городов существенно снизили свою численность в 1989–2019 гг., то Салехард и Нарьян-Мар выросли, а Анадырь сначала сократился, а затем вернулся к росту. В России это справедливо не только для арктических регионов. Региональные столицы и их пригороды становятся «чуть ли не единственными точками позитивной динамики населения в подавляющем большинстве регионов России» [12].

В остальных семи арктических странах рассмотрим по одному столичному городу из каждой страны (табл. 3). Суммарная численность семи городов с 1940 г. выросла многократно. Для всех городов, кроме Анкориджа, максимальное значение численности населения зафиксировано в 2019 г. В Анкоридже пик пришелся на 2010 г., затем население сократилось на 0,3 тыс. чел. В отличие от российской Арктики удельный вес всех рассмотренных городов в численности населения регионов по итогам периода возрос. В Аляске он увеличился в 8,2 раза, в Северной Островотнии – в 5,3, в Юконе – в 4,0, в Гренландии – в 3,5 раза.

Таблица 3

**Динамика численности населения некоторых административных центров
арктических регионов, 1939–2019 гг.**

Город	1940 г.	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2019 г.
Общая численность населения, тыс. чел.									
Анкоридж	3,5	11,3	44,4	48,1	174,4	226,3	260,3	291,8	291,5
Оулу	28,0	37,9	58,2	85,0	121,8	136,0	157,6	185,4	202,6
Рейкьявик	38,3	56,0	72,4	81,7	83,8	97,6	109,9	118,3	128,8
Умео	н.д.	н.д.	32,5	47,7	52,7	60,3	71,2	79,6	89,4
Будё	н.д.	15,0	20,0	24,5	27,6	30,3	32,3	37,2	41,7
Уайтхорс *	0,8	2,6	5,0	11,2	14,8	17,9	19,1	20,3	21,7
Нуук	1,7	2,4	4,3	8,5	9,1	12,2	13,4	15,5	18,0
Удельный вес в численности населения региона, %									
Анкоридж	4,8	8,7	19,6	16,0	43,4	41,1	41,5	41,1	39,5
Оулу	9,3	10,5	14,3	21,2	37,7	39,1	42,6	46,9	49,2
Рейкьявик	31,9	39,7	41,6	40,0	36,9	38,4	39,4	37,3	36,1
Умео	н.д.	н.д.	13,6	20,4	21,8	24,1	27,7	30,8	33,1
Будё	н.д.	6,8	8,4	10,1	11,3	12,7	13,5	15,7	17,1
Уайтхорс *	15,3	28,5	34,4	61,0	64,0	64,5	66,5	59,9	60,6
Нуук	9,3	10,4	12,8	18,3	18,2	22,0	24,0	27,4	32,1

* Данные 1941, 1951, ... 2011, 2016 гг.

Источники: Базы данных и публикации национальных статистических ведомств восьми арктических государств.

Столичные поселения выполняют функцию регулирования и контроля экономической деятельности в регионах. Центральную роль в формировании столичных городов играет государство. Так, Анкоридж – яркий пример роста столичного города благодаря целенаправленной и масштабной поддержке правительства. Основное увеличение численности населения Анкориджа пришлось на период Второй мировой войны и Холодной войны [13]. Движущей силой его роста стали огромные военные расходы государства, а также выгодное положение в системе расселения Аляски, определившее его столичный статус. Затем город, благодаря масштабу своей экономики, стал центром управления нефтяной промышленностью региона [14]. В России рост арктических столиц тоже зачастую становился результатом государственной политики. В большинстве случаев столицами становились крупнейшие поселения арктических регионов. Обретя статус административного центра, они получали дополнительные конкурентные преимущества перед другими поселениями, помимо агломерационного эффекта, и концентрировали в себе все больше функций.

Демографическая характеристика столиц российской Арктики

В каждом из арктических регионов России роль административного центра выполняет поселение, образованное раньше других городов. Первым в 1584 г. был образован Архангельск. Позже статус города получили Мурманск (1916 г.), Нарьян-Мар (1929 г.), Салехард (1938 г.) и Анадырь (1965 г.). Общей характеристикой всех арктических столиц является их выгодное географическое положение. Салехард – речной порт на Оби, остальные города – морские порты. Они выполняют важную роль в системах расселения, обеспечивая связность арктического пространства.

Не все арктические столицы лидируют по численности в своих регионах. Архангельск и Мурманск являются крупнейшими городами как в российской, так и в мировой Арктике, причем Архангельск – центр крупнейшей арктической агломерации, включающей Северодвинск, Новодвинск и ряд сельских поселений. Нарьян-Мар – единственный город Ненецкого автономного округа. Анадырь сегодня является крупнейшим городом Чукотского автономного округа, однако в 1970 и 1979 гг. он уступал Певеку по численности населения. Салехард, напротив, был крупнейшим и единственным городом Ямало-Ненецкого автономного округа до 1970 г. Затем он уступил Новому Уренгою и Ноябрьску. С 1979 по 2013 г. он также уступал Надыму.

Рассмотрим особенности состава населения административных центров российской Арктики. В арктических столицах, за исключением Салехарда, доля населения трудоспособного возраста выше средней по региону. Также во всех административных центрах выше доля женщин. По национальному составу Архангельск и Мурманск почти не отличаются от остальных частей соответствующих регионов. В Нарьян-Маре, Салехарде и Анадыре национальный состав существенно отличается от периферийных территорий регионов. Выше доля русских, ниже удельный вес коренных народов. Так, в Нарьян-Маре доля коренных малочисленных народов Севера в пять раз ниже, чем в соседнем Заполярном районе Ненецкого автономного округа. Показатели продолжительности жизни в столичных городах выше средних по Арктике. Это связано как с лучшей доступностью медицинских услуг, так и с более высоким качеством жизни населения в целом. Показатели рождаемости в административных центрах ниже, чем в периферийных территориях Арктики несмотря на высокий удельный вес студенческой молодежи.

Современная динамика численности населения арктических столиц во многом определяется миграционными процессами [15]. Административные центры привлекательны для жителей соседних сельских поселений, которые чаще всего предпочитают перемещаться именно в ближайшие столичные города [16]. Главный фактор миграционной привлекательности – наличие высших учебных заведений. В пяти столичных городах сосредоточено 82,4% студентов вузов российской Арктики и 81,1% их профессорско-преподавательского состава. По медицинским, сельскохозяйственным специальностям, а также в области культуры и искусства получить высшее образование в Арктике можно только в административных центрах.

Несмотря на высокие показатели образования, по индексу человеческого развития арктические столицы занимают лишь 5-е (Салехард), 8-е (Анадырь), 12-е (Нарьян-Мар), 14-е (Мурманск) и 18-е (Архангельск) места из 64 муниципальных образований российской Арктики [17]. Причина – невысокие средние заработные платы работников, что является следствием высокой диверсификацией рынков труда [18]. В отличие от добывающих городов с высокими уровнями оплаты труда, привлекающими временных мигрантов [19], столичные города более привлекательны для постоянного проживания. В административных центрах выше удельный вес работников в таких сферах, как финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, деятельность в области информации и связи, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, государственное управление и прочие виды услуг. Вместе с тем в столицах низок удельный вес строительства, добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств и энергетики [20].

Заключение

В 21 столичном городе проживает почти треть населения мировой Арктики. В течение последних десятилетий их удельный вес увеличивается. Статус административного центра делает демографически устойчивыми малые и средние города, к которым относится большинство арктических столиц. Совокупное население малых и средних столичных городов Арктики с 2000 по 2019 г. выросло на 84,5 тыс. жителей или на 21,3%. Как локальные центры иерархических систем расселения столичные города в ходе своего развития аккумулируют различные функции: финансовые, транспортные, образовательные, научные, культурные, медицинские, социальные. Благодаря этому, административные центры привлекают больше трудовых ресурсов, могут выполнять опорные функции при освоении арктических регионов.

Источники и литература

1. Bogoyavlenskiy D., Siggner A. Arctic Demography / Arctic Human Development Report. Akureyri: Stefansson Arctic Institute, 2004. P. 27–41.
2. Petrov A. Exploring the Arctic's "Other Economies": Knowledge, Creativity and the New Frontier // The Polar Journal. 2016. Vol. 6. No. 1. P. 51–68. DOI: 10.1080/2154896X.2016.1171007.

3. *Heleniak T., Bogoyavlenskiy D.* Arctic Populations and Migration / Arctic Human Development Report. Regional Processes and Global Linkages. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2014. P. 53–104. DOI: 10.6027/TN2014-567.
4. *Замятина Н.Ю.* Северный город-база: особенности развития и потенциал для освоения Арктики // Арктика: экология и экономика. 2020. № 2(38). С. 4–17. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-2-4-17.
5. *Смирнов А.В.* Население мировой Арктики: динамика численности и центры расселения // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 270–290. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.270.
6. *Huskey L.* Challenges to Economic Development: Dimensions of “Remoteness” in the North // Polar Geography. 2005. Vol. 29 (2). P. 119–125. DOI: 10.1080/789610129.
7. *Фаузер В.В.* Проблемы демографического развития Российского Севера: дис. ... докт. экон. наук. М., 1996. 328 с.
8. *Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н.* Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ. 2015. № 3. С. 151–168.
9. *Фаузер В.В., Климашевская Е.В.* Человеческие ресурсы энергетического комплекса Республики Коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. 176 с.
10. *Shiklomanov N., Streletskiy D., Suter L., Ortung R., Zamyatina N.* Dealing with the bust in Vorkuta, Russia // Land Use Policy. 2020. Vol. 93. No. 103908. DOI: 10.1016/j.landusepol.2019.03.021.
11. *Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В.* Устойчивое развитие северных регионов: демографическое измерение // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 4. С. 1370–1382. DOI: 10.17059/2018-4-24.
12. *Мкртчян Н.В.* Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // Известия РАН. Серия географическая. 2018. № 6. С. 26–38. DOI: 10.1134/S2587556618060110.
13. *Sandberg E., Hunsinger E., Whitney S.* A history of Alaska population settlement. Juneau: Alaska Department of Labor and Workforce Development, 2013. 19 p.
14. *Huskey L., Taylor A.* The dynamic history of government settlements at the edge / Settlements at the Edge. Edward Elgar Publishing, 2016. P. 25–48. DOI: 10.4337/9781784711962.
15. *Фаузер В.В., Лыткина Т.С.* Миграционные процессы на российском Севере // Социальная политика и социология. 2017. № 1 (120). С. 141–149. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149.
16. *Фаузер В.В., Смирнов А.В.* Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты // Арктика: экология и экономика. 2020. № 4 (40). С. 4–18. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18.
17. *Смирнов А.В.* Человеческое развитие и перспективы формирования экономики знаний в российской Арктике // Арктика: экология и экономика. 2020. № 2 (38). С. 18–30. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-2-18-30.
18. *Jungsberg L., Copus A., Nilsson K., Weber R.* Demographic Change and Labour Market Challenges in Regions with Large-scale Resource-based Industries in the Northern Periphery and Arctic. Stockholm: Nordregio, 2018. 42 p.
19. *Лыткина Т.С., Смирнов А.В.* Вытеснение на Российском Севере: миграционные процессы и неолиберальная политика // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 94–117. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.94.
20. *Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н.* Локальные рынки труда российской Арктики: классификация по видам деятельности // Арктика: экология и экономика. 2019. № 2 (34). С. 4–17. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-2-4-17.

В.И. Силин*

Атлас Архангельской епархии как демографический источник**

В 1890 г. был опубликован Атлас Архангельской епархии. В статье этот атлас рассматривается как источник по демографии Русского Севера на примере IV благочиния Мезенского уезда (практически это территория современного Ижемского района). По данным атласа приводятся сведения о жителях отдельных населенных пунктов, наличие учебных заведений и т.д. Эти данные могут быть интересны демографам, изучающим динамику населения Архангельской области и Республики Коми.

Ключевые слова: Коми край, население, Ижма, географические карты, история церкви

V.I. Silin

Atlas of the Arkhangelsk Diocese as a demographic source

In 1890 the Atlas of the Arkhangelsk Diocese was published. The article considers this atlas as a source on the demography of the Russian North. Using the example of the 4th deanery of the Mezensky district (practically this is the territory of the modern Izhma district), according to the atlas, information is provided on the population of certain settlements, the presence of educational institutions, etc. These data may be of interest to demographers studying the population dynamics of the Arkhangelsk region and the Komi Republic.

Key words: Komi region, population, Izhma, geographical maps, history of the church

В 1890 г. был опубликован «Атлас Архангельской епархии» [1], в котором размещена интересная информация по населению всей Архангельской губернии, которая на тот момент включала в свои границы громадные территории Европейского Севера: современную Мурманской, Архангельской областей, северную часть Республики Коми. Анализ разнообразных картографических источников может быть активно использован демографами как дополнительный источник, а иногда и единственный по формированию знаний о населении территорий. Автором на страницах журнала, как источник по населению, уже рассматривалась карта Печорского края, составленная Боровским в 1853 г. [2].

Характеристика церковного населения и картографическое изображение отдельных карт в Атласе приводятся отдельно по каждому благочинию. Благочиние – часть епархии, объединяющая несколько приходов. Возглавляется благочинным. По картам благочиний мы сейчас можем оценить среднее количество приходов в благочиниях, среднее количество прихожан по приходам и другие сведения, интересные историкам церкви. В атласе 30 карт благочиний и листы с комментариями к картам, в которых указаны статистические сведения для отдельных приходов по населению, количество прихожан по полу.

Архангельская епархия была учреждена в марте 1682 г. и в 1682–1731 гг. именовалась Холмогорская и Важская, в 1731–1787 гг. – Архангелогородская и Холмогорская, в 1787–1799 гг. – Архангельская и Олонецкая, в 1799–1985 гг. – Архангельская и Холмогорская, в 1985–1995 гг. – Архангельская и Мурманская, в 1995–2011 гг. – Архангельская и Холмогорская. В конце 1995 г. из состава Архангельской епархии выделены Мур-

* Силин Владимир Иванович (Сыктывкар) – доктор географических наук, главный научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических проблем Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

манская и Сыктывкарская епархии. Решением Священного Синода от 27–28 декабря 2011 г. включена в состав Архангельской митрополии; из состава Архангельской епархии выделены Котласская и Нарьян-Марская епархии. Решением Священного Синода от 9 марта 2017 г. из состава епархии выделена Плесецкая епархия [3].

С 1885 по 1890 г. епархию возглавлял епископ Архангельский и Холмогорский Нафанаил (в миру Соборов Николай Иванович) [4]. Николай Иванович родился в 1824 г. в семье протоиерея Рязанской епархии. Окончил Рязанскую духовную семинарию и в 1851 г. – Киевскую духовную академию со степенью магистра богословия. В 1851 г. назначен учителем Воронежской духовной семинарии. В 1852 г. пострижен в монашество, затем рукоположен во иеродиакона, в этом же году в иеромонаха. С 1858 г. – инспектор Воронежской духовной семинарии, затем – инспектор Орловской духовной семинарии. В 1862 г. возведен в сан архимандрита. В 1866 г. назначен ректором Тверской духовной семинарии и настоятелем Отроча монастыря. В 1872 г. хиротонисан во епископа Новомиргородского, викария Херсонской епархии. В 1879 г. – епископ Архангельский и Холмогорский. С 6 марта 1882 г. – епископ Псковский и Порховский. В Пскове восстанавливал древние монастыри. 16 февраля 1885 г. вновь перемещен, согласно своему желанию, епископом Архангельским и Холмогорским.

В Архангельской епархии преобразовал женское епархиальное училище, в котором было подготовлено около 200 учительниц. Много заботился о просвещении лопарей и корелов, строил храмы и открывал школы и библиотеки. Развил миссионерскую деятельность. Начал издавать «Архангельские епархиальные ведомости», в которых напечатал много своих трудов. Обратил в православие большое количество язычников. Составил подробный атлас Архангельской губернии с указанием приходов и описанием всех сел, деревень и городов. Возобновил Трифоно-Печенгский монастырь, устроил церковь на Новой Земле и учредил там миссию. Возобновил древний Корельский Никольский монастырь.

3 июня 1890 г. уволен на покой в Тотемский Спасо-Суморинский монастырь Вологодской епархии. В 1896 г. назначен управляющим Московским Спасо-Андрониковым монастырем на правах настоятеля. Несмотря на свои преклонные годы, отличался необыкновенной энергией и почти ежедневно совершал богослужения в монастырях, соборах и приходских церквях г. Москвы, причем всегда произносил проповеди. Скончался 29 апреля 1907 г. в Москве в возрасте 83 лет [4].

Историка, занимающегося изучением прошлого Коми края, в Атласе могут заинтересовать характеристики благочиний Мезенского уезда: I благочиние (окрестности г. Мезени, север Тиманской тундры); II благочиние (по р. Мезени и р. Вашке); III благочиние (по р. Мезень и Вашке до границ Вологодской губернии); IV благочиние (по р. Ижма, почти в пределах современного Ижемского района); V благочиние (по р. Печоре до границ Вологодской губернии и р. Цильме); VI благочиние (низовья р. Печоры).

Для примера статистических характеристик по отдельному благочинию рассмотрим карту IV благочиния Мезенского уезда.

Приход	Церквей	Деревень	Домов	Прихожан мужчин	Прихожан женщин
Дибожский	1 дер.				
В с. Дибожском	1 дер.	1	45	144	163
дд. Малогаловской,	—	2–3	50	180	255
Кельчеюрской	—	4	37	206	139
Устьижемской	—	—	2–15	4–42	4–38
Духовных и воен. отставн. нижн. чинов.	—	—	—	—	—
Итого:	1	4	149	576	599
Красноборский	1 дер.				
с. Красноборском	1 дер.	1	122	531	579
д. Диюрской	—	2	39	191	230
Шельеюрской	—	3	64	340	348
Цилигорской	—	4	13	69	79
Духовных и воен. отставн. нижн. чинов.	—	—	2–5	2–110	2–105
Итого:	1	4	245	1243	1343
Сизябский	1 кам.				
с. Сизябском	1 кам.	1	151	791	832
д. Брякинской	—	2	26	130	128
Духовных и воен. отставн. нижн. чинов.	—	—	3–8	8–23	6–22
Итого:	1	2	188	950	988

Бакуринский с. Бакуринском д. Варышевской Итого:	1 дер. 1 дер. — 1	1 2 2	69 52 121	365 279 644	399 302 701
Ижемский с. Ижемском Духовных и воен. отставн. нижн. чинов. Итого:	2 кам. 2 кам. — 2 кам.	1 — 1	284 32 316	1004 71 1075	1094 69 1163
Мохченский В с. Мохченском д. Злобской д. Гамской д. Костельской Духовных и воен. отставн. нижн. чинов. Самоедов оседложивущих Итого:	1 кам. 1 кам. — — — — — 1 кам.	1 2 3 4 — — — 4	297 63 75 18 2–6 4 465	1260 244 302 85 4–18 16 1929	1317 268 344 71 5–16 26 2047
Ластинский В с. Ластинском Духовных и воен. отставн. нижн. чинов. Итого:	1 дер. 1 дер. — 1 дер.	1 — 1	47 2–2 51	236 3–10 249	256 5–8 269
Мощьюгский с. Мощьюгском д. Щельской д. Картаельской Духовных и воен отставн. нижн. чинов. Итого:	1 дер. 1 дер. — — — 1 дер.	1 2 3 — 3	57 18 28 1 103	229 64 108 6–49 456	236 87 135 4–42 504
Поромовский с. Поромовском д. Кедвавомской д. Винленской д. Порогской д. Усть-Сюзской д. Усть-Ухтинской Великопожнинской Духовных и воен. отставн. нижн. чинов. Итого:	1 дер. 1 дер. — — — — 1 дер. При- писная. — — 2 дер.	1 2 3 4 5 6 7 — 7	36 31 8 11 7 22 8 14 137	139 180 39 62 25 123 37 81 686	144 180 38 63 32 123 40 80 700

В благочиние входили девять самостоятельных приходов. На территории находились 10 церквей: три каменные, семь деревянных. Приписных деревянных церквей – 2, училищ Министерства народного просвещения – 3 (СС. Красноборск, Ижма, Мохченское) и одна церковно-приходская школа (с. Сизябское), сел и деревень – 28, домов разных владельцев – 1775, жителей мужского пола – 7810, женского – 8310, всего жителей – 16120 душ. По карте мы видим, что самый большой по площади – приход Поромовский, он же включал в себя наибольшее количество деревень. Самые большие по количеству прихожан приходы Мохченский (3976 душ) и Красноборский (2586 душ), самый маленький – Ластинский (518 душ).

Источники и литература

1. Атлас Архангельской епархии. Архангельск, 1890. 60 с.
2. Силин В.И. Карта Печорского края, составленная Боровским в 1853 г. как демографический источник // Историческая демография. 2019. № 2 (24). С. 75–77.
3. Архангельская епархия. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/31091.html>
4. Епископ Нафанаил // «Древо» – открытая православная энциклопедия // <https://drevo-info.ru/articles/13672070.html>

О.А. Куратов*

**Обзор делопроизводственных и статистических источников
изучения миграционных процессов на территории Европейского Севера
во второй половине XIX века****

В статье производится обзор делопроизводственных документов центральных и местных органов государственного управления, созданных во второй половине XIX в. и позволяющих изучить миграционные процессы на территории Европейского Севера (Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний) и уточнить судьбы значительной доли крестьянства России в пореформенную эпоху.

Ключевые слова: миграции, делопроизводственные источники, статистические источники, Европейский Север России

О.А. Kuratov

**Review of clerical and statistical sources for studying
migration processes in the territory of the European North of Russia
in the second half of the 19th century**

The article reviews the records of central and local government bodies created in the second half of the XIX century, which allow us to study migration processes in the European North (Arkhangelsk, Vologda and Olonets provinces) and clarify the fate of a significant proportion of the Russian peasantry in the post-reform era.

Key words: migration, clerical sources, statistical sources, European North of Russia

Изучение миграционных процессов на территории Европейского Севера во второй половине XIX в. позволяет уточнить судьбы значительной доли крестьянства России в переломную эпоху, а также дает возможность расширить представление о его демографической структуре и социально-экономическом положении. Со всей полнотой это возможно сделать лишь при наличии достаточной источниковой базы.

Историками, изучавшими социально-экономические и демографические процессы на территории Европейского Севера, накоплен значительный опыт обработки разных видов источников. Однако специальной работы по источниковедению миграций на обозначенной территории нет. В данной статье анализируется комплекс делопроизводственной и статистической документации по территории Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний (в исторической и историко-демографической литературе к Европейскому Северу принято относить именно эти три губернии), созданный во второй половине XIX в.

В общем плане делопроизводственные документы являются продуктом канцелярской деятельности центральных и местных учреждений (на территории вышеуказанных губерний). Комплекс делопроизводственных документов разбросан по разным архивохранилищам: Государственном архиве Вологодской области (ГАВО), Государственном архиве Архангельской области (ГААО), некоторые документы встречаются и в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Комплекс документации неоднороден по составу. Можно выделить два уровня делопроизводства: центральный и местный (региональный). Центральный уровень делопроизводственного оборота документов представлен главным образом документами Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел Российской империи. К местному (региональному) относится делопроизводство губернских органов по учету земельной собственности и контроля перемещений крестьянства.

Прежде всего, рассмотрим делопроизводственную документацию Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел Российской империи (далее – ЦСК), который выделился в качестве само-

* Куратов Олег Александрович (Сыктывкар) – аспирант, младший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических проблем Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая д. 26; e-mail: kuratov.oleg@mail.ru

** Публикация подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

стоятельного учреждения в 1863 г. [1, с. 164]. Основная функция Комитета заключается в сборе статистических материалов, их анализе, классификации и предоставлении в соответствии с установленными сроками. С 1866 г. издавался «Статистический временник Российской Империи» – главное печатное издание Центрального Статистического Комитета. [2, с. 55]. Самая большая коллекция документов, связанных с деятельностью комитета собрана в Российском государственном историческом архиве (РГИА, Ф-1290). Здесь собраны материалы, отражающие статистические сведения о численности и движении населения по губерниям России, об иностранных подданных, проживающих в России (по губерниям), а также статистические описания городов и губерний [4].

Одновременно с созданием центрального статистического комитета в начале 1830-х гг. в российских губерниях создаются самостоятельные административно-статистические органы – губернские статистические комитеты (далее – ГСК) [5, с. 52]. В Архангельской, Вологодской и Олонецкой губернии имелись свои губернские статистические комитеты. Перейдем к более подробному анализу деятельности комитетов на примере Архангельской и Вологодской губерний.

Архангельский губернский статистический комитет (далее – АГСК) был создан в апреле 1835 г. и был одним из территориальных учреждений ЦСК при МВД. В 1917 г. реорганизован в Статистическое бюро Архангельской губернской земской управы.

Члены статистического комитета по приказу губернатора периодически выезжали в разные места губернии для того, чтобы на месте проверить и дополнить сведения, собираемые официальным путем. ГСК должен был собирать, проверять и приводить статистические сведения в единообразный порядок, заносить их в таблицы по полученным от статистического отделения МВД формам, составлять по этим сведениям точные описания губернии в целом или отдельно по некоторым отраслям хозяйства, промышленности и торговли.

Комитет самостоятельно издавал собственные труды. Все издания, которые были выпущены комитетом, можно разделить на следующие группы:

1. Журналы и протоколы заседаний статистического комитета, отчеты «о действиях и занятиях»;
2. Ведомости о числе ремесленников, промышленников, числе фабрик и заводов, посевах и урожае хлебов, животноводстве, сведения о промыслах, экономическом положении крестьян, о сборе повинностей, движении населения, заболеваниях населения в губернии, народном образовании;
3. Издания комитета, выходившие ежегодно или с некоторой периодичностью: труды, сборники, памятные и справочные книжки, адрес-календари [9].

Вологодский губернский статистический комитет (далее – ВГСК) был создан в 1835 г. [10]. Большая часть документов ВГСК хранится в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО. Ф-17).

На основании материалов, хранящихся в ГАВО, можно проанализировать сущность документа, который каждый год готовил любой ГСК, – всеподданнейшего доклада губернатора и приложения к нему. Доклад представлял собою сложный акт, содержащий немалое число таблиц. Приложения и таблицы составлялись на основе статистических сведений, представлявшихся исправниками, духовенством, представителями судебных и учебных учреждений, казенными палатами, земскими управами. Сначала статистическим комитетом заполнялось 77 таблиц, отсылаемых далее в министерство. В 1857 г., ввиду трудности сбора информации, количество таблиц было сокращено до 13. В них отмечалось количество населения по сословиям и вероисповеданиям, количество родившихся и умерших, количество браков, населенных местностей домов в населенных пунктах, храмов и иных богослужебных зданий, количество заводов и фабрик, ремесленников и выданных торговых свидетельств [11]. В акте отсутствует раздел, который бы полноценно освещал перемещения жителей внутри губернии либо за ее границы. Но в отчетах предоставлены детальные сведения о доходности отхожих промыслов, которые определяются как временные трудовые миграции – уход крестьян из деревень, т.е. с мест постоянного жительства, на заработки в районы развитой промышленности и сельского хозяйства. В таблицах представлены основные отхожие отрасли, которые притягивали местное население, что дает возможность дать оценку масштабу и динамике развития отходничества.

Нужно указать на ряд проблем, с которыми приходится столкнуться при изучении материалов статистических ведомств. Известный советский историк, специалист по исторической географии В.К. Яцунский отмечал, что при изучении динамики массовых явлений прошлого историку приходится сопоставлять между собою данные различных статистических источников. В свою очередь это осложняется их неполнотой и отрывочностью сохранившихся данных [12, с. 34]. Те же положения можно отнести и к данным ГСК.

Перейдем к анализу региональных делопроизводственных документов, содержащих информацию о внутренних и внешних миграциях крестьян.

Дела о переселении крестьян в другие губернии (внешние миграции) содержат фонды Вологодского губернского присутствия [13]. Присутствие являлось административно-судебным учреждением, осуществляло контроль за деятельностью участковых земских начальников и органов крестьянского самоуправления.

Интерес представляет дело о переселении в Сибирь крестьян Небдинской, Корткеровской, Богородской и Усть-Куломской волостей Усть-Сысольского уезда в связи с постоянными неурожаями в 1868–1871 гг. Документ содержится в фонде Канцелярии вологодского губернатора [14].

Внутренние миграции крестьян находят отражение в фонде Вологодского поземельно-устроительного отряда по составлению и выдаче владенных записей государственным крестьянам [15]. Отряд занимался размежеванием, составлением и выдачей владенных записей государственным крестьянам, рассматривал прошения крестьян о переселении на новые земельные участки.

Сведения о количестве населения, деревень, землевладений крестьян, их переселении дают нам и документы Управления земледелия и госимуществ Архангельской губернии [16], которое управляло государственным имуществом, и осуществляло попечительство над государственными крестьянами, иностранными поселенцами, кочующими народами. Особую группу крестьянства составляли половники, которые всегда сохраняли право перехода. Дела о переселении крестьян-половников Вологодской губернии на казенные земли можно обнаружить в фонде Вологодского управления земледелия и государственных имуществ [17], которое, помимо прочего, ведало переселением крестьян.

Сведения о нуждаемости крестьян Вологодской губернии в переселении и статистические сведения о движении переселенцев содержит и делопроизводственная документация Вологодско-пермской партии по отводу земель в северных и северо-восточных губерниях европейской части России [18].

Итак, миграционные процессы на территории Европейского Севера во второй половине XIX в. нашли отражение в большом числе делопроизводственной и статистической документации. Документы, созданные губернскими статистическими комитетами, делопроизводство губернских органов по учету земельной собственности и контроля перемещений крестьянства являются важным источником по проблемам социально-политической и экономической жизни, позволяют расширить представление о миграционных процессах на Европейском Севере в пореформенную эпоху.

Источники и литература

1. Министерство внутренних дел: [1802–1902]: Ист. очерк. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1902. 225 с. URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/4045-ministerstvo-vnutrennih-del-1802-1902-ist-ocherk-spb-1902> (дата обращения: 09.10.2019).
2. История российской государственной статистики: 1811–2011. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. 143 с.
3. Высочайше утвержденное Положение об устройстве статистической части при Министерстве Внутренних Дел // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XXXVI. № 39566. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1885 гг. С. 412–414. URL: <https://runivers.ru/lib/book3136> (дата обращения: 09.10.2019).
4. РГИА. Ф. 1290. Оп. 4.
5. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917 г.: В 4-х т. Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 2000. 302 с.
6. Бондарева Г.А. Становление статистики в российской провинции: середина XIX столетия – 1917 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012. 23 с.
7. Еремеева В.Л. Губернские статистические комитеты 1860–1890-х годов и развитие исторической науки в Российской провинции (на материале Костромской и Ярославской губерний) // Вестник КГУ. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gubernskie-statisticheskie-komitety-1860-h-1890-h-godov-i-razvitie-istoricheskoy-nauki-v-rossiyskoy-provintsii-na-materiale-kostromskoy-i> (дата обращения: 20.10.2019).
8. Захарова И.М. Провинциальные статистические комитеты Северо-Запада России: из истории становления отечественной статистики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 36 с.
9. Издания Архангельского губернского статистического комитета // Электронная краеведческая библиотека «Русский Север» [Электронный ресурс]. URL: <https://ekb.aonb.ru/index.php?id=26> (дата обращения: 12.10.2019).
10. ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
11. ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 383. Л. 1.
12. Яцунский В.К. О применении статистического метода в исторической науке // Исследования по отечественному источниковедению: сборник статей, посвященных 75-летию профессора С.Н. Валка. М.: Наука, 1964. С. 26–36.
13. ГАВО. Ф. 29. Оп. 1.
14. ГАВО. Ф. 18. Оп. 2.
15. ГАВО. Ф. 743. Оп. 1.
16. ГААО. Ф. 115. Оп. 1.
17. ГАВО. Ф. 276. Оп. 1.
18. ГАВО. Ф. 299. Оп. 1.

УДК 930.2:314.148:303.425.5(=511.132)(470.13)"1958"

*Л.П. Лашук, Л.Н. Жеребцов**

Материалы к этнической истории сысольских коми. (Из отчета Сысольской этнографической экспедиции Коми филиала АН СССР 1958 года)**

Общие сведения.

Этнографический отряд в составе начальника – ст. научного сотрудника Лашука Л.П. и мл. научного сотрудника Жеребцова Л.Н. в 1958 г. с 12 июня по 12 августа производил исследования в бассейне р. Сысолы. Экспедиционный маршрут сложился следующим образом: из Сыктывкара отряд вылетел самолетом в Койгородок, а оттуда направился в Кажим, с которого собственно и началась полевая работа; далее отряд, спускаясь вниз по Сыsole, производил исследования в Койгородке, Ужге и Палаузе Койгородского района, в Пыелдине, Визинге, Куратове, Сталине, Вотче, Межадоре и Чухломе Сысольского района, в Ибу, Пажге, Лозыме, Шошке и Нювчине Сыктывдинского района. <...>

Данная экспедиция является продолжением этнографических работ в Коми АССР, начатых с 1951 г. Целью ее предполагается изучение этнографической специфики населения бассейна р. Сысолы. <...> Работа пойдет по следующим основным направлениям: <...>. 2. Сбор материалов, относящихся к этнической истории. Сюда включаются народные предания о происхождении сысольских коми, отдельных селений, фамилий, о коми-русских этно-культурных связях и т. д. <...>

Материалы архивные.

В период подготовки к экспедиции, а в особенности при обработке полевого материала, нам постоянно приходилось обращаться к архивным материалам по самым различным вопросам. В первую очередь были использованы документы феодальной эпохи (XV–XVIII вв.), главным образом писцовые и переписные книги 1585–86, 1608, 1646 и 1678 гг., а также материалы переписей 1707, 1710, 1720 и 1784–86 гг. На основании их удалось проследить движение народонаселения и некоторые особенности территориально-«земледельческого» (волостного) группирования коренных жителей Севера. <...>

Изучая быт сысольских крестьян и горнозаводских рабочих в XIX – нач. XX в., мы столкнулись с необходимостью опираться в своих заключениях не только на устную информацию здешних старожилов, но и на документальные источники – волостную и земскую отчетность и статистику пореформенного периода. Хотя в фондах ЦГА Коми АССР [совр. *Национальный архив Республики Коми*] эта отчетность представлена очень неполно и примитивно, все же она существенно дополняет и уточняет материалы этнографических записей.

* **Лашук Лев Павлович** (1925–1990) – доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета. В 1950–1960 гг. работал в Коми филиале АН СССР. **Жеребцов Любомир Николаевич** (1925–1991) – кандидат исторических наук, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР.

** В Научном архиве Коми НЦ УрО РАН хранится несколько обстоятельных отчетов об этнографических экспедициях 1958–1971 гг., в которых участвовали Л.Н. Жеребцов и Л.П. Лашук. Эти отчеты содержат, в частности, различную информацию о миграциях, этническом составе и численности населения различных районов Коми края в разные исторические периоды, значительная часть которой не была опубликована названными исследователями и которую редколлегия журнала «Историческая демография» считает важным представить читателям журнала в рубрике «Научное наследие». В этом номере мы публикуем фрагмент научного отчета об экспедиции 1958 г., подготовленного Л.П. Лашуком и Л.Н. Жеребцовым в 1959 г. и хранящегося в Научном архиве Коми научного центра УрО РАН (Ф. 1. Оп. 2. Д. 37. 214 мпс.). Отчет был обсужден и принят производственным заседанием отдела истории, этнографии и археологии 11 мая 1959 г. К отчету прилагался альбом иллюстраций. Публикуемый фрагмент текста находится на листах 2, 4, 15–27, 40–61, 76–84 и подготовлен к публикации сотрудниками ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН д.и.н. И.Л. Жеребцовым и Л.Я. Каневой. В квадратных скобках даны необходимые пояснения и примечания публикаторов. Нумерация сносок при публикации изменена с постраничной на сквозную.

Прежде всего нас интересовали данные о движении народонаселения, крестьянских миграциях и отходничестве, составлявших одну из характерных черт пореформенного развития Коми края в целом и Сысолы в особенности. Недостаток удобных для обработки земель, частые голодовки, разорение и обезземеливание крестьян создавали в сысольских сельских «обществах» «избыточное» население. В 1865 г. правительство издало специальное положение, разрешавшее переселения коми крестьян в Сибирь на «вольные земли» [1]. Этим воспользовались многие разоренные хозяйства. Например, в 1867 г. изъявили выйти из Вотчинского общества и переселиться в Тобольскую губернию 59 семейств в составе 156 мужчин и 149 женщин. Из них сразу же уехали 18 семейств (36 мужчин и 38 женщин), за пионерами потянулись и другие, но кое-кто, раздумав, остался на прежнем месте жительства [2]. В следующем году состоялись переселения 2 семей в Чарымскую вол. и 1 семьи в Барнаульскую вол. Бийского уезда Томской губ. [3].

Подобные переселения имели место почти во всех сысольских волостях. Вначале они имели форму «аграрных» переселений, т. е. крестьяне, бросая насиженные места, уходили в Сибирь, чтобы возобновить свое земледельческое хозяйство. Но позднее, начиная с 80-х годов, в связи с развитием ремесленного отходничества, очень часто практиковались переселения в города и промышленно-торговые центры Приуралья и Сибири.

Например, по Межадорской волости в 1887 г. отдельные крестьяне находились в отлучке: в Петербурге, Архангельске, Челябинске, Тюмени, в Калуге и Оханске Пермской губ., в Соловецком монастыре [4]. При этом большинство отходников просило волостное правление о возобновлении годовых паспортов, значит, эти лица подолгу проживали в указанных городах. Имеются указания, что такой-то крестьянин «уж давно проживает (там-то) по паспорту» [5]. В 1893 г. Межадорское волостное правление выдает «до 187 видов отлучившимся в разные губернии и уезды, а также проживающим с давних пор в Сибири» [6].

В начале XX в. отходничество с долгой (по несколько лет кряду) отлучкой развивается еще более. Межадорские крестьяне проживали и занимались ремеслом и мелкими промыслами в Пермской губ. – в Чердыни, Долматове, Верхотурье, Лысьвенском заводе, Ирбитском и Камышловском уезде, в самой Перми; а также в Петербурге, Н-Новгороде, Челябинске, Екатеринбурге, Барнауле, Чите, в Вятке и Костромской губ., в Томской, Оренбургской, Тобольской губ. Большинство отходников, утрачивая связи с местом приписки – родной волостью, просило возобновления пятилетних или даже бессрочных паспортов [7].

Примечательно прошение Ив. Вас. Худяева, приписанного к Вильгортской волости. Отец его выбыл из Вильгорты в 1862 г. и 42 года постоянно проживал в Сибири, хотя подати и платил по старому местожительству, имел детей, в том числе и просителя, который уже 18 лет (с 1886 г.), как поселился в селе Коробейникове Томской губ., имел собственный дом и хозяйство, а также занимался столярным делом. Худяев просил об окончательном перечислении его по фактическому месту жительства [8]. Похожей была судьба и многих других крестьян, ушедших с Сысолы в давние годы и занимавшихся промыслами по многим уездам и губерниям.

Интересны суммарные характеристики хозяйства сысольских крестьян, извлеченные нами из фонда податного инспектора Устьсысольского уезда. Приведем некоторые из них относительно состояния на 1886 г.

Вотчинская волость. «Экономическое положение крестьян зависит главным образом от хлебопашества, затем увеличению денежных средств служат скотоводство, охота, рыболовство, сплав леса и отхожие промыслы. Между последними существенное значение имеет портняжное ремесло». «Земли не хватает, постоянно споры и захват угодий как между отдельными лицами, так и между селениями. Особенно страдают жители Куниба и Шорьйса. Мало расчисток из-за отсутствия удобных мест. Один из 3–4 неурожайный». Отхожими промыслами (портняжество, катание обуви, битье шерсти и т. д.) занимаются 300 чел. С сентября до апреля, выручка до 6 000 руб. Охотой заняты 100–150 чел., добыто рябчика до 600 пар и белки до 1500 штук на общую сумму 800–1000 руб. Рыболовство промыслового характера не имеет, ловят рыбу почти все. Заготовка и сплав сортового леса прежде давали значительные заработки, но теперь заготовки почти нет... [9].

Сретенская волость. Налоги уплачивались исключительно от заработков и промыслов – плотничного, кузнечного, пилки, извоза и продажи дров, от производства различных крестьянских изделий, например, телег, саней, дровней, сох, борон, граблей и т. д., от охотничьих и отхожих промыслов. Выдано паспортов 355, преимущественно мужчинам на отлучку в Пермскую, Вятскую губ., а также в свой уезд. Крестьяне арендуют от казны лесные полянки и занимаются половничеством у мещан г. Усть-Сысольска за половину урожая хлеба и сена (до 100 дес.) [11].

Палаузская волость. Сборы платят частью от отхожих промыслов (портняжество и т. д.), частью от заготовки сортового леса, а остальные от продажи разных хозяйственных продуктов, наловленных зверей и птиц. Всего заняты промыслами 210 чел., из них 40 заготавливали сортовой лес, 45 охотничали, остальные были в отхожем промысле. Паспортов выдано 124 крестьянам в Пермскую и другие губ., из них часть живет там с семьями постоянно. Переделов земли не производилось, а только уравнивания между отдельными хозяевами. В урожайные годы хлеба вообще достаточно, но у бедных никогда не хватает и покупают у богатых своих и со стороны. В корм скоту употребляют яровую, реже ржаную солому [11].

Ужгинская волость. Сборы платят частью от промыслов, но в большинстве от работы на заводах по добыче и перевозке руды, перевозке чугуна, угля и дров. Заняты портняжеством 17 чел., охотой – 42 чел. Выдано 13 паспортов для отлучки портных в Пермский и Верхотурский уезды. Не имеют в пользовании земли 14 хозяйств, так как занимаются заводскими работами. Своего хлеба всем крестьянам не хватает, покупают на месте рожь 70 коп. и ячмень 60 коп. за пуд. Земельное уравнивание бывает раз в 10–15 лет, аренда и переделы не практикуются. Скота немного, на всю волость 236 лошадей, коров 370, овец 300 голов [12].

Данные по отдельным волостям и сельским обществам существенно дополняют эти краткие характеристики. Так, согласно отчетам Межадорского волостного правления с 1888 по 1909 г., местные крестьяне занимались комплексными неспециализированным хозяйством: земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством, заготовкой и сплавом леса, отхожими промыслами. В летнее время межадорцы никуда не отлучались, будучи всецело занятыми сельским хозяйством. Сеяли главным образом рожь и ячмень, немного овса. Пшеницы и гороха. По площади высева двух первых культур был примерно равным. «Пшеница сеется в самом ничтожном количестве – фунтами, и не более как 10 лицами в обществе». Средним считался урожай: ржи – сам-5, ячменя – сам-8, овса – сам-4. Сажали также до 150 четвертей (1200 пудов) картофеля, а из огородных культур – капусту, морковь, лук, редьку, репу, галанку (брюкву). «Из картофеля приготавливаются различные кушанья и похлебку, частью паренье. Капуста в кочках с осени варится в котле, квасится в кадках с солью».

Собственного хлеба хватало не всем крестьянам: «бедняки частью покупают», однако «достаточные крестьяне продают хлеб». В Межадоре и соседних волостях производилась скупка хлеба устьесольским купцом А.Ф. Кузьбожевым ежегодно до 2 тыс. пудов. О земледельческих орудиях сказано, что это обычные деревянные соха и бороны, железные ральники к сохам изготовлялись местными кузнецами. Переделов земли не бывало, но практиковались разверстка земельных угодий с целью уравнивания оных между домохозяевами.

Скота межадорцы держали немного. В 1893 г. на 431 двор приходилось 588 лошадей, 1700 коров и 1275 овец. Большинство крестьян имело по одной рабочей лошади. «С двумя лошадьми и более из числа 431 домохозяев можно найти не более 1/5 части (86 хоз.), а с тремя и более только 5 домохозяев». Лошади низкопородные: «лошади местной породы и никаких улучшений пород не имеется». Из неzemледельческих «главный промысел-заготовка и сплав сортового леса с верховьев Сысолы». В 1888 г. этим занимались 70 чел., добыли 6 тыс. бревен на сумму 3 тыс. руб. 150 чел. охотничали, добывали 1500 белок и 1500 рябчиков на сумму 540 руб. Извозом пробавлялись 80 чел., были в отлучке в других губерниях 40 чел. (портные, пимокаты), но на местных горных заводах никто не работал [13].

По данным Вильгортского волостного правления, на рубеже XIX и XX вв. средним крестьянином считался владелец одной лошади, двух-трех коров, высевающий озимого хлеба от 2 до 5 пудов, а ярового раза в два больше [14]. О крестьянах Кибринской волости сообщается в 1893 г., что многие из них разрабатывают подсеки и новины, причем примерное соотношение посева хлебов на пашне и на новых расчистках в пудах на двор такого: на пашне озимого хлеба от 1 пуда до 3–4–5, а ярового хлеба (ячменя) от 1 пуда до 3–5, тогда как на расчистке – свыше 1 пуда и до 10 пудов [15].

В полном цифровом выражении можно показать состояние сельского хозяйства Воронцовской (Пыелдинской) волости в 1913 г.

Селения	Число дворов	Количество пахотной земли (дес.)	Количество скота			
			лошадей	коров и телят	овец	свиней
с. Пыелдино	119	134	141	528	389	14
д. Монастырская	25	29	28	126	121	3
Петуховская	11	11	15	47	45	1
Ревеневская	78	94	87	374	311	19
Боровская	27	38	33	135	91	8
Каргорт	40	45	44	211	156	7
Тепловская	11	13	12	71	50	5
Гаринская	21	24	24	97	71	5
Новинская	49	60	55	238	231	10
Шаньгинская	31	31	36	122	94	4
Заозерская	9	10	10	34	16	2
Сартопольская	57	62	66	273	221	9
Заозерская 2-ая	7	10	8	34	31	3
поч. Шуйский	3	1	3	5	3	–
Всего	488	586	562	2295	1830	90

Крестьяне Пыелдинской волости сеяли:

[Культура]	[Площадь]	[Сколько сеяли]	Урожай
Рожь	200 дес.	8 п. на дес.	сам 8
Ячмень	212 дес.	14 п. на дес.	сам 7
Овес	20 дес.	14 п. на дес.	сам 7
Картофель	10 дес.	300 п. на дес.	сам 5
Конопля	5 дес.	8 п. на дес.	сам 4
Лен	6 дес.	10 п. на дес.	сам 4

«Урожай хлеба и других полевых растений в волости можно сказать хорошим. Для продовольствия местного населения в течение года хлеба будет достаточно, но конечно при обычной ссуде из местного хлебозапасного магазина, да и у некоторых крестьян оставался запас хлеба от урожаев прежних лет» [16].

В конце XIX в. Сысола среди других районов Коми края занимала первое место по развитию мелких неземледельческих промыслов и отходничества. Данные на сей счет содержатся в материалах Управления податного инспектора Устьысольского уезда. В суммарном выражении эти данные за 1893 г. выглядят следующим образом.

Обзор ремесел и промыслов по волостям.

Вильгортская волость. Крестьяне имеют заработки от плотничества, кузнечного и столярного дела, ручных крестьянских изделий (телеги, сани, дровни, сохи, бороны, грабли и пр.), а также от извоза, охотничьих и отхожих промыслов. «В точности определить числящихся в обществе и занимающихся ремеслами и промыслами душ и какими именно, почти невозможно, так как известное лицо имеет здесь несколько видов промыслов, например, он же и плотник, и столяр и т. д. приблизительно надо полагать: плотников до 50, которые занимаются постоянно, кузнецов до 10, пильщиков – 2, печников – 6, извозчиков 60, отходников на пермские заводы до 30 чел.». Паспортов выдано 422, крестьяне отлучились в осеннее время преимущественно в Пермскую и Вятскую губ. и в свой уезд, из них часть находится в отлучке на постоянном жительстве [17].

Шешкинская волость. Плотников – 8 чел., столяров – 3, кузнецов – 4, катальщиков обуви – 5, портных – 2, стекольщиков – 2, охотников – 70, отходников на пермские заводы – 10, на соседний Ньючимский завод – 214 [18].

Пажгинская волость. Занимающихся ремеслом и находящихся в отпуске 15 чел. [19].

Ньючимское общество. Крестьяне Ньючимского общества никакими ремеслами не занимаются, кроме заводской литейной и поденной работы [20].

Ибская волость. В обществе практикуются промыслы и заработки: местные охотничьи – 200 чел., добыто белок 10 тыс., рябков 3 тыс. пар (6 тыс. штук); заготовка сортового леса – 78 чел., извоз – 140 чел., добыча руды – 55 чел. [21].

Межадорская волость. Занимались портняжеством, катанием обуви, заготовкой сортового леса – 350 чел., охотой – 220 чел. [22].

Вотчинская волость. Занимались портняжеством до 400 чел., охотой – 140, заготовкой леса 30. Паспортов крестьянам выдано 425. Большая часть на зиму в Пермскую и вятскую губ. по портняжеству и валенному ремеслу, откуда и возвращаются в феврале – марте. В летнее время отлучки не бывает [23].

Визинская волость. Охотой заняты 150 чел., отходников 520 чел. [24].

Палаузская волость. По отхожим заработкам по портняжеству и валяльному ремеслу до 140 чел., отходников – 30 чел., заняты заготовкой леса – 40 чел., извозом 18 чел. Паспортов выдано 100, большая часть крестьян отлучилась в сентябре на зиму в Пермскую и вятскую губ. по портняжному и валяльному ремеслам, возвращается в феврале–марте и часть отлучилась весной для сплава леса [25].

Воронцовская волость. На отхожих промыслах по портняжеству, шерстобитному и валяльному ремеслу до 520 чел., охотой – 10 чел. Паспортов выдано 500, большая часть отлучилась в Пермскую губ., а остальные в другие губ. [26].

Койгородская волость. Заняты охотой 200 чел., заготовкой леса – 50 чел., портняжеством – 30 чел., в Кажимском заводе добычей руды и возкой чугуна – 155 чел. [27].

Ужгинская волость. Портняжеством 30 чел., с сентября по апрель; охотой – до 100 чел., лесозаготовителей – 10 чел., заводской добычей руды – 100 чел. [28].

Киберская волость. Промыслы: охота, портняжество, шерстобитие и пимокатаное дело, отходников 350 чел. [29].

В начале XX в. число лиц, занимающихся различными мелкими промыслами, возросло, но это, как и прежде, были по преимуществу отходники, бродившие в поисках заработка в пределах своего уезда или, чаще, уходившие в соседние русские губернии. Наряду с обычным отходом в Вятско-Пермский край развивается и более дальний отход в Поволжье и Сибирь [30]. Ремесленников, работающих на месте, в своей деревне, было

сравнительно немного. Например, в Ибской волости мелкими промыслами, в том числе подсобными работами на Ньючимском заводе, были заняты несколько сот человек, но, «никаких кустарных ремесел в волости не развито» [31]. В Межадоре существовала выделка глиняной и деревянной посуды и лодок на продажу; чем в 1902 г. этим занимались всего 5 чел. [32]. Здесь же, в 80-х годах XIX в. упоминается кожевенный завод А.Ф. Никулина, фактически маленькая, примитивная мастерская. Хозяин «завода», он же и кустарь, использовал рабочие руки членов своей семьи, перерабатывая в год до 100 штук сырых кож на заказ [33]. Более было развито ремесло в приустьсыольских селениях. Так, в Вильготе работали на заказ и на продажу скорняки и сапожники. Красильщики, гончары [34].

Немаловажное значение имеет определение экономического тяготения отдельных сыольских волостей, так как последнее определяло и направление культурно- хозяйственных связей. Уже в конце XVIII в. крупную роль играл подымающийся г. Устьсыольск. Крестьяне многих сыольских волостей (вплоть до Визинги и Пыелдина) свои продукты промысла «продают в городе Устьсыольске и приезжающим в их селения купцам» [35]. Аналогичное явление имело место и столетие спустя. Так, согласно волостному отчету 1893 г., ярмарочная «торговля в селе Межадор не имеет развития по причине близости города и ярмарок бывающим в оном» [36]. Кроме того, устьсыольским купцом Кузьбожевым «хлеб закупается на строящейся в с. Межадор барке от крестьян Киберской, Визинской, Вотчинской и Межадорской волостей» [37].

Верховья Сысолы, волости Кобринская, Кажимская, Койгородская, Ужгинская и Гривенская, издавна входили в зону безраздельного влияния Вятского края. В последней четверти XVIII в. на Койгородскую пристань «в зимнее время привозится сухим путем хлеб из Вятского наместничества разных уездов, где погружении на барки отправляется от оной к Архангельскому порту» [38]. Судя по волостной отчетности конца XIX в., жители Кобры, Койгородка и других верхнесыольских селений недостающий хлеб «покупают в Вятской губ., по 90 коп. за пуд» [39]. Поволжско-вятские товары распространились по всей Сыsole. Например, в Межадоре «товар получается преимущественно из Вятки, частично из Устьсыольска, Н-Новгорода, Москвы» [40].

Своеобразной особенностью Сыольского этнографического района является то, что здесь с давних пор, с середины XVIII в., в гуще чисто крестьянского коми населения возникли три небольших очага русского горнозаводского населения Кажимского, Ньюпасского и Ньючимского заводов. За истекшие два столетия сами заводы и их людской состав оказали значительное влияние на окрестных жителей коми, которые работали посезонно при заводах, селились на заводской территории имели тесные связи с русскими рабочими, воспринимали от них язык и бытовые явления, вступали с русскими в обоюдные браки. <...>

Полевые этнографические материалы.

В полевых условиях члены отряда поставили задачу не только выяснить этнографическую специфику населения Сысолы в том виде, как она сложилась к началу социалистической реконструкции (что является обычным приемом этнографов), но и наиболее полно отразить ее в современных условиях, не из коренной национальности, оказывающих разностороннее влияние на старожильческое население. Современная Сыsола – не только земледельческий, но и крупный лесопромышленный район с многочисленными лесными поселками и сложившимися рабочими кадрами различного этнического происхождения. Сугубое внимание уделялось, конечно, вопросам этнической истории Сысолы в том аспекте, как ее представляет само население.

Исследуемый район, как известно, принадлежит к числу мест наиболее древнего поселения коми в бассейне р. Вычегды. Поэтому какая-либо память о происхождении сыольских коми, времени поселения их здесь и времени основания большинства крупных селений совершенно стерлась в сознании старожил. Предания о древности ограничиваются преимущественно рассказами о легендарной «чуди, ушедшей в землю». Любопытно, что, приписывая вотчинский затинный городок Карйыл той же «чуди», вотчинские старики указывают на то, что городок некогда сгорел. Согласно документальному свидетельству, так оно и было в действительности в 1599 г. Среди сыольских селений самым старым считаются Шешка, где имеется городище, и Пыелдино, где само название одного из «сиктов» – Каргорт – также указывает на возможное городище, следы которого давно исчезли. В этой же связи село Межадор (буквально – у межи, на меже) считается возникшим как раз на меже владений жителей шешкинского и пыелдинского городков. Но если речь о Межадоре зашла как о пограничном пункте, то вероятнее всего, что таковым он был по отношению к погостам Вотчинскому и Ибскому.

Существуют предания и о местах первоначального поселения на территориях современных сельсоветов. В Чухломском сельсовете рассказывают, что первые поселенцы обосновались на месте д. Старый Чухлом. Это были крестьяне Сельков и Сажин, первый родом из Шешки, другой, вероятно, из Межадора. Обе фамилии в пределах сельсовета и сейчас основные, численно преобладающие. Кстати, в писцовой книге 1608 г. сказано: «Починок Чухлом на речке на Вызенге стал ново после письма Ивана Огарева (т. е. после 1586 г.), двор Ерофейко Матвеев да сын его Федко молодчик, двор Офонька Первой молодчей».

В Визинге самой старой частью села считается «скит» Кольёль, а в Пыелдине – небольшая деревня Заозерье. Что касается последней, то в 1608 г. она была всего лишь маленьким починком «за рекою за Сысолою», явно не древнее других пыелдинских деревень, но поскольку, по преданию, в Заозерье найдены «чудские ямы», то в глазах здешних жителей это самое древнее место поселения. Откуда произошло название Пыелдино никто толком не знает, но здесь есть старое, совершенно заболоченное озеро «Пыелты» (между современным руслом Сысолы и расположенными на боровой террасе пыелдинскими сиктами). Видимо, здесь-то, у озера и следует искать следы первоначального поселения, а вовсе не в Заозерье.

В языковом отношении коренного коми населения Сысолы выделяются говоры верхнесысольский (Койгородок, Ужга, Грива), среднесысольский (от Пыелдина до Иба включительно), нижнесысольский (от Пажги, Лозыма до Сыктывкара). Первые два говора – «эловые», но имеют заметные различия по целому ряду фонетических и грамматических элементов, переходным между ними является говор с. Палауз, склоняющийся однако более в сторону среднесысольского говора. Жители Койгородского и Сысольского районов эту разницу хорошо знают и при опросе обычно указывают, что у них не так говорят, как в соседнем районе. Образование средне- и верхнесысольского диалектов исторически объясняется тем, что в XV–XVII вв. население Сысолы подразделялось на две большие территориально-земляческие группировки – «Сысольскую землю» и «волость Ужгу». Нижнесысольский говор в современном виде образовался, видимо, много позднее и явно под воздействием вычегодского «вэ-элового» говора. Это явствует из того, что черты последнего говора резко проявляются в Присыктывкарье и заметно убывают вверх по Сыsole, сменяясь уже в Ибу «эловым» говором.

Диалектные различия существуют и между отдельными группами селений и даже между соседними деревнями. Заметно выделяется, например, говор жителей Ибского сельсовета, который невозможно спутать с говором соседнего Межадора. В Вотче, расположенной от Межадора всего в 6 км, также говорят по-особому. Чем это объясняется, сказать трудно, но обращает на себя внимание то обстоятельство, что в XVI–XVII вв. между Вотчей-центром среднесысольских селений и Ибом-центром нижнесысольских селений существовали определенные территориально-земляческие различия (см. приложенную ниже статью Л.П. Лашука «Сысольский этнографический район Коми АССР»).

Межадор, известный в конце XVI в. в качестве небольшого и явно нового (без церкви) погоста, во всех отношениях всегда был ближе к Вотче и Визинге, нежели к Ибу, да и основан-то он был, по-видимому, выходцами из Вотчи и Визинги. Отметим, что при переписях 1646, 1678 и 1707 гг. Межадор описан вместе с Вотчей, с которой у него к тому же, согласно преданиям, существовала очень давняя связь по совместному совершению своеобразного религиозного культа – «встречи» вотчинской и межадорской чудотворных икон на горке возле Вотчи 13 июля каждого года.

Межадорские Аксеновы, Старцевы, Пыстины, Тырбылевы имеют однофамильцев в Вотче, Кунибе и Пуштоши, а межадорские Морозовы, Раевские (две основные здешние фамилии), Мамонтовы, Фроловы – преимущественно в Визинге. Сходство фамилий Межадора и расположенных ниже селений (Иба, Пажги) не столь выразительно. Можно указать лишь на проживающих там и здесь Конановых, Куликовых, Лапшиных, Томовых, причем кое-кто из них переселился в Межадор еще на памяти старожил. В частности, типично ибскую по происхождению фамилию Томов ныне носят всего 5 семей межадорской деревни Видзас, которая была основана здешними крестьянами дер. Морозовской лишь в начале XX в. [41].

Следует подчеркнуть, что нами придавалось особое значение установлению фамильного состава и происхождения наиболее характерных фамилий всех обследованных на Сыsole населенных пунктов. Это важно как в смысле конкретизации вопроса о непосредственных связях (соседских, семейных) между отдельными селениями, группами селений и целыми районами, так и для определения главных направлений крестьянских миграций с Сысолы и на Сысолу. <...>

В том и в другом аспектах важным было сопоставить фамильный состав сысольского населения на современном этапе и в начале XVIII в., когда фамилии впервые стали заноситься в переписные листы полностью. Для этого мы привлекли данные похозяйственных книг сысольских сельсоветов на 1958 г. и материалы переписной книги 1720 г.

Фамилии Сысолы

Вильгорт и соседние деревни	
Современные	Начала XVIII в.
Бараксанов	
–	Богданов
Вавилин	Вавилин

Ватаманов	Ватаманов
Власов	—
Денисов	—
Елькин	Елькин
Жаков	Жаков
Жижев	—
Забоев	—
Игушев	—
Костин	Костин
Кузиванов	Кузиванов
Кочев	Кочев
Киселев	Киселев
Корычев	Корычев
Кузьпелев	Кузьпелев
Каликов	—
Козлин	—
Кузьчуктомов	—
—	Калимов
—	Карпов
—	Кирманов
Налимов	Налимов
Оплеснин	Оплеснин
Оверин	Оверин
Попов	Попов
Пылаев	Пылаев
Подюков	—
Рочев	Рочев
Савин	Савин
Сивков	Сивков
Сенькин	Сенькин
Сидоров	Сидоров
Тренев	Тренин
Холопов	Холопов
Худяев	Худяев
Чеусов	Чеусов
Шеболкин	Шеболкин
Шурганов	—

Иными словами, за 238 лет фамильный состав нижнесысолевских селений Вильгортского куста почти не изменился, появилось лишь несколько новых фамилий – Власов, Жижев, Забоев, Игушев, Подюков, Шурганов.

Лозым, Пажга и Гарья	
Современные	Начала XVIII в.
Аввакумов	—
Башлыков	—
Вавилин	—
Вишерский	—
Габов	Габов
Гилев	Гилев
Емельянов	—
Ильчуков	Ильчуков
Конюхов	Конюхов
Князев	Князев
Куликов	Куликов

Кучаев	Кучаев
Комлин	—
Конанов	—
Кузьбожев	—
Кызыюров	—
—	Конашевых
—	Кузиванов
Лапшин	Лапшин
Максимов	Максимов
Мелехин	Мелехин
Мелешев	Мелешев
Марков	Марков
Мартынов	—
Надуткин	Надуткин
Ненев	Ненев
Оверин	Оверин
—	Обросов
Падерин	—
Панюков	—
Поляков	—
Симаков	Симаков
Степанов	Степанов
Сивергин	—
—	Силин
—	Сыскин
Тимин	—
Шеболкин	—
Чудов	—

И по этому кусту наблюдается сходная картина: основная масса здешних фамилий относится к числу старожильческих.

Иб	
Современные	Начала XVIII в.
Белоголов	Белоголов
Бусов	Бусов
Безносииков	—
—	Безносов
Гришин	—
Демин	Демин
Захаров	Захаров
Колегов	Колегов
Костарев	—
Лоскутов	Лоскутов
Лапшин	—
Ляшев	—
Мальцев	Мальцев
Муравьев	Муравьев
Максимов	—
Мендеров	—
Митяшин	—
Осипов	Осипов
Патов	Патов
Постников	—
Раков	—

Сямтомов	Сямтомов
Таскаев	Таскаев
Томов	Томов
Туров	Туров
Худоев	Худоев
Чабанов	Чабанов

Следует отметить, что в ибских селениях в 1720 г. проживали также крестьяне, фамилии которых ныне здесь неизвестны: Носков, Кузнецов, Подюков, Запольский, Семин, Коржавин, Завьялов, Поротов, Раев, Климов, Тропин, Букарин, Морозов, Шуматрин. На всем протяжении Сысолы от Вильгорта до Иба, т. е. на расстоянии всего 40 км, сходные фамилии встречались и встречаются редко, каждая группа селений имела преимущественно собственные фамилии, что свидетельствует о длительном господстве патриархального уклада и узких территориально-соседских связей, не выходивших далеко за пределы своего погоста, волости.

Рассмотрим теперь фамилии средней Сысолы, т. е. селений, исторически тяготевших к Вотче и Визинге.

Межадор, Куниб, Пустошь	
Современные	Начала XVIII в.
Аксенов	—
Братенков	—
Гобанов	—
Давыдов	Давыдов
Еримов	Еримов
Истомин	—
Конанов	—
Красильников	Красильников
Куликов	—
Кутькин	Кутькин
Лапшин	—
Мамонтов	—
Морозов	Морозов
Никулин	Никулин
Оплеснин	—
Остапов	Остапов
Пешкин	Пешкин
Пыстин	Пыстин
Раевский	Раевский
Сажин	Сажин
Ситкарев	Ситкарев
Старцев	Старцев
Сыскин	—
Тихонов	—
Томов	—
Тыдорский	Тыдорский
Тырбылев	Тырбылев
Ушаков	Ушаков
Фролов	—
Чабанов	—
Шахов	Шахов
Щебенев	—
Юркин	—

Переписная книга 1720 г. знает также межадорских крестьян – Конюхова, Налимова, Репицына, Полумосквина, Тоинова. Первые две фамилии происходят: Конюхов из Пажги, Налимов из Вильгорта. Любопытно, что переписная книга отмечает в Вильгорте запустевший двор Налимова, который «сшел ради хлебной скудности». Позднее появившиеся в Межадоре Лапшины, Томовы, Чабановы распространились из соседнего Иба.

Вотча	
Современные	Начала XVIII в.
Бабков	Бобков
Васькин	Васькин
Васильев	—
Голосов	Голосов
Другов	Другов
Денисов	—
Ермолин	Ермолин
Кузьбожев	Кузьбожев
Кушманов	Кушманов
Лучкин	—
Мальцев	Мальцев
Молчанов	Молчанов
Москательников	—
Пешкин	Пешкин
Приезжев	Приезжев
Пыстин	Пыстин
Прокушев	—
Седьуров	Седьуров
Сенькин	Сенькин
Уродов	—
Филатов	Филатов
Чуманов	Чуманов

Кроме того, в 1720 г. здесь известны Бызов, Полев, Варламов, Зубов, Фунтиков. Фамилии Вотчи перекликаются с некоторыми фамилиями Куниба, Пустоши, Межадора. Но ничего общего не имеют со старожильческими фамилиями Иба (кроме Мальцева) и других нижнесельских селений.

Визинга	
Современные	Начала XVIII в.
Бажуков	Бажуков
Базаров	—
Безносииков	Безносииков
Безносов	Безносов
Беляев	Беляев
Бессонов	Бессонов
Бугаев	Бугаев
Вешняков	—
Головин	—
Голосов	Голосов
Дикоев	Дикоев
Домашкин	Домашкин
Делков	—
Зебарев	—
Канов	Канов
Колегов	Колегов
Кузнецов	Кузнецов
Кинев	—
Кочев	—
Кривошеин	—
Кропанев	—
Майбуков	Майбуков
Морозов	Морозов

Мамонтов	—
Митюшев	—
Модянов	—
Першин	Першин
Плешев	Плешев
Пельмегов	—
Потапов	—
Носков	Носков
Раевский	Раевский
Рочев	Рочев
Семенчин	Семенчин
Старцев	—
Сюрвасев	—
Третьяков	Третьяков
Турышев	Турышев
Тарачев	—
Трошев	—
Фролов	Фролов
Чередов	Чередов
Чугаев	Чугаев
Цыпанов	Цыпанов

Как видно из перечня, современная Визинга отличается великим разнообразием фамилий, из которых многие не были отмечены здесь в 1720 г., но тогда же известные в Кибринском погосте – Зебарев, Кинев, Мамонтов, Машкалев, Пельмегов, Старцев (последняя также в Межадоре). Переписная книга 1720 г. называет также ныне исчезнувшие визингские фамилии – Ляшев, Филатов, Батыров, Касев, Пятков, Квашнин, Полевин, Ляутов, Петухов, Тонков, Мизов, Карманов. Ляшевы ныне проживают в Ибу, Касевы составляют значительную часть с. Нижняя Вочь Усть-Куломского района, Квашнины – явная калька верхневычегодских Шомесовых, некогда переселившихся со средней Сысолы.

Кибра (Куратово, Сталино)	
Современные	Начала XVIII в.
Горинов	Горинов
Гонев	—
Зебарев	Зебарев
Кинев	Кинев
Киселев	Киселев
Кичигин	Кичигин
Колегов	Колегов
Костромин	Костромин
Котов	Котов
Куликов	Куликов
Куланов	—
Лазарев	Лазарев
Лушков	—
Лютюев	Лютюев
Машкалев	Машкалев
Момотов	Мамонтов
Некрасов	Некрасов
Парначев	
Пельмегов	Пельмегов
Пунегов	Пунегов
Сидоров	—
Супрядкин	—

Тоинов	Тоинов
Тутринов	Тутринов
Шадрин	Шадрин
Шибанов	Шибанов
Югов	Югов

Иначе говоря, почти все фамилии Кибры известны с давних пор. Некоторые из них, в частности, Гонев, Шибан (ов), Кисель (ев) упоминаются даже в переписной книге 1585–86 гг. По фамилии Кибра издавна имела четко выраженные связи с Визингой, Пыелдином и Палаузом (последнее см. ниже).

Пыелдино	
Современные	Начала XVIII в.
Безносов	Безносов
Братенков	Братенков
Бутарин	—
Горчаков	Горчаков
Ершов	Ершов
Желев	—
Князев	Князев
Кондратьев	—
Кочев	Кочев
Кривошеин	Кривошеин
Кропанев	Кропанев
Кузиванов	Кузиванов
Куликов	Куликов
Липин	—
Лукшин	Лукшин
Майбуров	—
Морозов	—
Нечаев	Нечаев
Пальшин	Пальшин
Петухов	—
Пунегов	Пунегов
Раевский	Раев
Родев	—
Скрипов	Скрипов
Смолин	Смолин
Старцев	Старцев
Сурин	—
Тарачев	Тарачев
Третьяков	Третьяков
Тюфяков	Тюфяков
Уродов	Уродов
Ушаков	Ушаков
Чарин	Чарин
Шаньгин	Шаньгин
Шарапов	Шарапов
Шишкин	Шишкин
Шуйский	Шуйский
Шустиков	Шустиков

Многие фамилии Пыелдина сугубо местные, но немало и таких, которые характерны также для Визинги, Кибры, Куниба, Межадора. Пыелдинские Уродовы имеют однофамильцев в Вотче, а Кузивановы – даже в Пажге и Вильгорте.

Фамилии Гривы и Ужги	
Современные	Начала XVIII в.
Бессонов	Безносов
Вольгин	Волгин
Володин	Володин
Грязных	Грязных
Данилов	Данилов
Истомин	Истомин
Карманов	Карманов
Кокшаров	—
Кондратьев	Кондратьев
Кузнецов	Кузнецов
Майбуров	Майбуров
Матвеев	Матвеев
Нечаев	Нечаев
Тебеньков	Тебеньков
Турышев	Турышев
Чесноков	Чесноков
Чугаев	Чугаев
Шарапов	Шарапов

Таким образом, за исключением Кокшарова (фамилия явно пришедшая, русского происхождения) остальные современные фамилии Гривы и Ужги бытовали уже в начале XVIII в., когда здесь проживали также крестьяне Антонов, Болотников, Колугин, Шилин, Белоглазов, Лебедев, Ушаков и даже Вежев и Чеусов (последние две фамилии – приустьсысольские).

Важно отметить и то, что хотя в XV–XVII вв. Ужгинская волость была обособлена от Сысольской волости (средняя и нижняя Сысола) и население ее имело особый говор, в XVIII в. начинается сближение между обеими территориально-земляческими группировками путем взаимообмена населения. Ужгинские Кузнецовы, Майбуровы, Турышевы и Чугевы явно происходят от переселенцев из Визинги, где эти фамилии издавна являются коренными и широко распространенными. Значительна также связь с Пыелдиным (сравни сходные фамилии Безносов, Нечаев, Кондратьев, Ушаков).

Около начала XVII в. между Ужгой и Пыелдиным возникло новое поселение Палауз, население которого XVII–XIX вв. представляло собой по говору и фамилиям переходную группу от среднесысольских к верхнесысольским коми.

Фамилии Палауза	
Современные	Начала XVIII в.
Богданов	Богданов
Бутарин	
Елохин	Елохин
Желев	
Завьялов	
Истомин	Истомин
Карманов	Карманов
Кокшаров	
Колипов	Колипов
Парфенов	Парфенов
Подоров	Подоров
Турышев	Турышев
Ушаков	—
Черных	Черных
Шишкин	Шишкин
Ярков	Ярков
—	Кузнецов

–	Михиевых
–	Савиных
–	Тремусов

В 1720 г. Завьяловых в Палаузе не было, но такая фамилия существовала тогда в Ибу, а затем исчезла. Палаузские Елохины тогда же имели однофамильцев в Кибре, что касается Подоровых, то с XVII в. и поныне основная масса их проживает на Выми.

Завершая обзор сысольских фамилий, считаем необходимым оговориться, что из современных фамилий выше перечислены только коренные; фактически же их больше в каждой группе селений, так как за годы советской власти, особенно в послевоенный период, произошло и происходит быстрое передвижение фамилий вместе с их носителями – рабочими и служащими. В качестве примера перечислим все фамилии центральной части с. Куратова – Погост, подразделив их на старинные, коренные и недавно занесенные:

Старые фамилии	Новые фамилии
Горинов	Ануфриев
Колегов	Беляев
Костромин	Елфимов
Куратов	Корольков
Момотов	Митюнин
Некрасов	Митюшев
Пельмегов	Никифоров
Пунегов	Сажин
Шибанов	Старцев
	Семенчин
	Туркин
	Холопов
	Чередов

Носителями новых фамилий, как правило, являются учителя, медицинские работники, служащие, приехавшие в Куратово преимущественно из Визинги и других сысольских селений. Сходная картина наблюдается и в других местах.

Неотъемлемой частью современной Сысолы являются многочисленные рабочие (лесные, лесосплавные, механизаторские) поселки, бурно развивающиеся в последние годы. Ныне такие поселки входят в состав всех без исключения сысольских сельсоветов. Влияние этих поселков на этнический состав, культуру и быт окружающего населения огромно. Здешние жители очень метко характеризуют состав постоянных рабочих как «интернационал». Действительно, рабочие имеют самую различную национальную принадлежность, велико число этнически смешанных семей и браков.

Это легко продемонстрировать на таких примерах. В новом поселке Седтыдор Ужгинского сельсовета проживает 119 семей. Из них чисто коми – 43 сем., русских – 32 сем., немецких – 7 сем., украинских – 5 сем., белорусских, татарских, чувашских, мордовских – по одной (т. е. всего 5 сем.). В общем же семей, все члены которых одной национальности, – 91. Остальные 28 семей смешанные, в том числе: коми-русские – 13, коми-немецких – 2, семей, где жена – коми, а муж – узбек, грузин, латыш, чуваш, поляк – по одной (всего 5 семей), всего здесь проживает не менее 20 семей, в которых жена или муж – коми.

В самой Ужге, как и в большинстве старых селений, преобладает коренная национальность коми, но здесь же бок о бок, на Базе ЛПХ, проживает много русских. В ужгинских деревнях появились уже смешанные коми-русские семьи. Пока их всего 13, но число подобных селений в ближайшие годы несомненно возрастает. Любопытно определение национальной принадлежности членов этих семей: в 4 случаях при русской жене муж и дети – коми; в 4 случаях при русском муже жена и дети – коми; в 2 случаях при коми жене муж и дети – русские; в 2 случаях при коми муже жена и дети – русские; в 1 случае двое детей и муж – русские, а двое других детей и жена – коми. Важно отметить, что во многих случаях инициатива в определении национальности детей принадлежит женщине, она относит их к своей нации, обучает родному языку.

Анализ этнического состава в поселке Подзь Палаузского сельсовета показывает, что на сто зарегистрированных семей приходится таких, где все члены одной национальности: коми – 42 сем., русских – 20, немецких – 12, украинских – 2; остальные 24 семьи – смешанные, из них коми-русских – 12, а также еще 6 семей, в которых жена – коми, а муж – мариец, казах, поляк, немец. В поселке Ёль-база Чухломского сельсовета на-

считывается 95 семейств кадровых рабочих. По этнической принадлежности они подразделяются следующим образом: коми – 52 сем., русских – 15 сем., украинцев – 5 сем., смешанных (коми-русских и пр.) – 21 сем.

Таким образом, в обследованных рабочих поселках складывается постоянное население с преобладанием коренной национальности, но при значительном (местами также преобладающем) участии людей приезжих – русских, украинцев и т. д. Разговорными языками здесь обычно выступают два – коми и русский. Лесные рабочие коми – люди преимущественно молодые или средних лет, хорошо знающие русский язык, обычно им пользующиеся, а при разговоре даже с другом легко переходящие с родного языка на русский и обратно. В их коми речи обильно представлены не только русские слова, но и целые обороты, синтаксические формы. Дети от смешанных браков знают два языка, но чаще отдают предпочтение русскому.

Знание русского языка среди людей различных возрастов вообще широко распространено по Сыsole, но не везде в равной степени. Оно более значительно в тех селениях, где издавна были развиты отходничество и работа при железоделательных заводах. Например, пожилое население Ужги, Койгорта, даже женщины, лучше владеет русским языком, нежели люди средних лет из Чухлома, Кибры, Иба.

В районе местных заводов в прошлом наблюдалось и обратное языковое воздействие коми на потомственных русских рабочих. Вот, например, что показал по этому поводу житель Ужги Вольгин, сам работавший на Нючпасском и Кажимском заводах: «заводские мастеровые были русскими, но многие из них понимали и даже говорили по-коми, ведь из года в год работали вместе с зырянами. Иному, что ни скажи по-нашему – поймет, или спросишь его по-русски, и он по-коми ответит. Только говорить на зырянском языке заводским было трудно: отвечали медленно, подбирая слова.

Местное население единодушно утверждает, что наиболее интенсивно русский язык стал распространяться по Сыsole в связи с развитием лесозаготовительной промышленности, т. е. примерно с 1930-х годов. К этому следует добавить и мощное влияние, идущее из русских городов, а также воздействие школы, печати. Кино, радио, всех форм культурно-просветительной работы, проводимой сплошь и рядом на русском языке.

<...> Этнографические наблюдения не оставляют сомнения, что до революции Сыsole являлась районом типичного северного земледелия со следующими отличительными чертами: во-первых, более благоприятными природными условиями, а поэтому и большим развитием земледелия, нежели на Вычегде, Выми, Удоре и Печоре; и во-вторых, меньшей долей в хозяйстве охоты и рыболовства, но наиболее значительной, по местным условиям, ролью ремесла и отхожих промыслов.

Большинство сыsoleвских селений, состоящих обычно из многих частей (сиктов), расположено на второй надпойменной террасе или на самых возвышенных участках, господствующих над рекой. Поля простираются вглубь материка на несколько км, занимают все мало-мальские пригодные для обработки склоны холмов и пологие откосы берега. Противоположные, низменные и заливные, берега Сыsole используются под сенокос и пастбища для скота. Для большинства районов Коми характерна тесная привязанность селений к рекам, на Сыsole это соблюдается далеко не всегда. Деревни здесь приурочены к местам, наиболее пригодным для земледелия, сплошь и рядом лежащим в стороне от реки на 1–2 и даже 5–6 км.

Наблюдается и такая закономерность: самые старые части селений располагались или располагаются в непосредственной близости от реки (д. Вадыб в Койгorte, д. Старый Чухлом в Чухломе и т. д.), более поздние «скиты» – всегда выше, на коренных уступах надпойменной террасы и даже на водоразделах. Замечается также стремление расположить жилые строения у тракта, обычно проходящего по возвышенной, удаленной от реки местности. Такой порядок существовал уже во второй половине XVIII в. Так, Межадор в 1784–86 гг. «селениями лежит... при большей столбовой дороге, лежащей из города Устьсыsoleвска в г. Лальск» [42].

Наиболее выразительным примером чисто земледельческого поселения является Кибра, которая состоит из 25 деревень по правой стороне р. Бубы (ныне с. Куратово) и других 17 деревень по левой стороне Бубы (ныне с. Сталино). Большинство деревень – небольшие выселки, возникшие в процессе непрерывного расширения полей, вначале ютившихся по склонам, обращенным к реке, затем поднявшихся на самую верхнюю террасу и распространившихся вглубь водораздела. В Ужге подобного рода выселки удалились от реки на 4–8 км., а деревня Шоломка – даже на 18 км.

<...> Отходничество оказывало на местный быт огромное влияние. Так как отходники портняжили преимущественно в русских городах и селах, то все они владели русским языком и стремились занести домой «из России» различные предметы обихода, бытовые новшества, музыкальные инструменты, песни, побывальщины, сказки, пляски и т. д. Например, в Пыелдине считалось обычным, что отходник отправлялся «в Россию» в домотканой одежде, но обратно он старался принести покупную материю фабричной выработки или готовую одежду, сшитую на городской лад. Точно также, присмотревшись к тому, как сооружают жилища русские крестьяне в Вятско-Пермском крае и в Сибири, сыsoleвские отходники старательно перенимали эти формы и совершенствовали свое жилище по виденному образцу. Характерно, что в Пыелдине – селе с наиболее развитым в прошлом отходничеством – существует великое разнообразие в типах жилища, не свойственных

значительной части Сысольского района. И, наоборот, в Ибу, где отходничество «в России» было не развито, длительное время сохранялись жилища старого «зырянского» типа.

К числу отхожих промыслов относились дровозаготовительные работы на уральских заводах (Богословском, Надеждинском, Вишерском и др.). Возникновение этого промысла относится еще к XVIII в., а в последующем столетии им занимались многие сысольские крестьяне, но главным образом лишь те, кто не знал много ремесел. Большинство коми отходников на уральские заводы составляли не сысоличи, а жители средне- и верхневычегодских волостей, для которых дровозаготовка была главным отхожим промыслом.

Кажимский, Нючпасский и Нювчимский железоделательные заводы, как отмечалось выше, широко пользовались услугами местного населения. Для койгородских, ужгинских, ибских и пажгинских крестьян работы по заготовке и доставке на заводы топлива, руды, глины, возке к пристани готовой продукции составляли традиционные занятия. Не случайно именно в этих селениях другие промыслы, например, портняжество, были развиты слабо, хотя и являлись более выгодными в смысле заработка. При заводах сысоличи работали целыми артелями, обычно подбиравшими из односельчан, со своими инструментами и лошадьми.

Так как по Сыsole проходили важные пути из Вятской земли, Приуралья и Поволжья, транспортировались по воде и по тракту многочисленные и тяжеловесные грузы (железо, хлеб), то естественно, что здешние крестьяне занимались извозом и ямской гоньбой. Для многих это был лишь побочный вид заработка, возможный при наличии тягловой силы и свободного времени, но некоторые хозяйства держали большее число лошадей, нежели требовалось для собственных нужд, и как бы специализировались на извозе. Ежегодно в Койгородке строились большие барки для провоза в Устьсыольск и Архангельск вятского хлеба и местного металла.

Наконец, следует отметить значительное участие сысоличей в лесозаготовке и лесосплаве, которые начали развиваться с 70–80-х годов прошлого столетия. Особого влияния на перестройку быта населения эти промыслы не сказывали, но содействовали сокращению охотничьего промысла, так как лесозаготовки считались разнообразием промысловой деятельности, выходившее за рамки местной жизни, что способствовало несколько более высокому уровню экономики, социальных отношений, материальной культуры, быта и идеологии населения, нежели, положим, на верхней Вычегде, Печоре, на Выми или Удоре.

<...> С развитием колхозного производства сысольское население стало более оседлым, отхожие промыслы для него давно уже не характерны. Как отхожий промысел в начале 30-х годов отмерло и портняжество. Наиболее искусные портные объединились в промартели, переселились частично в Сыктывкар или в другие области страны. Однако и сейчас в Визинге, Кибре, Пыелдине, Вотче многие колхозники, преимущественно пожилые мужчины и женщины, в свободное время по заказу производят пошив одежды на дому. Немало специалистов по выделыванию кожи, овчин, валянию и пошиву теплой и холодной обуви. Точно также в каждом селении есть кузнецы, слесари, плотники и столяры, мастера по изготовлению телег, саней, лодок (в верховьях Сысолы не только обычных дощаников, но и осиновок старинного типа), глиняной, деревянной и берестяной посуды, различных предметов обихода и утвари. Пожилые мужчины до сих пор мастера на все руки и стараются во всех случаях не прибегать к помощи иного специалиста.

Но, подчеркиваем, все эти формы кустарного и домашнего производства связаны с работой на месте при тесной связи с колхозным производством. Избыточного населения, как прежде, не наблюдается; наоборот, многие колхозы, механизированные базы, лесопункты постоянно нуждаются в рабочих руках. Развитие сельского хозяйства и промышленности ликвидировало былую диспропорцию между потребностями крестьянства и обеспечением их собственным хозяйством, между спросом и предложением рабочей силы на месте. Отлив населения в города происходит в форме ухода молодежи на учебу в ВУЗы, техникумы, специальные училища или в форме перехода на постоянное жительство в качестве рабочих и служащих. Промышленное население из коренной национальности создается и на местах в поселках лесозаготовителей, сплавщиков и механизаторов, которые, однако, сохраняют тесную связь с расположенными поблизости родными селами.

<...> За время Сысольской этнографической экспедиции были обследованы 15 сел (Койгородок, Ужга, Грива, Палауз, Пыелдино, Визинга, Межадор, Вотча, Чухлом, Куратово, Сталино, Иб, Пажга, Лозым и Шош-ка) и 4 рабочих поселка (Кажим, Нювчим, Мехбаза, Тыбью).

Общей характерной чертой для всех является значительная величина поселений. Села всегда состоят из нескольких деревень. Однако по степени слияния этих деревень в единое целое села заметно различаются. Такие, как Койгородок, Пажга, Лозым, Межадор, Визинга, Сталино представляют собой относительно единое поселение, в котором составляющие его части или уже объединились, или находятся в непосредственном соседстве друг с другом. Больших разрывов между ними нет. Другие типа Палауза, Иба, Шошки, Чухлома, Пыелдина, Куратова еще не слились и составляющие их деревни отделяются некоторым иногда значительным (до 2–3 км) расстоянием друг от друга (впрочем сельсовет объединяет деревни, расположенные на расстоянии до 20 км).

Во всех случаях самостоятельные названия для отдельных деревень продолжают сохраняться. Так, например, сельсовет Ужга состоит из деревень Погост, Ибпон, Вотцкая, Кобыльсикт, Вениб, Пустошь, Бездубово, Мырпонаиб, и Шоломка, а сельсовет Палауз из деревень Кыддзяшор, Вознесенская, Ярковская, Большая, Погост, Подгорье, Верхний конец, Кортель. В с. Пыелдино имеются около 20 деревень (дд. Потёвсикт, Раевсикт, Вичкодор, Озынпом, Юманьсикт, Манастыр, Заборье, Анигрезд, Волокпом, Гортвыл, Комигрезд, Кузивансикт, Шаньгинская, Бортом, Чаринсикт, Тяпорсикт, Теплой, Король-грезд и т. д.).

В с. Межадор выделяются дд. Утога, Ягдор, Грезд, Сёрд, Аныб, Шорсай, Картасикт, Погост, 2 Морозовские, Понгортуй, Ластапом, Мальёшор, Ыджыдшор, Видзас и т. д.

С. Чухлом состоит из дд. Денисовка, Керос, Семенсикт, Погост, Кируль, Мёдлапёл, Родь, Вильтуйдор, Ключ, Уличпом, Дал, Старый Чухлом, Важпушуп, Понельмыльк, Почершор, Лёккость, Жуод, Жуодбок, Ягдор.

В с. Вотча входят дд. Подгорье, Чумансикт, Ягвыл, Погост, Килянчой, Ляпин, Велпом, Ягдор, Панеель, Вадыб.

Деревни с. Куратово: Лемпуа шор, Шучи, Понил, Шорпом, Гутгрезд, Сердыв, Бубшор, Уличпом, Б.Ручь, Слобода, Мом, Сорма, Ивановская, Костин, Волим, Горей, Гобавцы, Гориновцы, Погост, Картасикт, Семановцы, Ждановцы, Клаловцы, Ягиб.

С. Сталино состоит из Куратчины, Чоййыва, М. Энталь, Савуковцев, Раевсикта, Уткавидза, Семушина, Кыкашора, Шорйыва, Сьёрда, Шор Ибпона, Прокопьевки, Расчойа, Мельниковцев, Дала, Высокогора.

Районный центр с. Визинга складывается из 24 населенных пунктов, причем многие имеют двойные названия – официальное и народное: Верхний конец – Катыдпом, М. Носково – Проволцы, Б.Носково – Кыруль, Черанево – Семенчин, Коршуново – Ластавыл, Дикоево – Дикёсикт, Тебеньково – Митюшсикт, Вырдысево – Цыпаново, М. Погост – Озын, Звенигород – Помачейпом, Б. Погост – Вичкодор, Колеговская – Пачагрезд (Бөрбгрезд), Нижний конец – Ултас.

Даже ближайшие к Сыктывкару села также складываются из отдельных еще не объединившихся деревень. Если в с. Вильгорт вследствие крупного нового строительства сейчас деревни быстро сближаются и сливаются в единое целое, то в с. Шошка, лежащее в стороне от трактовой дороги, где нет даже лесопункта и жилое строительство поэтому гораздо меньше, почти все деревни стоят отдельно (Шурганов, Вичкодор, Савингрезд, Педергрезд, Курьядор, Елегрезд, Ягкодж, Жувёд, Ягсбрег, Граддор).

Для сысольских селений наиболее типично расположение вдоль берега реки. Более двух третей осотренних сел располагалось непосредственно на береговой террасе (Койгородок, Ужга, Вотча, Визинга, Чухлом, Иб, Куратово и т. д.) и лишь незначительная часть возникла в стороне от реки (Палауз, Пыелдино, Межадор, Пажга) вдоль тракта. Вследствие незакончившегося процесса слияния сиктов разбросанность характерна для большей половины всех сел (Ужга, Грива, Палауз, Пыелдино, Чухлом, Иб, Шошка, Куратово). Остальные селения располагаются более компактно. Это главным образом районные центры и некоторые крупные села (Койгородок, Визинга, Межадор, Пажга, Лозым). Для многих сысольских селений (Палауз, Грива, Чухлом, Межадор, Иб) характерно расположение отдельных сиктов по береговым увалам и нередко на вершинах их. Таким образом можно считать, что типичнейшим для всех сысольских селений был гнездовой тип селения.

Планировка сысольских селений в основном двух видов: уличная и беспорядочная. Прибрежно-рядовая здесь мало характерна. Наиболее типичной является уличная. Правда, улицы весьма неправильные и извилистые. Расположение домов на них часто нарушается. Двухстороннее расположение фасадами на улицу встречается обычно лишь в центральных частях села. На окраинах дома стоят беспорядочно, так же как и задние ряды в центре. К поселениям, имеющим в основной части уличную планировку относятся Койгородок, Ужга, Палауз, Пыелдино, Межадор, Визинга, Пажга, Шошка и Лозым. Впрочем, некоторые из них могут одновременно считаться типичными и для беспорядочного расположения, как, например, Ужга, Иб, Шошка, так как уличные участки в них весьма не велики. Обычно эта центральная часть села или той деревни, которая является центром этого села. Рядовое расположение весьма заметно с сс. Иб, Куратово и Сталино.

В сысольских селениях нет единого типа планировки. Во всех в какой-то мере наличествуют оба упомянутые типа – и беспорядочный, и уличный. Объясняется это, видимо, тем, что старый тип планировки был беспорядочным. Люди селились ближе к собственным полям и по возможности к своим родственникам. Отсюда также наличие массы мелких сиктов. В новое время начиная со II пол. XIX в. развивается стремление селиться вдоль дороги. Оно не только поддерживалось, но и предписывалось начальством, которое стремилось ввести в сельских поселениях правильное улично-квартальное расположение домов. Квартальная планировка однако не привилась. Уличная же сложилась во многих центральных частях сел и деревень, правда часто улицы не параллельные, а идут концами от единого центра. Улица обычно одна, хотя в селе всегда несколько порядков домов. В районных центрах в Койгородке и Визинге улиц больше: В Койгородке – две, пересекающиеся в центре, а в Визинге – даже три (местами четыре), сходящиеся к мосту через р. Б. Визинга.

Происхождение названий сысольских поселений различно. Значительная часть происходит от местности или реки, на которой она расположена (Грива, Визинга, Иб, Чухлом). Некоторые из них объясняются из коми языка (Межадор, Иб, Гагшор, Пыелдино). Межадор – селение возникшее на меже между погостами Иб и Вотча. Иб – селение, основанное на возвышенностях (Иб – возвышенность, холм и позднее поле). Во многих сохранились древние до коми названия с окончанием слов на -ма, -га, -ра (Визинга, Ужга, Пажга, Чухлом, Лозым, Кибра). В отдельных случаях наблюдается русское влияние (Койгородок).

Гораздо более интересен анализ названий мелких сиктов. Здесь в абсолютном большинстве мы встречаем коми слова (см. выше перечисленные основных частей крупных сел). Типичными являются Ягдор, Керос, Шорсай, Погост, Граддор, Педергрезд, Кируль, Вичкодор, Кузивансикт. Присходят эти названия от имени или фамилии первого поселенца или самой распространенной в селении фамилии (Раевсикт – Раевские, Денисовка, Шурганов, Елегрезд, Савингрезд и т. д.), или от местности расположения селения (Волокпом – конец волока, Шорсай – заручейная, Мёдлопёл – заречная, Вьльтуйдор – возле новой дороги, Граддор – пригородная и т. д.), от находящихся возле нее церкви или монастыря (Вичкодор, Монастыр, Погост) и т. д. Наиболее распространенные названия происходят от имен и фамилий и от места расположения.

Происхождение названия деревни от первых поселенцев подтверждается также и тем, что вплоть до последнего времени для сысольских деревень было характерно наличие двух-трех господствующих (наиболее распространенных) фамилий. Так в д. Кузивансикт (Пыелдино) наиболее распространена фамилия Кузивановых, в д. Шурганов (Шошка) – фамилия Шургановых, в д. Левепиян (Пажга) – Ильчуковых, в д. Чумансикт (Вотча) – Чумановых и т. д. Особенно характерна в этом отношении история с. Чухлом, где согласно преданиям первыми поселенцами были два охотника Сажин и Сельков. И по сей день в деревнях этого села эти две фамилии являются господствующими. Так, например, в 11 деревнях – подавляющее большинство Сажин (в д. Денисовка из 11 дворов – 9 Сажиных, в д. Керос из 33 – 29 Сажиных и т. д.), а в остальных – Сельковы. Другие фамилии во всех этих деревнях встречаются единицами и их носители являются, как видно, более поздними пришельцами в это село (д. Погост с. Чухлом – всего дворов 41; из них Сажиных – 25, Лапиных – 6, Зиновьевых – 3 и еще 7 фамилий, которые упоминаются в единственном числе).

Таким образом анализ современного фамильного состава помогает установить фамилии древнейших обитателей конкретного селения. Хотя в настоящее время это нередко чрезвычайно затруднительно, особенно в таких селах, как Пыелдино, население которых вследствие широкого развития у них отхожего промысла не сидело на месте и нередко переселялось в новые места прямо семьями. В упомянутом селе Пыелдино сейчас во многих деревнях нет господствующих фамилий и весьма характерно, что наличествующие в них жители всегда указаны в небольшом количестве (в д. Вичкодор с. Пыелдино из 17 дворов Кочевых – 2, Старцевых – 2, Уродовых – 2, Кушмановых – 4, Скриповых – 2, Пальшиных – 4, Михеевых – 1).

<...> Новые рабочие поселки имеют правильную квартально-уличную планировку. Более ранние из них отличаются наличием большого количества зданий барачного типа. В последние годы подобных уже не строят. Типичным стало возведение небольших двух- и чаще четырехквартирных домиков. В основном все постройки бревенчатые и лишь в отдельных случаях попадают сборно-щитовые дома. Последних становится все больше. Поскольку все эти дома строят по единому стандарту, то поселок получает своеобразный вид и особенно красиво он выглядит в первые годы, когда домики стоят новые посреди расчищенного леса, обычно на берегу реки.

Хозяйственные постройки строятся отдельно от дома, хотя и близко от него. Обычно в середине между двумя рядами жилищ, выходящих на противоположные улицы, стоят хлевы, сарайчики и дровяники. Больших крестьянских дворов нет. Возможно потому, что рабочими содержится небольшое количество скота, главным образом свиньи и птицы (куры, редко утки и гуси). Для постройки рабочих поселков выбираются более сухие места, чаще с песчаной почвой. А поэтому приусадебных огородов при домах обычно нет. Участки выделены несколько в стороне в более удобных для пахоты землях. Отсюда зачастую полное отсутствие изгородей и заборов вокруг домов. Для рабочих поселков характерно наличие электроосвещения и радио. Каждый поселок имеет свою станцию. Богаче и разнообразнее налажена культурная жизнь рабочих. Специальные здания построены для клубов и библиотек с читальнями. Это просторные двухэтажные дома установленного стандарта с вместительным зрительным залом, отдельными комнатами для кружковых занятий и т. д. <...>

Источники и литература.

1. ЦГА Коми АССР [Национальный архив Республики Коми]. Ф. 46. Оп. 1. Д. 62. Л. 2.
2. Там же. Д. 21. Л. 2–94.
3. Там же. Д. 62. Л. 1–5.
4. Там же. Ф. 61. Д. 136.
5. Там же. Д. 256. Л. 26.

7. Там же. Д. 468. Л. 8–127.
8. Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 118. Л. 49.
9. Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 8. Л. 50–51.
10. Там же. Л. 18–22.
11. Там же. Л. 65–68.
12. Там же. Л. 91–94.
13. Там же. Ф. 61. Оп. 1. Д. 141, 161, 256, 416.
14. Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 73.
15. Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 63.
16. Там же. Ф. 74. Д. 39.
17. Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 55. Л. 102–104.
18. Там же. Л. 107.
19. Там же. Ф. 155. Д. 55. Л. 112.
20. Там же. Л. 116.
21. Там же. Л. 121.
22. Там же. Л. 125.
23. Там же. Л. 131–132.
24. Там же. Л. 135.
25. Там же. Л. 145–146.
26. Там же. Л. 149–150.
27. Там же. Л. 154.
28. Там же. Л. 158.
29. Там же. Л. 175.
30. Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 22, 39.
31. Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 424.
32. Там же. Ф. 61. Оп. 1. Д. 416. Л. 55.
33. Там же. Д. 37. Л. 15, 24.
34. Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 73.
35. Там же. Ф. 407. Оп. 4. Д. 1275. Л. 36, 43.
36. Там же. Ф. 61. Д. 4256. Л. 26.
37. Там же. Д. 202. Л. 12.
38. Там же. Ф. 407. Оп. 4. Д. 1275. Л. 55.
39. Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 8. Л. 82, 86.
40. Там же. Ф. 61. Оп. 1. Д. 202. Л. 12.
41. Там же. Ф. 61. Д. 448. Л. 5.
42. Там же. Ф. 407. Оп. 4. Д. 1275. Л. 30.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»

Журнал публикует научные статьи на русском и английском (с кратким, до 1 стр., резюме на русском) языках объемом, как правило, до 0,5 п.л. (до 20 000 знаков, включая пробелы) и краткие сообщения объемом 0,1–0,2 п.л. (до 8 000 знаков, включая пробелы) по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; историческая география; методология историко-демографических и историко-географических исследований. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редколлекцией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе Microsoft Word. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: Ivanov.doc. Формат А4. Поля по 2 см; шрифт – Times New Roman; размер кегля – 10 пунктов; межстрочный интервал – одинарный. Вставка символов – Symbol. Просим не пользоваться особыми шрифтами и оригинальными символами. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически (0,7 см), а не с помощью пробелов. Расстановка переносов – автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия автора с выравниванием по центру, курсивом. Третья строка оставляется пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Пятая строка остается пустой. С шестой строки печатается аннотация (не более 7 строк) на русском языке обычным шрифтом с выравниванием по ширине. После аннотации печатаются ключевые слова на русском языке (не более семи слов и словосочетаний). Далее печатаются на английском языке с соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Рисунки, фотографии, схемы, таблицы, диаграммы необходимо присылать в одном дополнительном файле. Максимальное количество иллюстраций – 5. Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми: с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Рассмотрим численность населения Северного края (табл. 1)». Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Таблица 1

Численность населения Северного края в 1939 г.

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске) курсивом, например:

«Источники: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5.».

Название рисунка и комментарий располагаются под ним, курсивом, например:

«Рис. 2. Источники роста населения Северного края.».

5. Список ссылок приводится отдельным разделом в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания по тексту в виде нумерованного списка. Названия публикаций приводятся полностью, сокращения названий, употребление слов «Указ. соч.», «Там же» и т.п. не допускается. Ссылка на источник по тексту оформляется как число в квадратных скобках, вручную. Например: [1]. Автоматические сноски не допускаются!

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Сидоров С.С. Очерки демографической истории вымичей // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 45 л.

7. Примечания, пояснения к тексту, касающиеся использованных терминов, имен, географических названий и т.п. даются в постраничных сносках под «звездочкой» (*).

Научный журнал

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ
2020. № 2 (26).

Технический редактор Н.К. Забоева
Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Формат 60 x 84 ¹/₈. Подписано в печать 01.12.2020.
Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 300 экз. Заказ № 147.

Информационно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.